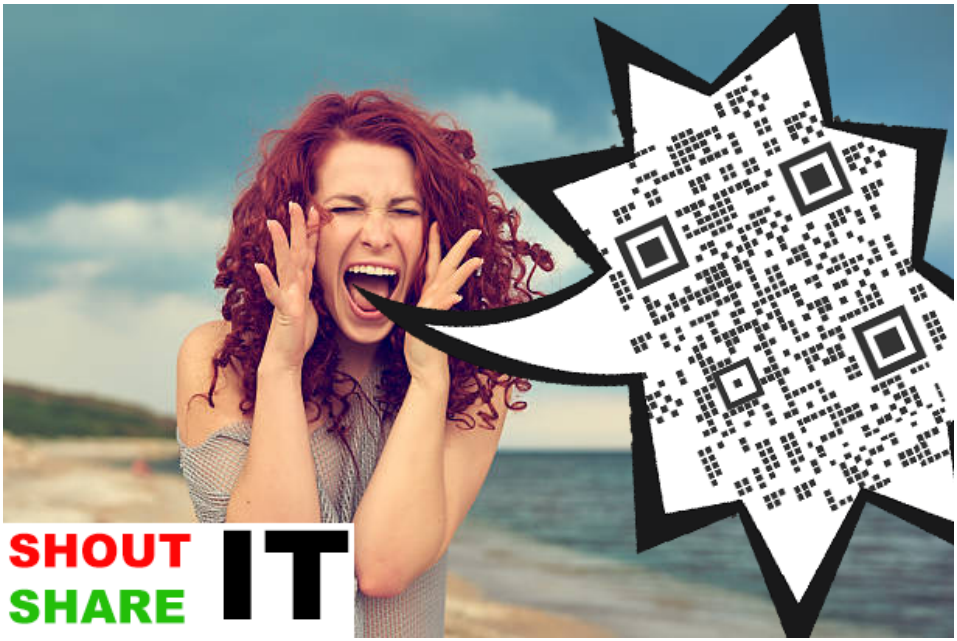
Елена Королевская

Две капли голубой крови!

Или я ничего не должна тебе, мама


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История-исповедь в ситуациях. О непростых отношениях матери и дочери. Книга жесткая, она встряхнет, как продуктивный сеанс у психотерапевта. Читателю обеспечен тонкий баланс эмоций: от гнева до принятия, от негодования до искреннего желания понять. Надо ли учиться любить или это чувство безусловно для детей и родителей? Имеем ли мы право чего-то хотеть от близкого человека в режиме требования? Что правильнее — простить или вычеркнуть из жизни? Каждый сделает вывод сам.

- Две капли голубой крови!
  -
  - ПИСЬМО НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ
  - ЗВОНОК
  - СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
  - АЛЕНКА НА ШОКОЛАДКЕ
  - Я — МАЛЕНЬКАЯ ВЗРОСЛАЯ
  - БАБУШКА (И ДЕДУШКА)
  - МЛАДШАЯ СЕСТРА — МОЙ ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК
  - ОТЕЦ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО
  - ЗАГАДОЧНАЯ БАБУШКА ЗИНА
  - РОДСТВЕННИКИ
  - ДЕДУШКИН ДРУГ, А МОЙ ВРАГ
  - ПОДРУГИ МАМЫ
  - МОИ ОТЧИМЫ
  - ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ
  - МАМА МОИМИ ДЕТСКИМИ ГЛАЗАМИ
  - МАМА И НАШЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
  - СПОРТ И ВРАЧИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ
  - МАМИНЫ МЕТОДЫ НАКАЗАНИЯ
  - КАК МЫ ПРОВОДИЛИ ЛЕТО
  - СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ
  - МАМА И РАБОТА
  - МАМА И ДОМАШНИЕ ХЛОПОТЫ
  - УГОЛОК СЧАСТЬЯ
  - КАК МЕНЯ ОТДАЛИ В НОВУЮ ШКОЛУ
  - МАМА НЕ ЗАМЕТИЛА
  - РАЗВЕ ВОПРОС В ДОВЕРИИ?
  - ВСЕГО ЛИШЬ ВЕЩЬ
  - «Я ДАЛ — Я ВЗЯЛ»
  - Я К ПЯТНАДЦАТИ ГОДАМ

- МОЙ ПАРЕНЬ
- БЕРЕМЕННОСТЬ, СВАДЬБА, РАЗВОД
- ПОСЛЕ РАЗВОДА
- ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНО ОТ МАМЫ
- ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПИСЬМА
- ВТОРОЕ ЗАМУЖЕСТВО
- МАМИНА ИСТОРИЯ ЕЕ СЛОВАМИ
- БАБУШКА ЗИНА О МАМЕ
- ОТНОШЕНИЯ С ВНУКАМИ
- МАМА И ЦЕРКОВЬ
- МАМА И МОЙ СЫН
- ИСТОРИЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ
- МАМА И МОЕ ЗДОРОВЬЕ
- ЛЮБОВЬ НА РАССТОЯНИИ
- БОЛЕЗНЬ
- «НЕ СУДИ И НЕ СУДИМ, БУДЕШЬ»

Две капли голубой крови!
Или я ничего не должна тебе, мама

Елена Королевская

© Елена Королевская, 2019

ISBN 978-5-4485-0532-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПИСЬМО НА ХОЛОДИЛЬНИКЕ

В час мы встретились перед маминым подъездом, как всегда расцеловались и пошли внутрь. Квартира находилась на седьмом этаже. Поднявшись на старом дребезжащем лифте, мы подошли к двери. Вдохнули, выдохнули, собрались с силами, и сестра позвонила. Ничего. Сестра позвонила еще несколько раз. На всякий случай мы еще подождали, но ответом нам стала полная тишина. Сестра достала ключи, и мы вошли.

— Мааам, ты дома? Мааам! — звали мы, оглядывая комнаты в некотором волнении.

В квартире никого. Мы вошли на шестиметровую кухоньку, на холодильнике я увидела книгу, сейчас не помню автора, но точно помню, что книга была о еврейском всемирном заговоре. В восприятии нашей мамы во всех бедах мира (войнах, революциях…) виноваты именно евреи и жидомасоны, как она их называет. Она всем и всегда рассказывала об этом с упоением, блестя глазами, приводя выдержки из книг, сомнения и выводы авторов, с фамилиями и датами. И если она начинала свой рассказ, то уже через несколько минут вокруг «обрабатываемого» появлялись стопки различных книг по этой тематике. В книгах лежали закладки, и все поля книг были исписаны мелким маминым почерком с заметками и ссылками. Для нашей мамы не существовало хуже и страшнее народа, чем евреи. Поэтому в самом факте нахождения книги подобной тематики у нее дома ничего удивительного мы не видели. Но то, что книга без дополнительной обертки лежит на кухне, где, не дай бог, ее возьмут жирными руками или положат на плохо вымытый стол, сразу привлекло мое внимание. Мама рассчитала верно.

— Странно, — я взяла книгу.

— Чего-странного-то? — переспросила сестра.

— Да мама так дорожит своими книгами, что никогда их не оставляет не на месте, — я вижу лежащий в книге конверт.

Он не запечатан. Письмо адресовано нам. На конверте цитата из Библии, видимо, через нее нам сообщалось что-то особенно важное, но мы так и не поняли, что именно, и под цитатой указано, что мама отбыла на пять дней в Египет. Наши лица вытянулись.

— Уехала в Египет? Молча?.. Вот идиотка! — взорвалась сестра. — А мы должны тут черт чего думать! Денег у нее, значит, нет, а на Египет есть! — продолжила она свою гневную тираду.

Дело в том, что мама с сорока с хвостиком работала непостоянно, вступая в конфликты на каждом рабочем месте,

и мы с сестрой чем могли поддерживали ее.

Я поддакивала словам сестры и раскрывала конверт. Ничего особого не ожидая, кроме как очередной «лекции», что мы ее обидели так-то и так-то. Мы начали читать письмо. Но в письме говорилось совсем о другом. Мама написала его таким же, что и пометки в книге, мелким маминым почерком на двух тетрадных листах с обеих сторон. И в нем мы — ее дети назывались, самое скромное, еврейскими «УБЛЮДКАМИ», и приводилось что-то вроде генеалогического исследования рода нашего отца до прадедушек. В обоснование сделанных ею выводов приводились ссылки и цитаты из источников разной исторической и научной ценности. Письмо походило на выдержку из научного труда, который доказывал, что все наши с сестрой родственники по женской линии отца евреи, а раз это так, то мама делала вывод автоматически, ПОРОЧНЫМИ людьми. Каждому члену семьи отца приписывался свой особенный грех. В их компании встречались воры, извращенцы, наркоманы, алкоголики и прочая нечисть. Мы с сестрой отмечались особо, так как мы — полукровки (еврейки по отцу — по мнению мамы), и, следовательно, особо гадкие и убогие, с гнилой «голубой» кровью, которая в полной мере еще непременно себя покажет.

Мы стояли ошарашенные. За что столько ненависти к собственным детям? Мы — еврейки? Мысли путались в голове, мы перечитали письмо еще раз. Лучше не стало. Все правильно: мы — «еврейские ублюдки». Мы никак не могли понять, почему мы, ее дочери, две взрослые молодые женщины, сами матери, работающие, не наркоманки и не другие антисоциальные элементы, самостоятельно пробивающие себе дорогу в жизнь — трудом и терпением, чью помощь она принимает, не поморщившись (!), заслужили к себе подобное отношение? В первую минуту после шока пришла мысль о психушке.

Но, мы видели, что мама адекватно ведет себя во всех остальных вопросах, значит она нормальная!

И, честно говоря, письмо показалось настолько грязным, с такими извращенными подробностями якобы кровосмешений в семье отца, которые по выводам мамы и привели к «порче крови», что показалось стыдным его вообще кому бы то ни было показывать. Да мы и не знали, как и куда в столь необычной ситуации можно обратиться. Мы договорились подождать, пока мама вернется, и попробовать поговорить с ней об этом. Мы откровенно испугались за маму.

Страшно представить, сколько времени потрачено на эти изыскания! Это же не спонтанное письмо, в котором вас в сердцах обзывают бранными словами, это целый научный труд, обильно

насыщенный ссылками и сносками, стрелочками: «книга такая-то», «страница такая-то». Маме для его написания, пришлось проследить семейные связи, подобрать авторитетные основания и выводы. Как такое возможно написать и ставить в вину своим собственным детям? Допустим мы и еврейки, возможно, что в том письме есть какая-то доля правды о недостатках наших родственников, но в чем виноваты мы? Потом, через годы, мама как-то скажет вскользь, что, когда писала это письмо, она просто хотела объяснить нам, почему мы так плохи, открыть глаза на причины нашей душевной болезни, вскрыть нарыв. То есть этим письмом она планировала нас спасти на краю пропасти, куда мы с сестрой должны непременно свалиться. Потом будут еще письма.

ЗВОНОК

Мне недавно исполнилось двадцать шесть. За окном солнечное осеннее утро. Воскресенье. Я дома одна. Дочка, как обычно на выходных, пошла к своему отцу, он забрал ее еще накануне совсем рано утром. Как же здорово, никуда не спеша, просто поваляться на диване, листая модный журнал. Я журналы не читаю, но картинки рассматривать люблю. Я мысленно с удовольствием примеряю наряды, и тут звонит телефон. Вставать невыносимо лень, но телефон настойчиво трезвонит и трезвонит.

— Кому я вдруг понадобилась с утра в выходной день? — я раздражаюсь, невольно смотрю на часы, — только пол десятого, а вдруг я еще сплю? Опять, небось, с каким-то соцопросом или рекламой, совсем обнаглели уже, и по выходным от них нет спасенья.

Телефон замолчал, кто-то не дождался.

— Ну и чудненько, — только и успела подумать, как телефон зазвонил снова. — Вряд ли это совпадение, когда два звонка подряд, да еще так долго держат трубку, видимо, все же кто-то из своих пытается дозвониться, зная, что я дома. Ну ладно, подойду, — я буквально соскребаю себя с дивана, за трубкой надо выйти в коридор. — И почему бы не класть ее рядом? — в очередной раз ругаюсь я на себя.

В коридоре меня встречает большое круглое зеркало в массивной раме. Под ним на тумбочке пищит специально установленной, противной и резкой мелодией телефон. Это сделано для того, чтобы его хотелось побыстрее выключить, а значит — подойти. Взглянув в отражение, я испугалась — плохо смытая с вечера субботы тушь растеклась, образовав темно-синий синяк под правым глазом.

— Красавица, — промелькнуло в голове, — вот сейчас бы поклонники на тебя полюбовались, ни бровей, ни ресниц, одно бледно-синее пятно. Надо оттереть, а то и самой страшно!

И чтобы оставить руки свободными, я зажимаю пиликающую трубку между левыми плечом и ухом.

— Але! Да! — невнятно бубню я.

— Привет, — бодро отвечает мне Ирина, моя младшая сестра.

— Привет, привет, как дела? — обрадовалась я, что хоть свои, значит, не зря вставала.

— Да все нормально. Слушай, а ты с матерью вчера не разговаривала? А то я что-то второй день не могу до нее дозвониться? — немного взволнованно, спрашивает она.

— Ну началось! — скисаю я тут же.

Как обычно, в последнее время от вопросов про мать у меня сразу портится настроение.

— Ира, ну ты же все знаешь! Ну чего спрашивать-то? — отвечаю я недовольно, уже понимая, что единственный выходной день, скорее всего, будет испорчен.

Мы только в пятницу вечером коротко созванивались, как раз по маминому поводу, я делилась неприятными результатами звонка. От воспоминаний на душе опять стало тяжело.

— Не-е, ну мало ли? — протягивает она.

— Ну чего «мало ли»? — переспрашиваю я более мягко. — С пятницы ничего не изменилось, — а в голове снова прокручивается пятничная ситуация.

В пятницу, по дороге со школы домой, моя дочь с провожающей ее до дома няней встретились с нашей мамой на улице. Катя шагнула к бабушке навстречу и поздоровалась, а наша бабушка с гордо поднятой головой бравым шагом, глядя вперед, пронеслась, не притормозив, мимо внучки как мимо пустого места. Представить не могу, что моя дочь почувствовала, и как смутилась перед идущими рядом одноклассниками. Живут все рядом и знают ее бабушку. Посыпались неприятные вопросы. А что Катя может им объяснить?! Что бабушка перестала узнавать собственную восьмилетнюю внучку, обидевшись на дочь?

Татьяна — няня моей дочери, взрослая, казалось бы, девушка, бывшая одноклассница моей сестры, просто оторопела от маминого поступка. Она и так боится нашу маму «как огня». И если она приходит ко мне домой, то Таня, боясь скандалов, категорически отказывается находиться с ней в одной квартире, и просит меня подгадывать время так, чтобы они не пересекались. А тут такой фортель! Я предчувствовала, что скоро могу остаться без няни, что, к сожалению, и произошло. Кому понравится терпеть обзывания и стрессы?! А я, несмотря на подавленность этой ситуацией, считала, что в пятницу еще довольно хорошо все закончилось хотя бы потому, что мама не устроила прилюдно скандал на тему, что «няня нам дороже родной бабки», как она это умеет.

Катя опять пришла домой расстроенная. Объяснить и внушить ребенку, что не нужно принимать бабушкины поступки и слова на свой счет, что она не виновата, что это взрослые «с ума посходили», к сожалению, у меня не получалось, хотя я и пыталась.

— С пятницы, думаю, ничего не изменилось, мама жива-здорова и ходит гулять. А вчера был твой день, я ей не звонила, я работала, так что у меня без новостей, — я окончательно

расстроилась.

— Слушай, сходим к ней вместе? Посмотрим, что там у нее дома творится? — с ноткой давления спросила сестра.

— Да что там может быть?! Дозвонимся попозже. И так один выходной, — сделала я попытку отвертеться.

— Ну Лена, мы же договаривались! — продавливает сестра.

Договаривались-то, договаривались, только как подумаю об очередном скандале, у меня прямо живот сводит, так не хочется идти, но раз договаривались, то куда денешься.

— Во сколько? — сдаюсь я, понимая, что не могу отказать.

— Давай в час у подъезда? — сестра ожила, почувствовав опору.

— Давай. Ну все, тогда в час? — безысходно спросила я, одновременно прощаясь.

— Все, — попрощалась сестра.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С мамой мы жили рядом, на соседних улицах. Но на тот момент общались с трудом и я, и сестра. А так как дочерей у мамы две, то по договоренности звонила ей та дочь, которая на тот момент находилась в меньшей опале. Ссоры между мамой и нами происходили раз в неделю, это точно. На мамины выпады в наш адрес мы обычно старались или промолчать, или, звоня на следующий день, сделать вид, что просто ничего вчера не произошло. Иногда этот фокус нам удавался, мама принимала игру и разговаривала, и шутила, как ни в чем не бывало. Но причина для того, чтобы новая ссора началась или же старая вспыхнула с новой силой могла быть любая. И ее, эту причину, как ни старайся, просто невозможно предугадать. Мы с сестрой одно время созванивались перед тем, как набрать маме, и обсуждали, на что она обиделась в прошлый раз и как бы так ее спросить в этот, чтобы история не повторилась снова. Но нам почти никогда не удавались прогнозы. Началом скандала мог послужить не тот тон, в котором, как считала мама, я с ней поздоровалась, или не тот набор фраз, которыми я произнесла приветствие, не такой взгляд при встрече и… миллион других причин. Но итог ссоры всегда сводился к обвинениям в недостаточном проявлении с моей стороны почитания и обожания к ней, как к матери.

Мы старались звонить раз или два в день, чтобы поздороваться и спросить о ее самочувствии… и получали в ответ что-то из серии: «Сдохну, узнаете».

Позвонив маме где-то в одиннадцать часов утра, на вопрос «Мам, привет, как дела?» в трубке раздавалось:

— Да какие у меня дела, дела у вас, это ж вы занятые, а я-то чего? Гляди, вспомнила она про мать… дела… ты бы о здоровье сначала спросила… да ела я сегодня или нет? Уже одиннадцать!

И, распаляясь за пару минут, мама начинала сама себя оскорблять, говоря: «Да, мать же у вас идиотка, хуже матери в мире не найти, я — сволочь, а вы у меня святые…» и так далее, и тому подобное.

В первые годы мы терялись и делали попытки оправдаться:

— Мам, да я такого никогда не говорила, — старались донести до нее и я, и сестра.

Но она орала и не слушала нас.

— Не говорила, так подумала! Судят не по словам, а по делам, — обрезала наши попытки объясниться мама. — Не смей мной командовать! — кричала мама. — Мной никто

никогда не командовал, даже мать, которой у меня не было, а ты рот разеваешь! Знай край, да не падай! Не всегда говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь! Яйца курицу не учат! Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, — сыпала она выражениями.

После этого мне или сестре задавался прямой вопрос:

— Кто здесь мать, я или ты?

Получив ответ, что, конечно же — она, мама резюмировала:

— Вот и закрой свой рот! (Или просто «заткнись»).

Мама — человек начитанный, любит вставлять в разговор цитаты, устоявшиеся выражения и в карман за словом не лезет. Во то время, когда происходят описываемые события, мы все уже с полгода жили раздельно, мама словно не могла с этим смириться, а нам это позволяло более-менее дозировать общение. В иной раз казалось, что чем спокойнее ты стараешься реагировать, тем больше это раздражает и выводит из себя нашу маму. В такие дни нас обвиняли в полном равнодушии, эмоциональной холодности и бедности, незрелости чувств и прочее. Порой, устав от бесконечного выяснения отношений, мы поступали по-другому, мы звонили ей, но молчали. Главным для нас являлось понимание того, что раз мама сняла трубку и бодро говорит «алло», то, значит, с ней все нормально. Все друзья-знакомые, знавшие нашу непростую ситуацию в семье, тоже рассказывали нам, где и при каких обстоятельствах они ее видели. И так как гулять мама ходила строго два раза в день, то информации у нас хватало.

В последний раз причиной к началу серьезного конфликта послужил мой «не имеющий названия» поступок, а именно то, что я наняла дочери репетитора по английскому языку. Мама на это страшно обиделась. Она считала, что ее знаний английского вполне достаточно для занятий с внучкой, а у меня на этот счет имелось другое мнение. Ее знания самоучки и акцент, с которым она читала тексты, не имея опыта разговорной речи, не казались мне достаточными для преподавательской деятельности. Возмущенная наймом учительницы мама требовала от моей дочери сказать «этой крохоборке», одно из названий мамой репетитора, чтобы та не приходила, если «внучка, конечно, любит бабушку». Внучка, не осмеливаясь бабушке возражать, со слезами жаловалась мне, я разговаривала об этом с мамой, мы ссорились, и ситуация заходила в тупик.

— Твоя мать — упертая овца, — объявляла она моей дочке, — а ты идешь у нее на поводу. Ты-то хоть будь умней! — взывала она к ее детской совести.

Сейчас я бы сформулировала принцип маминой любви так:

«Мама любит меня только тогда, когда я ей полностью подчиняюсь и безоговорочно соглашаюсь с ее мнением».

При этом никто и никак не ограничивал бабушку во встречах и занятиях с внучкой. Я ключи от своей квартиры у мамы не забирала и запретов не устанавливала. Конечно, я просила маму не обзывать меня при ребенке и делала неоднократные попытки объяснять ей свою позицию. В итоге выяснения отношений мама устроила грандиозную истерику и сказала, что у нее нет дочери, то есть меня. Находясь со мной в ссоре, она не считала нужным не то, что приходить к внучке, а даже позвонить ей, а в этот раз и узнавать отказалась.

Вот из-за этой ссоры теперь только сестра могла периодически заходить к маме домой, а мне Ира «докладывала обстановку». Сестра от нас обеих приносила маме то продукты, то оставляла немного денег, ту посильную помощь, которую мы могли ей тогда оказать. И хотя на тот момент нашей маме еще не исполнилось и пятидесяти лет, и она не страдала никакими хроническими заболеваниями, мы уже не первый год как ей помогали. Я же в то время растила дочь одна и без алиментов, у сестры тоже был маленький ребенок, и у нас обеих имелось по «букету» хронических болезней. Мама принимала от нас все как должное, слов благодарности мы не слышали, да и не ждали, честно говоря. Мы чувствовали счастье, если день проходил без скандала и обвинений в наш адрес.

В тот чудесный день сестра, не дозвонившись до мамы, откровенно боялась идти к ней одна, так как не хотела скандала, и позвонила мне. Но у меня ключей от маминой квартиры не было, а заходить одна я, вроде, как не имею права. И, поддерживая друг друга, мы и сговорились прийти вместе, так сказать, разделить бремя.

Сейчас мы снова в ссоре, и так как мама выбрала письменную тактику общения, я и пишу в ответ на ее претензии ко мне свою книгу.

Еще я пишу ее в надежде, что такие же несчастные дочери, как и я, прочтут ее, и им будет хоть немного легче, узнав, что они такие в этом мире не одни и что у них есть полное право чувствовать то, что они чувствуют. И, главное, сделают все, чтобы не перенести подобную модель поведения на собственных детей, ведь взгляды на мир, на людей, ценности, понятия закладываются в нас в детстве и потом во многом неосознанно переносятся нами и на наши семьи, создавая так называемые «родовые проклятия». Я надеюсь, вы увидите, как разнится восприятие ситуации через призму личностных проблем каждого человека. Как каждый

усматривает что-то свое в словах и действиях другого и трактует их по-своему, а другой человек, возможно, совсем не то имел ввиду. И все это, мягко говоря, недопонимание происходит между самыми, казалось бы, близкими людьми. Что тогда ожидать от посторонних?

АЛЕНКА НА ШОКОЛАДКЕ

Семидесятые годы прошлого века, моей маме скоро исполниться двадцать три. Дом, в котором живет мама, новый, только построенный, на новой окраине города. Вокруг еще не асфальтированные пыльные дороги. Сам дом длинный, из тринадцати подъездов и без арки, так что, если нужно попасть на другую сторону двора, дом надо обойти целиком, за это его прозвали «Китайская стена». Лето стояло очень жаркое, вокруг горели торфяники, все окутано дымом. А тут еще эта пыль от дорог и строек. И я неудачно родилась в конце июля, в самую жару, раньше срока где-то на месяц. Моей маме пришлось очень тяжело во время беременности, она много раз рассказывала мне об этом. Но я родилась, и, следовательно, нужно дать мне имя.

У каждого в семье есть воспоминания, про которые никто со стопроцентной достоверностью не может сказать, было ли это именно так или только близко к тексту, а, может, и вовсе не было. Вот и в нашей семье существует несколько таких.

Самым ранним воспоминанием, которое звучало так часто, что практически закрепилось в моем мозгу, как его собственное, стало воспоминание о выборе для меня имени.

Родилась я с розовой кожей, красавицей с пшеничными волосиками, длинными ресничками и огромными васильковыми глазами. Вокруг мамы в общей палате роддома лежали женщины исключительно с новорожденными мальчиками. По выходе из роддома меня планировалось записать Олей, но произошло первое из легендарных событий в нашей семье, связанное со мной.

Как это водится, в роддоме роженицы показывали друг другу деток и шутили на тему «у вас жених, у нас невеста». И вот я — невеста, и я одна на палату. Так в палате, а постепенно и на этаже, по маминым словам, установилось шуточное соперничество, чьей невестой я буду, когда вырасту. Шла борьба между качеством приданого и обещаний будущей сладкой жизни. Заходили полюбопытствовать и из соседних палат. Там у женщин родились девочки, но они не могли и сравниться со мной в красоте. И, конечно, не все мамочки относились с искренней радостью к моему превосходству, например, одна из женщин, с обычной невзрачной девочкой, опять же, как рассказывала моя мама, прямо говорила всем о том, что ничего хорошего в красоте нет, «натерпится еще девочка бед из-за нее». Для меня именно эта семейная легенда всегда звучала, как что-то похожее на раздачу подарков и проклятий феями новорожденной принцессе — мне,

словно в сказке «О спящей красавице». И вот другая женщина — «добрая фея», мамина соседка по палате, восхищаясь моей красотой сказала:

— Надо же, такая хорошенькая девочка, прямо как Аленка на шоколадке!

Помните знаменитую в советское время шоколадку «Аленка» московской фабрики «Красный Октябрь» с милой девчушкой на картинке? Благодаря этому сходству я и стала называться Аленкой с шоколадки, что сулило мне, в глазах маминых соседок, счастливую и сладкую жизнь.

Но в жизни меня назвали Лена, а не Алена. Просто потому, что это стало первой ошибкой моей мамы в выборе, который она делала за меня… и для меня. Она не настояла, и в ЗАГСе меня записали Еленой, считая, что Алена и Елена это одно и то же имя. И началась моя жизнь с третьим по счету от рождения именем — Елена. Сказочное число, не правда ли?

Жить мне предстояло в трехкомнатной малогабаритной квартире, в которой, помимо меня, уже жили: мама, папа, папина сестра, бабушка и дедушка, их собака, а потом к нам присоединилась и моя младшая сестра. В этой квартире постоянно кто-то ссорился, вернее, мама с кем-то, а именно: мама с бабушкой, мама с тетей, мама с папой и бабушкой… И очень быстро моя семья сузилась до мамы и сестры. И удивительным образом в этой трехкомнатной квартире родителей моего отца остались жить только мы втроем.

Как это точно произошло, я не знаю. Лишь в одном я уверена с самого моего рождения — это в том, что мою маму постоянно обижали, и ей приходилось очень тяжело одной растить нас с сестрой, а особенно тяжело досталась ей я.

По рассказам мамы, я родилась крайне беспокойным ребенком и кричала, не переставая, круглыми сутками. В первые месяцы мама практически не спала из-за моего плача. По выражению мамы, я выжала ее как лимон.

Я помню себя маленькой, помню некоторые ситуации и ощущения, но не помню детства. Не помню я этой, описываемой в книгах, беззаботности и легкости бытия, безоблачного счастья и ожидания светлого будущего, являющихся, как казалось бы, его обязательными атрибутами.

Я — МАЛЕНЬКАЯ ВЗРОСЛАЯ

Внешне я ребенок, как ребенок, вполне обычный, только сама себя я всегда считала взрослой, о чем прямо заявляла всем окружающим, мне кажется, сразу как научилась говорить. Мне казались непонятными и вызывали удивление сюсюканья. Знаете, эти умильные лица взрослых и их желание ущипнуть или шлепнуть ребенка со словами: «Ух ты какая хорошенькая, красотка, малышка…» и так далее. Все эти действия и слова по отношению к себе я считала неуместными.

И на все попытки такого со мной обращения я с серьезным лицом просила меня не трогать.

— Я не маленькая! — утверждала я. — Я — взрослая!

Это была моя так называемая коронная фраза, которая всех вокруг доводила до смеха. Но я не смеялась, и от этого взрослым людям становилось еще смешней. А я смотрела на смеющихся надо мной и недоуменно, с расстановкой, медленно повторяла:

— Я взро-сла-я!

Я вообще любила все обстоятельно разъяснить и пояснить, и ко всему, и всегда относилась серьезно.

Например, в садике, в который я пошла, когда мне не исполнилось и двух лет, а сестру мама отдала в ясли в десять месяцев, меня прозвали «Прокурор без аттестата» за умение четко и грамотно объяснить воспитательнице, что произошло в группе за период ее отсутствия. Мама поддерживала, как мне кажется, во мне эту взрослость тем, что она с раннего детства зачем-то сделала меня компаньоном и поверенной ее взрослых тайн и мыслей.

Как я себя помню, в целом, ребенок я положительный, что подтверждает и моя мама. Она сама мне неоднократно говорила, что мне можно было поручить все и быть уверенной, что я это сделаю, и сделаю хорошо. Со мной не требовалось заниматься, так как я сама училась и тянулась к знаниям.

Но за внешней обычностью, скрывалась одна особенность, которая меня выделяла из среды «среднестатистических детей» — я родилась ранимой фантазеркой. Излишне впечатлительной, как говорила моя мама; или другая мамина характеристика, объявляемая мне обычно в моменты опалы — «эмоционально распущенной».

Например, я не могла смотреть фильмы про войну, а они в то время во множестве показывались по телевидению, и попасть на такой фильм труда не составляло, достаточно включить телевизор. Я плакала. Особенно это раздражало маму, когда она

садилась смотреть вечерние фильмы. Фильмы показывали каждый день после вечерних новостей в полдесятого, а мы с сестрой частенько пробирались из нашей комнаты в коридор и через приоткрытую дверь старались незаметно эти фильмы подглядывать. И вдруг я начинала рыдать, портя впечатления и отрывая маму от просмотра фильма. Мама ругалась.

В общем, я всех жалела и страдала от любой несправедливости, насилия и крика по отношению к себе и окружающим. Я не была тихоней или неженкой. Я росла активным и озорным ребенком, таким Робин Гудом в юбке, защитницей «обиженных и оскорбленных». Я любила активные или геройские игры, такие как казаки-разбойники, прятки, вышибалы, три мушкетера… И в этих играх я всегда предводительствовала. Я проживала эти игры, я спасала, руководила отрядами победителей, верховодя исключительно мальчишками. Домой я приходила грязная, даже в самый сухой день. Бабушки у подъезда всплескивали руками и сокрушались:

— Господи, где-грязь-то нашла? Ну как мальчишка!

— А я и хочу быть мальчишкой! — огрызалась я.

Я всегда заступалась за младших или детей, чем-то в моем понимании обделенных.

Этим, как я поняла уже во взрослом возрасте, активно пользовались мои друзья-приятели, выдвигая меня делегатом на решение различных проблем, как с учителями, так и со сверстниками. Стоило им только рассказать, как незаслуженно их обидели, и я рвалась на защиту. Ко мне подходили и просили пойти поговорить с учителем о несправедливой оценке или записи в дневнике, и я шла, и работала рупором гласности. Ведь моя мама именно такая, считала я, гордая, смелая, непокорная.

Например, когда в двенадцать лет меня положили в больницу, там уже находился глухонемой мальчик, и никто не хотел с ним дружить. Я помню, как грубо к нему обращались и дети, и медперсонал. Ему звали идти на какую-то процедуру, а он пугался и прятался под столом. Под столом, стоящим на карачках и мычащим, я его и увидела впервые. Я влезла к нему, села так же, как и он, и взяла его за руку. Мы мычали вместе, и постепенно он успокоился, и пошел со мной, куда требовалось. С того случая, пока я лежала в больнице, все проблемы с ним решались через меня. Мне странным образом казалось, что я его понимаю. Я читала ему книжки и рассказывала сказки.

Отдельной болью для меня становились негативные слова в адрес мамы. Кроме нее у нас никого не было. И переживала я

безумно. В этой же больнице я услышала, как про маму сказали нелицеприятное о том, что она меня сдала в больницу, а сама почти не приходит, и я ревела часа четыре, так что успокаивать меня пришлось всем отделением с привлечением врачей. Я не понимала почему, но я слышала подобные высказывания о маме довольно часто. Она не нравилась врачам, учителям, родителям одноклассников… Я не понимала, чем и за что, и страдала за маму.

Еще одна моя особенность то, что я любила рассказывать сказки, сколько себя помню. Рассказывая их, я как бы погружалась в тот мир целиком. Я рассказывала, не глядя со стороны, а участвовала в событиях. Мои герои оживали, нет, не так, для меня они были просто живыми. Попадала в сказку я легко, стоило немного сосредоточиться. Сначала все видишь не слишком отчетливо, напрягаешь и фокусируешь внимание, и сказочный мир постепенно становится все более ярким и живым. В тот же миг в моем мире появлялись феи, говорящие цветы, русалки, демоны, драконы… Я слышала их голоса, как каждого в отдельности, так и всех одновременно, и с легкостью отвечала им, не раскрывая рта.

Вероятно, что именно из-за столь богато развитой фантазии в возрасте от двух до шести лет время от времени я бродила по ночам, удивляя маму страшными историями, происходившими в моем мире ночью, как в реальности. Я могла, не просыпаясь, начать разговаривать с мамой. На входную дверь в квартиру повесили цепочку, как дополнительную защиту для того, чтобы если я встану ночью и открою замок, а дверь с внутренней стороны квартиры открывалась простым нажатием на ручку, я не могла бы распахнуть ее и выйти из квартиры, пока все спят.

Один такой случай остался в памяти моей семьи навсегда. Как-то ночью я проснулась, как мне показалось, от услышанной музыки. Мне стало интересно, и я пошла в большую комнату посмотреть, что происходит. Там играла музыка, крутил катушки магнитофон и танцевали… черти! Да, да, самые настоящие. Я пошла на кухню, где мама в это время готовила. Мама стояла к двери спиной, и когда я к ней обратилась, аж подпрыгнула от неожиданности.

— Фу, Ленка, опять бродишь? — сказала она. — Иди, ложись.

— Мам, а что там, в большой комнате? — спросила я.

— А что в большой комнате? Ничего, иди, спи тебе говорят!

— Мам… там черти танцуют. Зачем ты их пустила?

— Какие черти? Господи, да что ж это такое? Лена, иди спать! — повторила мама, — мне готовить надо.

— Мама, там музыка и черти.

Мама раздражено отложила картошку, и сказала:

— Хорошо, пошли! Где там твои черти?

Мы пошли в комнату. Входим, и я спрашиваю:

— Видишь? Черти! Почему ты разрешила им здесь танцевать?

— Лена, — раздражалась мама, — в комнате никого нет, тебе показалось.

— Я их вижу, — я продолжила настаивать.

Тогда мама подошла к окну и одернула штору со словами:

— Лена, очнись, ночь на дворе! Какие танцы?

Кольца на шторах звякнули, и я проснулась. Я стояла в комнате с включенным светом, а за окном стояла ночь.

Но будучи такой фантазеркой, я почему-то никогда не играла в куклы, а именно в «дочки-матери». На эту игру мои фантазии не распространялись, я предпочитала фей.

Хочу пояснить, что с феями я общалась не постоянно, а только в то время, когда мне становилось скучно. Например, по дороге куда-нибудь или в очереди, или, когда в доме ругались. Когда же я научилась читать, книга стала моим постоянным спутником и заменила мне мои фантазии и во многом окружающий меня не слишком дружелюбный мир. Книгами я зачитывалась тоже до «полного погружения». Ко мне подходили, что-то спрашивали, и я даже отвечала на вопрос. Но потом ничего не помнила. Очень часто вот так, пока я читала, мама звала меня на обед или ужин, а я или не отзывалась, или отзывалась, но не шла. Мама решала эту проблему просто: меня оставляли голодной! Но я не жила замкнуто в своем мире.

В детстве я любила петь перед публикой. Пела я, не стесняясь, и везде, наверное, лет до шести, посреди полного автобуса или троллейбуса, в поликлинике… да где угодно. Так случилось и в тот раз. Мы с мамой ехали на автобусе «битком», заполненным людьми, и меня это вполне устраивало. Я встала на задней площадке, раздвинула руками взрослых и произнесла:

— Подальше, подальше чуть-чуть.

Люди смотрели на меня с удивлением, но отходили. Я набрала в грудь воздуха и запела:

— Расцветали яблони и груши…

Я пела «Катюшу», следующим номером шла песня «Один раз в год сады цветут»…

Остановить меня было нелегко, меня не смущал ни смех, ни вопросы, которые мне начинали задавать. Я твердо знала, что стану певицей, и щедро дарила свой талант людям.

— И в кого ты такая певучая? — спросила меня какая-то женщина.

— В себя! — ответила я гордо и добавила, — я буду певицей.

Люди похлопали. Мама сидела недалеко и не вмешивалась, так как реагировали люди, как и обычно, положительно. Спев две песни, я важно поклонилась и вернулась к маме.

Но певицей я не стала, а стала главным бухгалтером, как одна из моих бабушек.

БАБУШКА (И ДЕДУШКА)

Я рассказываю об этой бабушке первой, выбрав ее из всех моих родственников, потому что именно с ней связано мое второе семейное воспоминание.

Моя бабушка по папиной линии работала главным бухгалтером. И как я узнаю через много лет, период, в который я родилась, это горячая пора сдачи отчетности. Бабушка работала много и часто брала документы с работы домой. Так и в день, когда мама пришла из роддома, она оказалась очень занята. А маму, как любую женщину, оскорбляло недостаточное внимание бабушки к столь важному событию, и как мама мне с гордостью рассказывала, она вошла в комнату и положила меня прямо на бумаги перед свекровью, заявив:

— Посмотри, у тебя внучка родилась, а ты в бумагах зарылась! — и смело, свою смелость мама подчеркивала отдельно, посмотрела, какая будет у той реакция.

— Вот, Леночка, — вздохнув и разведя руками, как бы показывая масштаб проблемы, — сказала бабушка. — Никогда не становись главным бухгалтером!

— Представляешь, — возмущалась, рассказывая мне об этом моя мама, — бумажки для нее важнее рождения внучки!

Я думаю, наверное, бабушка была властной женщиной, учитывая ее профессию. И я понимаю, что надо обладать сильным характером, чтобы поступить так, как мама, а не проглотить обиду. Мама пошла на открытый конфликт. Но что мама ожидала от этого конфликта, мне не понятно. И зачем это рассказывать мне — совсем маленькому ребенку, всегда делая акцент в этой истории на равнодушие ближайших родственников к моему появлению. Из чего я твердо усвоила, что никому, кроме матери, в этом мире не нужна.

Бабушка, по словам мамы, виновата еще в том, что постоянно влезала в их с отцом жизнь. Ей не нравился выбор сына. Маму это возмущало, и она неоднократно рассказывала мне эпизод, обличавший бабушкино ужасное к ней отношение. Вот он. Мама, выйдя замуж, готовить не умела. И как-то, купив курицу с зашитыми в пакет и уложенными внутрь потрохами, так и сварила ее отцу. А папа съел и ничего ей не сказал, но вот свекровь, позволила себе сделать ей замечание и укорить за невнимательность. В финале этой истории звучал возмущенный мамин вопрос:

— По какому праву она лезет в нашу семью и настраивает мужа против меня? — и незамедлительно делался вывод: Два

соловья на одной ветке не поют!

Я запомнила, что в мою будущую семью свекровь лезть с вопросами, о чем бы то ни было не имеет никакого права.

Как я рассказала, со временем мы остались жить в квартире втроем. После того, как это произошло, какое-то время бабушка приходила за мной в садик и брала меня к себе домой. Ах, как я ждала ее приходов. Меня угощали конфетами и всякими вкусностями, обнимали, целовали. Я помню это счастье. Но неизменно мои редкие встречи с бабушкой заканчивались скандалом между нею и мамой в моем присутствии, а меня потом мама сильно ругала. Она ставила меня перед собой, и начиналось внушение:

— Смотри мне в глаза, — требовала она от меня металлическим голосом, — уж если идешь к этой стерве, то возьми с собой и сестру! Поняла? Предательница! Что молчишь? Может, тебе вообще мать не нужна? Продалась за конфетки! В следующий раз, когда она за тобой придет, ты откажись и скажи, что без сестры никуда не пойдешь! Поняла? Обещай!

— Прости, мамочка, прости, я больше не буду, — плакала я и обещала.

Но когда бабушка приходила за мной, я замирала от ужаса и радости одновременно, пищала что-то про сестру, но бабушка отвечала, что пришла только за мной… и брала только меня. Мне тогда не исполнилось и пяти лет. Но постепенно я все же научилась выполнять требование мамы и отказывать ей, как это не было для меня тяжело. Я понимала мамину обиду за сестру, и мне было больно, когда мама рассказывала о своих обидах на бабушку. Но и бабушкины сомнения относительно сестры сейчас для меня стали вполне понятны. В итоге мне все-таки пришлось сделать выбор между ними…, и бабушка перестала приходить.

Я твердо помню любовь ко мне бабушки, хотя мама это и отрицает, и как мне кажется, что даже помню, как она произносит фразу, ставшую третьей легендой нашей семьи:

— В нашей Леночке течет две капли «голубой крови»!

Я помню, что именно папина мама очень гордилась моей рассудительностью и недетской степенностью. И на вопросы посторонних, откуда у меня такие манеры и серьезность, я всегда отвечала с достоинством именно этой фразой и, непременно добавляя, что это слова бабушки. Я гордо вскидывала голову и, хвастая, выдавала:

— А моя бабушка говорит, что во мне течет две капли «голубой крови»!

Значения этой фразы я не знала, да и не задумывалась над

ним, просто мне нравилось ее повторять.

Дедушку я не помню совсем. Только помню, что он был и встречал меня с улыбкой. Но по решению моей мамы из моей жизни совсем рано «ушли» любящие меня бабушка и дедушка.

Видела я их еще всего один раз, когда дедушка тяжело заболел. В то время бабушка позвонила маме и попросила привести нас повидаться с ними перед смертью. Я уже училась в девятом классе, сестра — в седьмом. Мама объявила свое решение и строго-настрого приказала, ничего у них не брать и отвечать, что у нас всего в достатке. Мы приехали, дверь открыла полная темноволосая женщина — наша бабушка. Подошли к дедушке, он лежал в кровати, поздоровались, сели за стол, коротко пообщались о планах на будущее и… ушли, отказавшись от предложенных денег и угощения. Тогда меня потрясло, что не виделись мы уже больше десяти лет, а оказалось, что бабушка с дедушкой жили в том же микрорайоне, что и мы. И я силилась, но не могла понять, почему же они с нами не общались. Мы же выросли. Они вполне могли бы сделать попытку наладить с нами контакт напрямую, не дожидаясь смертного часа. От всех этих мыслей мне становилось очень больно.

Мама сочла наш поход триумфальным.

— Мы утерли им нос! Думали, я загнусь одна, а «фиг» им! Вон вы у меня какие! Умницы да красавицы выросли! — с удовольствием повторяла она всю дорогу.

Нам с сестрой было радостно за маму, но одновременно очень грустно. Я допускаю, что мы с сестрой многого не знаем про родителей отца, но все равно жаль, что этой любящей меня бабушки почти не было в моей жизни.

На этом семейные легенды закончились, их у меня всего три, как «три желания» в любой сказке. И теперь я расскажу о втором, после мамы, главном человеке в моей детской жизни — о моей любимой сестре.

МЛАДШАЯ СЕСТРА — МОЙ ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК

Сестра не была желанным ребенком. Она родилась по воле случая.

О сестре мама рассказывала, что в противовес мне она родилась сине-красного цвета, так как появилась семимесячной, без волос, ресниц и черная, как цыганка. На момент ее рождения мама уже находилась в стадии развода с отцом. Поэтому, видимо, сестру и не признали его родственники. Никто не понимал, зачем, а самое главное — от кого мама ее родила. До самых родов, по рассказам мамы, у нее якобы и живота видно не было, и она сама узнала, что беременна, только тогда, когда сестра зашевелилась. Делать аборт на тот момент оказалось уже поздно.

Из этой истории я узнала, что дети могут рождаться нежеланными и сделала выводы, что мне очень повезло, что я вообще родилась. Мама рассказывала об аборте обыденно, как о простом и доступном решении проблемы, главное — успеть вовремя. И все эти сведения мне стали известны от мамы в раннем дошкольном возрасте.

Сестра подрастала жизнерадостным, всем и всему улыбающимся ребенком, в отличие от меня. Сестре повезло, ей не досталось слышать скандалы с самого ее рождения. Из гадкого утенка всего за пару месяцев она превратилась в чудесную кудрявую, глазастую, кареглазую девчушку с ямочками на щечках и не сходящей с лица улыбкой; казалось, что она никогда ни о чем не переживала. Все ее любили, ну, кроме родственников со стороны отца.

Сестра, в отличие от меня, как многие девочки имела гибкий уступчивый характер, играла в девчачьи игры, любила кукол.

Ее появление в нашем доме далось мне нелегко.

Сестра, как все грудные дети, плакала, а мама не бежала ее укачивать, являясь сторонницей методики «неприучивания» детей к рукам, да и, оставшись одна с двумя маленькими детьми, не имела на это возможности. И вот как-то сестра надрывается и надрывается, лежа в коляске, которая стоит в большой комнате за закрытой дверью, мама не реагирует, она готовит на кухне. Мне очень стыдно, меня мучает совесть, несмотря на малый возраст, мне чуть более двух лет, я понимаю, что то, что собираюсь сделать, нехорошо. Но у меня болит голова. Я потихоньку подхожу к двери, из-за которой плачет сестра, в руках у меня лопатка для песочницы на длинной ручке, захожу

в комнату и встаю около коляски. Сестра продолжает кричать. Я смотрю на нее, не решаясь осуществить задуманное и мучаясь угрызениями совести, их я отчетливо помню до сих пор. В следующее мгновение я уже медленно поднимаю детскую лопатку, я хочу прекратить этот невыносимый крик… и тут заходит мама, она услышала, что звук плача изменился, и пошла посмотреть, что происходит. А там стою я с поднятой лопаткой.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила она.

— Ну зачем ты мне ее купила? Ну что она все орет да орет? — прокричала я, выбегая из комнаты, и заплакала громко и горько от стыда и головной боли.

Мама меня не ругала, но и какого-то утешения мне не предложила, я просто наплакалась вдоволь и все. Потом мама часто и весело рассказывала эту историю, вводя меня в жуткое стеснение и взращивая тем самым во мне чувство вины за свой некрасивый поступок.

Второй случай своей детской ревности я тоже помню отчетливо. Сестру часто забирали в больницу. В одну из ночей Ирина опять заболела, мама взяла ее к себе в кровать. Я проснулась и тоже попросилась к ней. Потом, сквозь сон, я помню врачей, приехавших забирать сестру. А утром, отлично видя, что сестры нет, я все равно спросила у мамы:

— А где Ира?

— В больнице, а ты разве не помнишь? — переспросила она.

Я помнила, но произнесла:

— Вот и хорошо! — сказала я. — Теперь ты меня одну любить будешь!

— Как же тебе не стыдно, — совестила меня мама, — это ведь твоя сестра?

Я чувствовала стыд, но очень-очень хотела услышать, что мама любит и меня, именно меня. Но услышала только то, что я обязана любить сестру. Сестра и так младшая, а младшим априори достается больше внимания, так еще и на тот момент сестра обладала более слабым здоровьем, что опять же отвлекало на нее мамино внимание и любовь с удвоенной силой, и я чувствовала себя совсем одинокой, ведь я всего лишь маленькая «взрослая» девочка.

Как многие дети мы с сестрой очень любили сидеть у мамы на коленках. И каждый раз эти посиделки начинались толкотней и криками:

— Моя мама!

— Нет, моя мама!

На что мама строго отвечала:

— Я — общая!

И просила нас это повторить, иначе не видать нам коленок. Мы надувались как мышь на крупу, но приходилось вслух соглашаться с тем, что мама общая.

Если мы с сестрой ссорились, мама стыдила нас, говоря, что мы самые близкие люди на земле, а обижаем друг друга, всегда настаивая, чтобы уступила я, как старшая и более умная. Деваться некуда, и мы мирились.

У меня в памяти осталось еще несколько событий, но как я писала выше, почему именно эти события врезались в мою память, я не знаю. Просто постараюсь их описать.

Мы с сестрой страдали произвольными кровотечениями, вследствие чего у нас держался низкий уровень гемоглобина. А у сестры — особенно низкий, и его, этот уровень, нужно как-то поднимать. Не знаю где и на какие средства, но мама купила баночку черной икры, хотя денег в то время у нас в семье совсем не было, и мы поехали в больницу кормить икрой болеющую сестру. Я помню, как мы взяли сестренку из палаты в больничный коридор, и мама, уговаривая и упрашивая, пыталась с ложечки сестру этой икрой накормить. Но сестра не поддавалась на уговоры и всячески уворачивалась, говоря, что икра и черная, и страшная. Она плевалась и била маме по рукам. Но мама терпеливо уговаривала и уговаривала ее. Я понимаю, что это детские обиды, но я не помню ни одного раза, чтобы уговаривали меня, я ведь «взрослая».

В мои обязанности всегда входил присмотр за сестрой, и я несла за нее ответственность перед мамой. С шести лет я забирала сестру из садика, кормила и гуляла с ней. Сестренка почти с самого своего рождения стала главным слушателем моих сказок, которые я рассказывала самозабвенно. Уговаривать меня не требовалось, времени мы вдвоем проводили много, и я ей рассказала их, наверное, не одну сотню.

Дальше я хочу рассказать еще два случая наших недоразумений с сестрой по странному стечению обстоятельств, связанных с детскими горками. Запомнились они мне именно из-за того, что я не получила, как мне казалось, стопроцентной ожидаемой поддержки от мамы. Вот первый из них. Когда я училась в первом классе школы, мы вдвоем вышли гулять на детскую площадку позади дома. Там стояла детская горка. Сестре примерно около пяти лет. Она захотела покататься. Но одежда оказалась какой-то нескользкой. Сестренка съезжала с горки очень медленно, а две девочки постарше тоже решили покататься, и их такая медлительность раздражала. Они стали подталкивать сестренку с горки вперед и обзывать, приговаривая:

— Давай быстрее, толстуха!

— Не смейте трогать мою сестру, — ни секунды не задумываясь, закричала я.

И воинственно шагнула вперед.

— Она что у тебя бешеная? — спросили девочки, насмехаясь.

— Да, она всегда за меня заступается, хотя я ее об этом не прошу, — добродушно улыбаясь, отвечала сестра.

Ира начала с «врагами» весело о чем-то болтать. Не обращая на меня никакого внимания. Я стояла растерянная. Сестра обернулась и ясно сказала, что она не просила за нее заступаться. Я воспринимала ее поведение как предательство. Придя домой, я рассказывала маме об этом предательстве с плачем, ожидая, что она меня поддержит, а сестру хотя бы пожурит. Но мама ей ничего не сказала, а мне только и посоветовала не принимать все так близко к сердцу. Она не попыталась объяснить, что есть и другие методы решения конфликтов, не поддержала меня в стремлении к защите сестры. А ведь именно мама призывала меня защищать сестру всегда и во всем. И я старалась и защищала, как умела, но опять не заслужила похвалы и поддержки. Я очень переживала, и это не делало нас сестрой ближе друг другу, как хотела наша мама.

В другой раз, уже будучи старше, в возрасте десяти и восьми лет, мы также гуляли во дворе. Сестра залезла на самый верх горки и встала на перила, балансируя в воздухе руками.

Я стояла внизу и умоляла ее слезть:

— Ирина, перестань, разобьешься, — сестра в ответ демонстративно качнулась. — Да что ты делаешь? По жопе давно не получала? — испуганно кричала я.

— По жопе?! Меня мама по жопе не бьет, а ты по жопе! Ага, сейчас, держи карман шире. А что тебе будет, если я упаду? — весело интересовалась она.

Вдруг сзади подходит мама и спрашивает:

— Леночка, что ты кричишь на весь двор? Тебя за километр слышно!

— Мама! Ну хоть ты ей скажи! — обрадовалась я подмоге и подумала, — ага, сейчас этой засранке зададут!

— А что такое? — улыбнулась мама.

— Да она собралась прыгать! — возмущенно и, все еще ожидая немедленной поддержки, поясняю я, как мне кажется, очевидное.

— Да и пусть, — невозмутимо произнесла мама и с ноткой удивления добавила, — ты-то чего так переживаешь? Она хочет, так пусть она и прыгает!

Я оторопела и произнесла:

— Да? Но ругать-то ты меня будешь!

На что она пожала плечами и с той же улыбкой констатировала:

— Так ты же старшая — с тебя и спрос. И пошла, оставив нас самих разбираться с этой ситуацией.

И все. Спрос с меня. Я — старшая! Точка.

Сестра слезла с горки с видом победителя, говоря мне что-то вроде «Ну что съела?», а я не знала, что и думать.

Раз я старшая, я также считала нормальным следующий вопрос и угрозу мамы в свой адрес:

— Почему у тебя «отлично» по фортепиано, а у сестры «три»? Если так пойдет, вы обе перестанете ходить на занятия.

И я часами занималась с сестрой фортепиано.

Мама всегда говорила, что любит нас обеих одинаково, но поступала с нами по-разному. В любых спорах с сестрой виновной назначалась я, как старшая, и, следовательно, более умная. Если сестра приносила «двойку», она мило улыбалась, и ей это запросто сходило с рук, меня же всегда ждал суровый отчет и наказание за гораздо меньшие провинности, например, в виде лишения прогулки или просмотра телевизора. «Кому больше дано, с того больше и спросится» — это любимая фраза мамы по отношению ко мне. Я завидовала беззаботности сестры, но не могла или просто не умела поступать, как она. Сейчас я понимаю, что, я имела более замкнутый, чем у сестры, характер, и маме возможно со мной было сложней, чем с сестрой. Мама никогда не объясняла нам сложность и многогранность мира и взаимоотношений в нем, а ставила меня перед фактом, что «ты — старшая» или «все мужики — козлы», и возлагала на меня ответственность за все недоразумения с сестрой. Мир для меня делился мамой только на черное и белое! Возможно, корни такого отношения ко мне идут из ее собственного сложного детства. И я расскажу по ходу книги, что мне об этом известно. Но почему горечь за свои обиды и неудачи мама перекладывала на меня — маленького ребенка? Я никак не могу понять.

По мере того, как мы подрастали, соответственно сфера моей ответственности за сестру становилась все шире и шире.

В тринадцать-пятнадцать лет я бродила в поиске сестры по району, выглядывая, не попала ли она в какую-то неприятность. Район был небезопасным, подбирались «бандитские девяностые». Сестра легко находила общий язык абсолютно со всеми, добродушная и открытая, красавица, и поклонников в ее активе числилось «море». Поклонники сражались за благосклонность сестры и устраивали «разборки» как между собой, так и с сестрой. Однажды сестре все-таки досталось. Один из ревнивцев ударил сестру, да так сильно, что

она упала в снег, задохнувшись, и потом долгое время мучилась от болей в груди. Некоторое время она даже боялась выходить на улицу, чтобы ревнивец не «подрезал» ее, как грозился. Мама об этом не узнала, я и сестра урегулировали эту проблему сами.

В другой раз я возвращалась домой, зашла в наш подъезд и краем глаза увидела, что двое подростков шарахнулись в разные стороны.

— Вот молодняк! — думаю я, не глядя в их сторону.

Не останавливаясь, я прошла мимо, вызвала лифт и поехала домой. Не успела я войти в квартиру, как вбегает запыхавшаяся сестра. Оказалось, что пока я поднималась на лифте, она бежала за мной по лестнице. Вбегает и кричит мне с порога:

— Лена, это совсем не то, что ты подумала, мы ничего такого, просто болтали…

— Да? — потянула я, осмысливая. — И кто это? Очередной «двоюродный» или «троюродный» брат (так сестра, чтобы умерить ревность кавалеров, объясняла им присутствие рядом с ней посторонних парней)?

Вида я тогда не подала, что не поняла и не видела, что это она стояла в подъезде.

— Этот — «троюродный», — с улыбкой ответила Ирина.

— Дождешься ты, Иринка, что эти братья тебе ноги из попы повыдергивают.

— Да ладно тебе, я аккуратно, — щебетала она.

Я провела с сестрой очередную нравоучительную беседу о «правилах поведения девушки», сестра сделала вид, что слушает, дала положенные в данном случае обещания и заверения, и инцидент был исчерпан… и снова без участия мамы.

Потом, как мне помнится, в восьмом классе мама не заметила, что в пять часов вечера, придя домой, сестра быстро прошмыгнула в большую комнату и прямо в одежде завалилась спать. Я заметила. Я находилась в маленькой комнате, а мама на кухне. И мне показалось странным поведение сестры. Я вошла и стянула с нее одеяло, от нее пахло алкоголем. Я устроила ей серьезную промывку мозгов, а маме мы снова ничего говорить не стали под обещание, что это случилось в первый и последний раз. Они праздновали чей-то день рождения, и попробовали «по глотку шампанского». Ничего страшного и особенного, но я почему-то считала, в отличие от мамы, что беседу провести просто необходимо.

И вот сестра выросла и результатом моей опеки стало то, что в семнадцать лет она мне с сердцем объявила:

— Какая же ты, Ленка, стерва была! Я матери так никогда

не боялась, как тебя! Как же ты меня доставала!

А я просто ее очень любила и люблю!

Мы выросли и стали очень близкими подругами. Сестра отучилась в институте и работает в престижной компании, она прекрасная мать и жена, я горжусь ею.

Мы часто обсуждаем с ней вопрос того, как мы получились такими разными и одновременно одинаковыми. Мы всегда видели, что сестра абсолютно не похожа на маму внешне, да и я не особо. И нам обеим с раннего детства было интересно хотя бы на фото посмотреть на отца и на родственников с его стороны. Еще маленькими мы в тайне от мамы рылись в ящике шкафа, в котором лежали документы. Но узнать нам почти ничего не удалось, так как мама разорвала все связи не только в жизни, но и на фото, в том числе она отрезала отца со всех совместных фотографий. Мы знали об отце только то, что нам о нем рассказывала мама. Моих личных детских воспоминаний у меня совсем немного, и все они «прошли» через призму маминого мнения.

Разыскивая фото отца, мы нашли свидетельство о первом мамином разводе, и узнали главную семейную тайну. Оказалось, что мамин брак с отцом не первый, она уже была замужем. Первый раз она вышла замуж сразу, как ей исполнилось восемнадцать лет. Я не удержалась от распиравшего меня любопытства и, признавшись в нашем поступке, спросила маму об этом. В ответ про мамин первый брак я ничего не узнала, а узнала, что вполне возможно где-то живет наш старший брат. Свою неуверенность в данном факте мама объясняла тем, что акушерка и ее мама утверждали, что ребенок родился и сразу же умер. Но сама мама не была в этом так уверена, и обвиняла в произошедшем свою мать, говоря, что подозревает, что это она лишила ее сына, тем самым избавив маму от бремени столь раннего материнства. В выписке из роддома, по маминым словам, написали криминальный аборт, хотя мама именно рожала. Поэтому, став старше, она и заподозрила, что ребенка отдали женщине, которая лежала в роддоме рядом с ней и мечтала иметь детей, но ей это не удавалось, так как раз за разом у нее появлялись на свет мертворожденные дети. Этот факт оставил неизгладимые впечатления на моей детской психике. Что там произошло на самом деле, я так и не знаю до сих пор. Во взрослом возрасте мама почему-то предпочитает не обсуждать со мной эту тему. А тогда мама охотно поделилась со мной — ученицей младшей школы своим горем, взяв с меня обещание не рассказывать сестре. Вот такие грустные подробности открылись нам с сестрой совсем в юном возрасте в результате

нашего расследования и выяснения, на кого мы похожи. Об отце я расскажу далее.

ОТЕЦ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

— Отца у вас нет! — нам говорилось об этом твердо и непреклонно, да и отец, по-видимому, не старался это оспорить.

С самого раннего детства я знала одно, отец — козел и алкаш, который бросил маму с двумя детьми. Не платил алиментов, ничем и никак не помогал.

Став постарше, мы спрашивали маму, а зачем она вышла замуж за алкаша, да еще и двоих детей от него родила? Мама объясняла, что отец не был алкашом изначально, а запил из-за того, что как слабак не смог выбрать между ней и мамочкой, то есть моей бабушкой. Так с самого раннего детства я усвоила, что этот выбор в семье просто необходим.

Все, что я знала о моих взаимоотношениях с отцом, это то, как он пришел домой пьяный и завалился на меня спать, чуть не раздавив. Спасла меня мама, иначе, по ее словам, меня давно бы не было на свете. Никаких других историй, например, о том, как родители встречались, как папа ухаживал, как меня ждали, как что-то для меня выбирали, как планировали мою или свою дальнейшую жизнь… я, к сожалению, никогда не слышала. Знала я только одно, что изначально ждали мальчика, а родилась девочка, не оправдав семейные надежды.

Еще я знала, что мама, выйдя замуж за отца, сделала ему великое одолжение. Он бегал за ней как собачка, это ее выражение. А она, гордая красавица, просто пожалела его, когда он приехал весь высохший от страданий и умолял ее, стоя перед ней на коленях, выйти за него замуж. И именно благодаря этому ее самоотверженному поступку — замужеству мы родились в крупном городе, а не где-то там, в Тьмутаракани, о чем нам также сообщалось неоднократно. Тем самым мама не скрывала, что и я не желанный ребенок, а родилась только благодаря обстоятельствам. Как вы понимаете этот факт также не делал меня счастливей.

Плюс ко всем моим переживаниям у нас с мамой были разные фамилии, вследствие этого в регистратуре поликлиники или в любом другом месте, где оформлялись какие-либо документы, маму всегда спрашивали, отчего бы это и кем она нам приходится. Ведь такая ситуация являлась крайне нетипичной для того времени. Но мама всегда гордо отвечала, что она развелась и сменила фамилию обратно на девичью, ведь зачем ей фамилия «козла», который ее бросил, а мы, страшно стесняясь, отвечали, что у нас фамилия папы, признавая, что мы дети этого «козла» — козлята.

Любые несанкционированные разговоры об отце в нашем доме были табу. Как я писала выше, своих детских впечатлений от встреч с отцом у меня не много, а точнее их всего три, при этом я помню сами эти встречи достаточно подробно, но почему-то не помню внешности ни отца, ни других родственников участников событий, их лица у меня в виде расплывчатых пятен. Хотя, например, достаточно хорошо помню внешность маминых подруг.

Первая встреча произошла в теплый летний день во время прогулки с сестрой во дворе дома. В школу мы еще не ходили, следовательно, мой возраст около семи лет. Гуляли мы прямо перед подъездом, там же сидели местные бабушки и завсегдатаи. Вдруг к подъезду подходит какая-то женщина и с ней мужчина. Все взрослые друг с другом здороваются. Я смотрю на подошедших людей и что-то знакомое мне видится в их лицах, я жду подтверждения нашего знакомства. Но мне ни женщина, ни мужчина ничего не говорят, а, не глядя в нашу с сестрой сторону, проходят мимо. Как только за ними закрывается дверь в подъезд, я слышу громкий шепот:

— Надо же, с девчонками-то даже не поздоровались.

Меня охватывает чувство униженности, я хватаю сестру за руку и с деланной радостью предлагаю:

— Бежим играть на площадку! — а сама втихаря плачу, плачу от обиды.

Придя домой, я рассказала о случившемся маме. На что мама дала мне холодный ответ, мол и нечего разговаривать с чужими людьми; правильно сделала, что увела сестру. Все, никаких объяснений, уверений, что в этом нет моей вины, что я достойна любви или других подобных утешающих слов, призванных восстановить душевное равновесие ребенка.

Второй яркий случай встречи с отцом я помню так. Мы качаемся на качелях во дворе, навстречу к нам идет какой-то мужчина.

— Здравствуйте, девочки, я — ваш папа, — подойдя, говорит он и протягивает нам по яблоку.

— У нас нет папы, — ответила я хорошо усвоенной фразой.

Он постоял с минуту, помялся, сделал попытку погладить меня по голове, я взбрыкнула, стряхивая его руку, и он ушел. Яблоки выглядели аппетитно, и их очень хотелось съесть, но я не стала.

— Не смей кусать! — вырвала я яблоко и у сестры.

— Лена, ты чего? — спросила она.

— Ты что, не знаешь, что у чужих людей ничего брать нельзя? — грозно спросила я.

— Так он же сказал, что наш папа?! — удивилась сестра.

— У нас нет папы! — твердо отчеканила я.

После прогулки я все доложила маме, и отдала ей так и несъеденные яблоки, за что она меня похвалила:

— Правильно, папы у вас нет, — взяла яблоки и без жалости выкинула их в окно, хотя своих яблок в доме не было.

— Нам их подачки не нужны, — брезгливо добавила мама и, вопросительно-утвердительно обращаясь ко мне, уточнила: — Да?!

— Да, — согласилась я покорно.

Есть еще одна — третья история, благодаря которой я видела отца, но не разговаривала с ним.

Произошла она также в старшем дошкольном возрасте, когда я чуть не стала виновницей пожара. Как это произошло? Самым обычным образом. Я сидела дома одна, по-моему, я болела, скучала, а на улице стояло теплое время года. Я знала, что спички детям не игрушка, но взяла коробок, подошла к окну на кухне, перегнулась через него и стала с удовольствием от запретности этого действия поджигать спичку за спичкой. Спичка сгорала, и я аккуратно прятала ее обратно в коробок. И вот так я сожгла спичек десять. Получив удовольствие от смелого поступка, я пошла гулять. А когда вернулась, то в доме находилось много чужих людей, мама, милиция и пожарные.

Кухня обгорела. Пожарные стали меня опрашивать, что я делала дома. Я рассказала про спички, и пожарные первоначально решили, что это от моей спички отлетел уголек и устроил пожар. Я, плача, уверяла, что все спички целиком со всеми угольками лежат в коробке, и предъявила этот коробок в целости и сохранности. Кто-то из соседей сказал маме, что вроде бы, пока я гуляла, в квартиру приходил отец с какой-то женщиной. Мама сказала милиционеру, что она не сомневается, что это поджег, и устроили его ее бывшие родственники, так как делят с ней и ее двумя детьми эту квартиру. Отцу позвонили, и он, как мне помнится, тут же пришел. Они с мамой долго ругались сначала при всех, а потом одни на кухне. Через некоторое время, когда пришли результаты экспертизы, выяснилось, что очагом пожара признана стоящая на кухне стиральная машина, пожар начался именно с нее. Она стояла выключенная, но вилка провода оставалась воткнутой в розетку и, скорее всего, произошло замыкание, так как у машинки сгорел именно мотор. Да и гореть там, кроме пластика и железного барабана, больше нечему. Но в маминой версии, в зависимости от слушателей и ситуации, виновниками этого пожара так и остались либо я, либо отец.

Встреч с отцом в детстве больше не было или я их попросту не помню. Следующий раз я увидела отца на несколько секунд, в свои неполные семнадцать лет. Отец приехал, созвонившись по городскому телефону с сестрой, он хотел с нами поговорить. Мама отсутствовала, она уехала на пару дней пожить к отчиму, и мы с сестрой жили одни. В дверь позвонили, я спросила кто:

— Отец, — ответили мне.

Я открыла дверь, впустила его, а сама сразу же вышла, не забыв громко отметить, что у меня отца нет. Я не желала с ним разговаривать. Я до сих пор не знаю, о чем велась беседа. Меня это не интересует.

В этом же возрасте, уже после приезда отца к нам, я задала вопрос про него моей крестной, а маминой лучшей подруге. Я спросила, знала ли она его, и был ли он алкоголиком. Крестная сказала, что изначально отец таковым не являлся, и дала ему характеристику весельчака и души компании, симпатичного парня, любимца девушек.

Уже ближе к моим сорока годам, я встретилась с отцом и даже поговорила с ним. Встреча произошла только из-за моего желания эмигрировать в Израиль, как страну с качественной медициной. Такое решение мы с мужем приняли из-за болезни сына. А раз я еврейка, то куда еще ехать? А после маминого письма я и считала себя еврейкой и, как ни странно, многие знакомые считали меня таковой, делая какие-то собственные выводы, что во мне также поддерживало эту уверенность.

Я разыскала отца с помощью службы безопасности организации, в которой я работала. На тот момент отец был женат и «народил» еще двух дочек от разных матерей. И младшей из них исполнилось всего двенадцать, и он ее тоже бросил. Никакого положительного впечатления он на меня не произвел. Хорошо сохранившийся внешне симпатичный мужчина, но какой-то никчемный, маленький во всех отношениях человек, разговаривающий матом. Я не пожалела, что его не было в моей жизни. Наличие еврейских корней в нашей родне по его линии, как я не просила, он подтвердить не смог, их по его убежденно звучавшим словам, к сожалению, не имелось. А на мои слова, что я готова поднять архивы, он мне уверенно ответил, что это ничего не даст. Это значило для меня, что причин встречаться с ним еще раз у меня нет. Правда, потом я все же позвонила ему пару раз, но он не проявлял какой-то заинтересованности в общении и не поздравил меня даже с юбилеем — сорокалетием. К тому же, как я узнала от сводной сестры, он действительно запойный.

Так, благодаря отцу или обоим родителям, основным выводом о мужчинах, вынесенным из детства, стал: «Все они

(мужчины) — козлы!»

На этом родственники по отцовской линии, с которыми мы хоть как-то общались, закончились.

А родственники мамы? Где были они? Как, и почему получилось, что наша мама растила нас одна? Разве она сирота? Нет, у нее есть и мама, и братья.

ЗАГАДОЧНАЯ БАБУШКА ЗИНА

Еще, когда мы жили в трехкомнатной квартире родителей моего отца, в моей жизни появилась другая бабушка: Зина — мамина мама. Я ее боялась. Она снилась мне в страшных снах, видимо, потому что каждый ее приезд к нам заканчивался диким скандалом между ней и мамой. Как-то они даже подрались. Мама обвиняла бабушку Зину в том, что провела детство в детском доме, при этом сама всегда утверждала, что жилось ей там хорошо, гораздо лучше, чем с мамой. Объясняя свою нелюбовь к этой бабушке, мама рассказывала нам, как Зина лупила ее ремнем до тех пор, пока рука не устанет пороть. Бабушка Зина была из репрессированных, поэтому мама родилась в лагере для заключенных и прожила в детском доме до шести лет. Простить этого Зине мама не могла.

Приезжала бабушка Зина к нам почему-то всегда без предупреждения. Она как хозяйка ходила по дому, брала, что нравится, в том числе продукты из холодильника. У мамы же денег всегда не хватало, и проблема питания стояла в семье достаточно остро. Обычно продукты в нашем холодильнике были рассчитаны на несколько дней вперед. По сосиске — на ужин, по яйцу — на завтрак. В один из таких приездов Зина, как обычно, без разрешения взяла в холодильнике последнее яйцо и… помыла им голову. Какой был скандал! Скандаля, обе женщины перебирали весь ворох претензий, накопленный ими к друг другу за жизнь, и вспоминали друг другу все скандалы, которые когда-либо между ними произошли. Слышалось «а помнишь», «а ты», «а вот тогда», «будь ты проклята»…

Однажды я слышала, что бабушка все же предлагает маме какую-то помощь, но мама отказывалась. Редко им удавалось продержаться без ругани и половину дня. И всегда бабушка Зина уезжала от нас с проклятиями и обещанием, что ноги ее здесь больше никогда не будет. А мама говорила нам, маленьким детям, что она свою мать ненавидит, любить ей ее не за что, и что у нее вовсе нет матери. А я всегда с ужасом думала, как нам повезло, что наша мама не такая, как ее, и как нам повезло, что нас не отдали чужой женщине также, как нашего старшего брата. Я знала, что мамы не любят своих детей просто так, что любовь надо заслужить. Я видела, к своему ужасу, что моей маме этого сделать не удалось, несмотря на все ее положительные качества. И я очень боялась стать нелюбимой.

Как я уже говорила, бабушка снилась мне в страшных снах, хотя никак и ничем нас с сестрой не обижала, и вот мне ночью

приснился такой сон: надо мной склонился скелет и душит меня. Во сне я металась и кричала. Бабушка Зина в то время гостила у нас. Она решила меня разбудить. И вот во сне меня трясет бабушка в образе скелета, а я открываю глаза и вижу свою же бабушку Зину, склонившейся надо мной. Я орала до истерики. Зина очень обиделась на меня, а мама смеялась, она надеялась и говорила, что-теперь-то уж Зина точно больше не приедет. Но время от времени бабушка Зина приезжала вновь и вновь, а мама повторяла, что ей ничего от Зины не нужно, и лучше бы ее никогда не видеть, но в дом всегда пускала и даже дарила ей какие-то подарки. Бабушка подарки брала, как бы это сформулировать, так, словно делает маме большое одолжение, и всегда высказывала какое-нибудь недовольство, то ей цвет не нравится, то фасон не тот, то еще что-нибудь. Я помню подаренные валенки, платок… и бабушкино недовольство. Так все и продолжалось, пока мой возраст не достиг цифры в десять лет. После этого возраста их отношения, видимо, смягчились; и ближе к моим одиннадцати годам я и моя сестра отправились к бабушке Зине и ее новому мужу на летние каникулы в Подмосковье. Нас ждало раздолье еды и… море трудовых обязанностей, к которым мы не были приучены. Кровать следовало заправлять строго по линиям, перины взбивать до полной мягкости, подушки выкладывать одинаково и в определенном порядке, в один уровень с одинаково стоящими углами, деревянный пол чистить ножом и прочее. Этакий трудовой лагерь с усиленным питанием! Из-за жестких требований мы с бабушкой периодически ссорились, в остальном отношения сложились более или менее ровные. Бабушка говорила, что мы такие же ленивые, как наша мать. Я во время ссор никогда не молчала, а по примеру мамы озлобленно огрызалась мамиными же словами и выражениями, что не добавляло взаимопонимания между нами и автоматически разжигало ссору еще больше.

Но все равно для бесед и нравоучений из нас двоих с сестрой бабушка, как и все другие взрослые, выбирала меня. Мне эти беседы давались тяжело. А страх перед ней до сих пор жил в моей душе.

С соседями у бабушки отношения были ровные, но чувствовалось, что ее недолюбливают. Бабушка не сидела с ними на лавочке во дворе и не перебирала подробности личной жизни прохожих. Зато бабушка любила за глаза ругать последними словами свою соседку, с чьим ребенком она сидела время от времени в няньках, и которую, как могло показаться, просто обожала, когда встречала лицом к лицу. Больше бабушка

ни с кем из соседей так плотно не общалась. И соседи за глаза называли бабушку Зину ведьмой! Я несколько раз случайно слышала это и то, как люди говорили, что у нее тяжелый глазливый взгляд.

Требуя порядка от нас, бабушка Зина и сама никогда не сидела без дела. Она вязала на продажу крючком салфетки и воротнички, свитера и носки. Она вставала, самое позднее, в 6 утра и ложилась за полночь. Сейчас у меня не осталось на нее обиды за излишнюю трудотерапию; как взрослый человек, я допускаю, что в собственном доме хозяйка может попросить делать то и так, как принято. Тем более что ни в чем другом она нас не ущемляла. Вот характер у нее, конечно, был не из легких. Но если ей угодить, то она, как и мама, становилась веселой остроумной женщиной. Бабушка, в отличие от мамы, отлично готовила и баловала нас фаршированными блинчиками и всякими разносолами. Мы весело проводили летние вечера, играя в карты на балконе, «в девятку», ставя на интерес «по копеечке». Бабушка рассказывала нам собственные сказки и в течение дня давала нам практически полную свободу.

Приведу один пример. Как-то она приехала, я накрыла на стол и пригласила ее. Ответ прозвучал следующий:

— Ты что брезгуешь, что бабушка в холодильник залезет?

В следующий приезд я предложила ей самой выбрать себе что-то в холодильнике, а услышала:

— Ты что и на стол бабке накрыть уже не можешь?

От таких перепадов я просто терялась. А бабушка в развитие скандала могла закатить настоящую истерику, обзывая себя при этом разными ругательствами, проклиная всех и вся стучала себя в грудь кулаком. Она рыдала в голос, с подвываниями. Мама подобные сцены язвительно называла «бесплатными концертами». Смотреть на них было откровенно страшно, бабушка выглядела как человек, из которого в церкви изгоняют нечистую силу. Успокоившись, она вела себя как обычно, так, словно ничего и не произошло. При этом я никогда перед ней не извинялась, ситуация просто сходила на нет.

Как я писала выше, Зина приезжала к нам без предупреждения, но я каким-то странным образом всегда чувствовала ее приезд. Меня нестерпимо тянуло домой из любого места, где бы я ни находилась. Идя домой, я уже откуда-то знала, что меня там будет ждать она. Что за связь была между нами, я не знаю.

Не могу не рассказать и пару необычных ситуаций, произошедших между взрослой мной и бабушкой Зиной. Жили я с моей трехлетней дочкой тогда еще вместе с моей мамой.

Бабушка, по обыкновению направляясь в дом старшего сына, заезжала к маме на квартиру передохнуть. В эти нечастые приезды бабушка, как бы походя делилась событиями своей жизни, заводила разговор о том, что в ее квартире что-то сломалось (котел, унитаз, плита…) и как это дорого стоит починить. Я понимала ее хитрость, что ей нужны деньги и давала, сколько могла. Бабушка каждый раз делала удивленные глаза, ведь денег она не просила, но бумажки брала, попутно замечая, что на что-нибудь другое непременно пригодятся.

Между нами произошло несколько условно мистических событий, отрицать которые не имеет смысла, как бы странно это не выглядело со стороны. Вот один такой непонятный случай. В день, когда бабушка приехала, я купила себе новую кофту. В кофте мне не нравилась одна деталь: вокруг воротника шла черная атласная ленточка, изображая собой галстук. Я срезала эту ленту и оставила на спинке кресла. Бабушка вошла в комнату к нам с дочкой. Я, как мне казалось, уже почти изжила в себе страх перед ней, но оставлять ее с дочкой наедине все равно боялась каким-то животным страхом. Хотя я и не понимала, какой вред бабушка может нанести моей дочери. Вдруг она попросила меня что-то ей принести, и я, не зная, как отказаться, с замиранием сердца все же оставила дочку в комнате вдвоем с Зиной. Я спешно возвращаюсь и вижу, что бабушка повязывает на голову моей дочери срезанную с кофты черную ленту. Меня охватил ужас, за доли секунды перед глазами пронеслось видение, как мой ребенок падает плашмя, ударяется головой и умирает. Бабушка внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Не волнуйся, ей эта ленточка не подходит.

Выражение лица, видимо, у меня было соответствующее, и я поняла, что и она это увидела, от этого мне снова стало стыдно за свои детские страхи. Но на следующий же день мое видение почти сбылось. Я находилась на работе, когда мне неожиданно позвонила моя мама. Она сообщила, что у моей дочери тяжелейшее сотрясение мозга, в детском садике она упала о кафель головой наотмашь, именно так, как я это представила накануне, когда увидела на ней черную ленточку, повязанную бабушкой. Воспитательница куда-то отошла, оставив детей одних на площадке перед входом в группу, а дочь залезла на подоконник и попросила такую же, как она девчушку, ее поймать. На прямых ногах спиной она упала вниз, ударившись затылком о кафель. А девчушка и не думала ее ловить. Дочка хорошо помнит эту историю, но не может мне объяснить, что ее к этому подтолкнуло. Вот такая странная, но реальная ситуация произошла в нашей семье. И есть вторая, их произошло,

конечно же, больше, но эти две самые яркие, поэтому я их и рассказываю.

Так вот, незадолго до смерти последнего мужа бабушки она, приснилась мне в очередном страшном сне, в нем она просила взять ее силу. Она сказала мне, что дедушка скоро умрет, а ей так уже все здесь надоело, и она не хочет снова оставаться одна. При этом она обещала, что в случае моего согласия с ее предложением, я получу решение всех моих проблем, от любовных до материальных. Проснувшись, я поделилась этим странным сном с мамой и сестрой. Надо мной посмеялись, памятуя, что я фантазерка, тем более что дедушка на тот момент казался вполне здоровым для своего возраста. Но я была напугана и настояла, чтобы мы все вместе позвонили бабушкиной соседке, у бабушки с дедушкой в квартире телефона не было, и попросили подозвать ее к трубке. Бабушка подошла, мы уточнили, что все в порядке и с ней, и с дедом, и успокоились. Но через два месяца дедушка умер. Сон сбылся. После этого, в продолжение этой же истории, бабушка приснилась мне снова, и я даже дала свое согласие на передачу силы. Все происходило, как наяву: горящие свечи, ванна, полная крови, я, лежащая в этой ванне, и бабушка, читающая какие-то заклинания. Мы вытянули руки в сторону друг друга, но в момент, когда сила, начала движение, которое ощущалось кончиками вытянутых пальцев, я испугалась ответственности и крикнула «нет». С этими словами я и проснулась в холодном поту. После этого бабушка приснилась сестре и даже маме, прося их о том же. Эти сны их изрядно напугали, хотя они никогда не верили моим рассказам, относя их к привычке фантазировать. Больше бабушка не снилась мне ни разу.

Я знаю, что бабушка просилась жить к матери, когда осталась одна и стала дряхлеть, но мама ей отказала, несмотря на то, что жила одна в двухкомнатной квартире. Они несовместимы.

Когда бабушка умерла, я опять же помогла деньгами в устройстве похорон, но на сами похороны я не поехала, чего-то испугавшись. Я ни разу не ездила на ее могилу. Сейчас очень сожалею об этом и прошу у бабушки прощения.

Бабушка Зина в моей памяти всегда ухожена, накрашена и на каблуках. Последний раз она вышла замуж где-то лет в шестьдесят. По подсчетам мамы, это был ее шестой муж, о чем нам всегда говорилось с пренебрежением, как о недостатке. Бабушка обладала идеальной фигурой, имела рост метр пятьдесят пять и кукольный размер ноги — тридцать два. До глубокой старости, несмотря на пережитую войну и прочие неприятности, она ни разу не посетила зубного врача, и у нее

росли шикарные густые и длинные волосы. Выглядела она на отлично. Это и послужило поводом для множества смешных случаев. Поделюсь, пожалуй, парой из них.

Я с бабушкой ехала в автобусе, провожая ее к дяде и помогая донести сумки до электрички. Бабушка ухожена и в подаренном ей мною молодежном платье, со спины — просто девочка.

И вот молодой мужчина, глядя на меня, дотронулся бабушке до плеча и говорит:

— Девочка, передай на билетик.

Бабуля, разворачиваясь, отвечает:

— Конечно, мальчик!

Мужчина от неожиданности, что увидел лицо довольно пожилой женщины, охнул и резко отпрянул на плотно стоящих за его спиной пассажиров, хорошо отдавив им ноги. Поднялся шум, ругань и смех. Нам с бабушкой было очень весело.

Второй случай произошел вечером, когда уже стемнело, мы шли по слабо освещенной улице. Два парня, нагоняя нас, предложили познакомиться.

На что бабушка весело ответила:

— Конечно, милок, познакомимся до ближайшего фонаря.

Парень недоуменно спросил:

— Почему до фонаря?

— Увидишь, — загадочно ответила она.

И вот, поравнявшись с фонарем, она резко оборачивается. Удивление на перекошенных лицах догонявших нас парней я помню до сих пор!

Бабушка как верующая христианка, молилась каждый день утром и вечером, ходила в церковь. Пыталась покрестить она и нас, обещая дорогие подарки и праздник в честь крещения. Но мама оказалась категорически против. К слову, сейчас и мама глубоко верующий человек, который не пропускает ни один религиозный праздник и строго соблюдает все посты. Мне становится больно каждый раз, когда я вспоминаю, какие тяжелые взаимоотношения были между бабушкой и мамой и какие последствия они имели для нас с сестрой и для нашего мировоззрения.

Умерла бабушка в доме старшего сына, у которого она и жила последние годы своей жизни.

РОДСТВЕННИКИ

У бабушки Зины было трое детей, помимо нашей мамы, еще два сына. Видели мы их по три-четыре раза за всю нашу жизнь. Младшего брата мама любила и в отличие от всех родственников тепло отзывалась единственно о нем. Если он приезжал к нам на пару часов, мама радовалась. Но приезжал он крайне редко… и всегда с пустыми руками. Его встречали, выставляя на стол все самое лучшее. Он писал стихи, пел собственные песни под гитару, красивым его не назовешь, но он чертовски обаятелен и весел. Работал он на флоте. И часто отсутствовал по полгода. Своего младшего сына бабушка Зина обожала. Она готова была для него отдать не то, что последнюю рубашку, но, видимо, и жизнь свою. Один раз он приехал, когда мы отдыхали у нее в Подмосковье. Бабушка и праздничный стол накрыла, да такой, что с уткой в яблоках и прочими диковинными для нас изысками, и подарков ему надарила, от варенья до постельного белья, рубашек и бог его знает, чего еще, и денег дала, такой щедрости и горящих любовью глаз мы у бабушки не видели.

К старшему сыну бабушка относилась спокойно, но отношения между ними сложились вполне семейные. Как бабушка нам говорила сама, она недолюбливала жену своего старшего сына, а та платила ей той же монетой. Но когда сын уезжал с женой в отпуск, бабушка Зина оставалась присматривать за домом. И ни дня не сидела без дела. Как настоящая мама, желающая помочь своему сыну, она отмывала, отстирывала, пропалывала, варила варенье и закрывала домашние консервы. Моя мама это называла «Отрабатывает проживание». Мы с сестрой наблюдали бабушкины труды, когда уже в старшем подростковом возрасте пару раз на выходные заезжали в дом к дяде, чтобы навестить ее там. С возрастом у меня появилось желание наладить семейные отношения. Я стала осознавать всю сложность взаимоотношений между мамой и бабушкой, и то, что как минимум нельзя во всем винить только бабушку, я боролась со своими страхами и все больше, и больше чувствовала ответственность за пожилого человека. Я мечтала о большой дружной семье, где все живут рядом и собираются за общим семейным столом.

А у мамы и со старшим братом, который жил довольно близко, всего в часе езды на электричке, не сложилось особенно теплых отношений. Она с обидой рассказывала, что он не выполнил каких-то обещаний по отношению к ней. Она в свое время его поддерживала всем, чем могла, и именно из-за него

не пошла в институт, а пошла работать, специально чтобы иметь возможность помогать ему деньгами, пока он в свою очередь учился в институте. Ну а когда пришло время, и уже маме понадобилась помощь старшего брата, он о ней и не вспомнил. Мама вообще очень многое в жизни, по ее собственным словам, не сделала из-за кого-то, не доучилась, не за того вышла замуж или не вышла замуж за того, за кого хотела выйти, не занималась любимым делом… Ее старший брат считал маму законченной эгоисткой, о чем нам говорил в глаза, а в маминых ссорах с бабушкой Зиной всегда поддерживал сторону бабушки. И говорил, что мать многое привирает и преувеличивает, включая наказания.

— Да, бабушка действительно наказывала нас ремнем, но в то время всех так наказывали, — заключал дядя.

Ничего из ряда вон выходящего по отношению к ним он не помнит. Мы обижались и принимали сторону матери. Мама объясняла нам разницу в восприятии ситуации тем, что бабушка изначально по-разному относилась к сыновьям и к ней. Но несмотря на то, что отношения между ними и не были особенно теплыми, брат с сестрой периодически созванивались в основном по праздничным датам, и мы даже приезжали несколько раз к дяде в гости. Дядя и его жена, а наша тетя, получили высшее образование, тетя прекрасно владела французским языком, что для нас в детстве было в диковинку. Собственных детей на тот момент они не имели. И, как говорила мама, слабо представляли, как им обращаться с двумя девчонками. Так как дядя жил в собственном доме, мама попросила его взять нас «на месяцок» на свежий воздух. Дом у него пятикомнатный и двухэтажный, и он согласился, места всем хватит. Пока мы там жили, дядя привлекал нас в полном объеме к сбору облепихи, прополке грядок, строительству бани… Нам у него не нравилось. Мы чувствовали, что мешаем им. Дядя, а в особенности его жена, считали нас плохо воспитанными, некультурными детьми. Мы не умели играть в шахматы, не знали о новомодных течениях в питании, не проявляли особых талантов в математике…

Как говорила жена дяди:

— Дикие дети.

Если в дом приходили их друзья с детьми, то они вместе с ними усаживались за общий стол, это были гости, а нас, так как мы «свои», нам так это объяснялось, за стол не приглашали. Нам предлагалось, если захочется что-то съесть, подойти к столу и попросить. Мы, по мнению дяди и его жены, вели себя недостаточно хорошо для «их высшего общества». Конечно же, мы

с сестрой все понимали, и к столу не подходили. Семейных отношений не получалось. Через день или два мама привозила к брату полные сумки продуктов для нас. Но мы с сестрой ходили полуголодные. Дело в том, что его жена придерживалась модного «здорового питания», варила супы на воде и прочую «новомодную еду» без соли, жира и сахара, а он, наш дядя, во всем потакал любимой женщине. Мама называла брата подкаблучником и всячески осуждала их «прилюдные лизания», так она называла поцелуи, которыми дядя с женой иной раз без стеснения обменивались при нас. Еще он был заводчиком каких-то овчарок. У них жила собака, красавица и умница, по кличке Лора, каких поискать. Она ждала щенков, поэтому в первую очередь нужно кормить ее. Ей дядя и скармливал привезенные мамой продукты. Узнав об этом факте с питанием, мама нас забрала, рассорившись с братом на долгие годы.

Собака дяди была единственной собакой, которую я не боялась животным страхом. Всех остальных я боялась ужасно, и вот почему.

ДЕДУШКИН ДРУГ, А МОЙ ВРАГ

В период моего рождения в квартире проживала немецкая овчарка. Овчарка считалась дедушкиной. Со слов мамы, собака очень ее любила. И ревновала ее ко мне, когда я появилась в квартире, так как мама стала гулять не с ней, а с коляской.

И вот однажды, когда мне не исполнилось еще и двух лет, я счастливая шла по коридору, в пакете у меня лежали сладкие кукурузные хлопья. И вдруг рука дрогнула или я споткнулась, и почти весь пакет рассыпался на пол.

— Ай, как жалко, — подумала я и начала эти хлопья собирать.

Но собака, видимо, решила, что то, что упало — то пропало, и уже принадлежит ей. Она тоже стала собирать их языком. И когда я нагнулась, чтобы поднять хлопья около нее, собака рявкнула на меня и всей своей массой прижала к стене. Стоя на задних лапах, передней лапой она опиралась мне в плечо и рычала мне в лицо оскаленной пастью. Прибежали родные, оттащили собаку. Дальше я ничего не помню. На открытой перед моим лицом собачьей морде время для меня словно остановилось. После этого, по словам мамы, у меня началось заикание и энурез, с которыми вроде, как и боролись, отправляя меня одну на два месяца каждое лето в «детские санатории» с двух лет и до самой школы. Сестра с кровотечениями оставалась дома с мамой.

Мама, всегда рассказывая эту историю, винила в произошедшем только деда. Мало того, что она просила собаку увезти из квартиры, видя ревность собаки ко мне, а это дед так и не сделал, так он еще и оправдывал действия пса.

— Он защищал свою еду, а не просто кинулся на Лену, — с иронией повторяла мама слова деда, — друзей не выбрасывают!

Собака была ему другом, я сейчас это понимаю, но маму тоже понимаю, я сама мать. А вот почему мама, зная, что собака в коридоре, и относится ко мне недоброжелательно, сама не предприняла ничего, чтобы предотвратить возможную агрессию, мне сейчас сложно судить, зато она жестко разобралась с другой небольшой собачкой, подаренной ей, но эту историю я расскажу позже.

Из случившегося мама делала один вывод, что собака-друг важнее для деда, чем человек, его родная внучка.

Нам мама о любви к животным говорила так:

— Дружите лучше с людьми и пожалейте лучше людей.

Это все, что я хотела бы рассказать о родственниках.

А что же друзья, были ли у мамы они?

ПОДРУГИ МАМЫ

Мама общалась с тремя подругами или знакомыми, признаюсь, не знаю, как правильно их назвать, тех, которых я помню с самого детства; потом к ним добавилась четвертая, может есть еще кто-то, но других людей, к которым либо мы ходили в гости, либо они к нам, в нашей с мамой жизни не было. Поначалу три подруги жили в одном доме и помогали друг другу.

Одна из них, Галя, черноволосая красавица, несколько моложе мамы. Детей у нее не было. Она жила одна в двухкомнатной квартире и подрабатывала фиктивными браками. При этом она умудрялась влюбиться в своих компаньонов и страдать, если ее бросали. До сих пор не пойму, зачем мама посвящала меня в эти подробности чужой взрослой жизни. Галя нам с сестрой нравилась, она всегда смеялась, с ней было весело. На мою свадьбу именно она подарила мне свадебное платье. Галя в моих детских глазах имела один существенный недостаток: она на каждой встрече с мамой предлагала выпить алкоголь. Садились подруги поболтать на кухне, ставили бутылочку вина, курили и делились рассказами за жизнь. В раннем детстве я очень остро переживала эти моменты, ведь наш папа алкаш, и я боялась, что любая доза алкоголя может привести к страшным последствиям, хоть мама не давала поводов к этому, она никогда не напивалась, и дома спиртного не держала.

И вот как-то, когда мы уже переехали в другую квартиру, мама отправилась к Гале в гости вместе с нами, подружки посидели, пообщались, выпили, и мы пошли домой. От Гали до нас ехать четыре трамвайные остановки, но мама пребывала в хорошем настроении, стояло лето, чудесная погода, и она сказала, что мы пойдем пешком, прогуляемся. Мама никогда не относилась к закомплексованным людям: она могла идти и напевать песни, прыгать, как девочка, с бордюра на асфальт и обратно; люди обращали на нас внимание, и я, подрастая, такого ее поведения смущалась и всегда просила маму перестать. На что получала один и тот же ответ, что если я стесняюсь своей матери, то могу поискать себе другую. А в этот раз мама громко пела, прыгала и веселилась. На ногах у мамы обуты сабо на каблуках. Она поддала мальчишкам мяч, который выкатился с поля и… сабо улетел вместе с мячом! Мальчишки смеялись и подтрунивали над ней, а мне стало невыносимо стыдно, что моя мама выпивши. Я просила ее не привлекать к нам внимание, но она весело отвечала мне:

— Ленка, ну какая же ты зануда! Дай матери расслабиться!

И продолжала веселиться. Это была моя самая мучительная прогулка с мамой, так как я знала, что алкоголь — это страшное зло! Я очень тяжело перенесла, что окружающие видят, что моя идеальная мама подвержена этому страшному злу.

Вторая подруга, Татьяна, состояла в разводе, и растила сына. Ее муж оказался таким же «козлом», как и наш отец, хотя алименты ей платил. Мама держала меня в курсе всех событий ее личной жизни, но мне она не нравилась, и я ее помню плохо.

Третья подруга — Света. С ее сыном Петей я дружила. Света считалась моей крестной, хотя крещенной я не была. Она лучшая мамина подруга и замужняя. Но ее мужа, как мне кажется, я ни разу не видела. Крестная дарила мне подарки, один раз мы вместе отмечали мой день рождения, я ее любила. Как можно догадаться, я была в курсе проблем и ее личной жизни. Почему-то мама не посвящала меня в проблемы на работе или с детьми, или иные, а вот о проблемах в семье мне рассказывалось многое. В итоге мамина теория, что «Все мужики — козлы!» подтвердилась и с тетей Светой. Муж ее бросил, да еще пока жена с детьми находилась на даче, ночью подогнал машину и вывез из квартиры всю мебель. Я знала эту историю в подробностях. Мама словно торжествовала, как ученый, получивший доказательства его теории. В моих глазах рухнул последний оплот счастливых семейных отношений. Уж раз и тетю Свету таким подлым образом бросили и обманули после, казалось бы, стольких лет совместной жизни, то все мужики однозначно «козлы».

Расстались лучшие подруги в один день, и виновницей этому послужила я. Я была уже замужем, когда они вдвоем пришли ко мне в гости. Света посмотрела, как я живу, познакомилась с мужем, а потом пока мама вышла покурить на лестничную клетку, один на один поговорила со мной. В разговоре крестная буквально умоляла меня не слушать мамины слова о муже, думать своей головой и так далее. Еще она сказала, что за гораздо меньшие вещи, будь она на месте моего мужа, она спустила бы маму с лестницы и на километр не подпустила бы к своей семье. Я удивилась ее поддержке, так как до этого всю мою жизнь, как мне казалось, они с мамой солидарны по всем вопросам, и ожидала противоположного. Мы договорились, что маме свое мнение крестная постарается донести сама. Это была их последняя встреча. Таких проклятий и обвинений в предательстве я не помню.

— Пригрела змею на груди! Стерва! — как только мама ее не называла, а в многолетней дружбе поставлена жирная

могильная точка.

— За моей спиной… И надо же уговаривать тебя жить с этим «козлом»!

Мама не могла понять, как тетя Света посмела поддержать моего мужа. Даже боюсь представить, какое выяснение отношений произошло между ними.

— Если я только узнаю, что ты общаешься со Светкой, у тебя нет матери. Или я, или она! Поняла?!

И я поняла!

А четвертая мамина подруга, обретенная уже на новой квартире, это несчастная татарка Рита. Мать Риты разрешила ей выйти замуж только за татарина. А у Риты проблемы с челюстью и очки плюс шесть… и единственный русский поклонник. Но Ритина мама была непреклонна, если замуж, то только за татарина. Так как очередь из женихов к ней не стояла, это мне рассказывала моя мама, то измученная мамиными запретами Рита приезжала к подруге делиться своими горестями и заодно привозила свежие журналы. У подруг объединял общий интерес — вязание. А вязали они по журналам. И в то время эти журналы представляли жуткий дефицит и стоили дорого, а у Риты они каким-то волшебным образом были. И мама курила часами с Ритой на кухне, а потом с издевкой рассказывала мне историю Ритиных взаимоотношений с матерью и ее мечты о браке, говоря мне, какая она глупая.

Вот, пожалуй, все, что я могу рассказать о маминых подругах.

МОИ ОТЧИМЫ

Жизнь мамы не занимала одна забота о нас, как она это преподносит, и мы, став взрослыми, это отлично понимаем. У нее имелась своя личная жизнь с самого нашего раннего детства, а, значит, и время на нее и возможность выбора, тем более что маме, мужчины делали предложения выйти замуж несколько раз. (Это только те случаи, о которых знаю я.) Другое дело, они могли маму чем-то не устраивать, но она не жила жизнью замученной и полностью погруженной в спасение двух больных и несчастных детей женщиной.

Первый отчим появился в нашей семье еще до того момента, как я пошла в школу. Вот как это произошло. Мама из-за недостатка средств сдала комнату в нашей трехкомнатной квартире молодому парню… и у них начался роман. Я помню его, как официального папу, помню, что он просил так его называть. Мне всегда казалось, что он нас любил, привозил подарки, баловал. В маму он точно влюбился по уши. Вместе они прожили с год или около того. Потом мама почему-то его отвергла. Нам с сестрой довели до сведения, и эта версия поддерживается до сих пор, что отчим глуп, и маме с ним скучно. Не читал отчим книг ее уровня… да и молодой слишком. И мы снова остались втроем. Он пытался заново добиться ее расположения очень долго. Прошли годы, отчим успел жениться на другой женщине, развестись, назвать своих дочерей двойными именами, где вторым шло имя моей мамы. Я помню, как он, будучи женат, пригласил нас в гости, и его жена накрыла фантастический стол. Все эти годы он всячески хотел поддерживать с нами отношения, причем, не только с мамой, но и с нами, с чужими ему детьми. Он чувствовал, как мне кажется, какую-то ответственность за нас. Сейчас я не представляю, как его жена вытерпела то наше посещение, а самое непонятное, почему и зачем мама пошла к ним в гости. Вела мама себя вызывающе снисходительно. Я видела это, и мне было неловко даже тогда, не говоря уже, что во взрослом возрасте, я бы назвала ее поведение неприличным. Мама свысока, в вальяжной и снисходительной манере, с жалостью в голосе говорила его жене, что она может не бояться, чужой муж ей не нужен, что она не понимает, для чего та терпит то-то и то-то, вот мама бы такого терпеть никогда не стала и прочее, прочее, прочее. Я чуть сквозь землю не провалилась, видя на глазах бедной женщины слезы. Мама же от посещения осталась в восторге. Ей было приятно, и она, смакуя, мне об этом говорила, что хоть отчим ей и не нужен, а все же здорово

осознавать, что она в сто раз лучше его «простушки». Маме казалось, что она превосходит эту женщину по всем статьям, что та ей и в подметки не годится и это всячески подчеркивала своим поведением…

Последний раз отчим побывал у нас в гостях, когда мне исполнилось восемнадцать. Я прекрасно понимаю, что вопрос, с кем жить, а с кем не жить — это личный выбор взрослой женщины. Я просто хочу показать, что все же не одни «козлы» пребывали в мамином окружении. Были и преданно любящие мужчины, возможно, не совсем отвечающие ее требованиям, но они были. От жизни с первым отчимом у меня осталось два негативных воспоминания. Первое я расскажу сейчас, а второе чуть позже.

Отчим принес маме в подарок найденную где-то небольшую собачку, не зная, что я их боюсь. Мама, понятное дело, подарку не обрадовалась. А отчим не знал, как поступить и куда теперь ее деть. Собака прожила у нас некоторое время, и вот когда отчима не было дома, мама сказала, что раз мужчина не может решить эту проблему, то она решит ее сама. Со мной мам провела разъяснительную беседу на предмет того, что миллионы собак живут на улице и ничего страшного, никто не умер, мама взяла собаку, посадила ее в сумку, и мы куда-то поехали. Мама сказала, что там мы ее выпустим, и она преспокойно поест на помойках, как это делают все дворовые собаки. И мы ее выпустили и… хотели уйти, но она никак не «отпускалась», а бежала за нами. Мне кажется, я до сих пор помню ее глаза. Да, я ужасно боялась собак и ее, эту собаку, тоже, но как она бежит за автобусом, в последнюю дверь которого мы с мамой вскочили, я помню до сих пор. Мы едем, а она все бежит и бежит…

Вечером, придя домой и не увидев собаки, отчим сильно поссорился с мамой, говоря ей о том, какой нехороший пример она подала своим детям.

На это мама подозвала меня и сказала отчиму:

— Спроси у нее — сильно она переживает.

И добавила, что он может «валить» на все четыре стороны, если собака ему дороже, чем я и мама. На что отчим хлопнул дверью и ушел.

Мама заключила:

— Ничего, жить надо будет где-то, вернется.

Отчим был иногородний. Он действительно вернулся через какое-то время, если я правильно помню, через два месяца, потому что я очень переживала и считала дни, спрашивая у мамы, сколько его уже нет с нами. Это время отчим провел у своих родителей. И вот, наконец, он вернулся. Я повисла у него на шее.

Он приехал с чемоданом вкуснейших подарков: чучхела, экзотические фрукты, платки… Но, к моему сожалению, жить после этого разрыва они вместе так и не стали. На тот момент виновной в этом разрыве я чувствовала себя, по крайней мере, я так это воспринимала.

Несколькими годами позже, когда мы уже жили на другой квартире, я увидела фильм «Белый Бим Черное ухо». Он буквально поверг меня в шок, я задыхалась от слез, у меня случилась истерика. Больше этот фильм я не смотрела ни разу в жизни. Сейчас я думаю, что немалую роль в таком болезненном восприятии сыграл именно тот случай с собачкой.

Потом у мамы были другие кавалеры. И один из них тоже моложе мамы. В моем возрасте десяти-одиннадцати лет рано утром он пришел к нам с чемоданом. Поскольку мама обсуждала со мной многие взрослые проблемы, вытекающие из взаимоотношений между ней и мужчинами, я, как полноправный член экипажа, зачем-то желая показать себя взрослой, хорошо зная о ее влюбленности в него, вышла в коридор и язвительно пошутила, как бы невзначай проходя мимо них на кухню, по поводу возраста жениха:

— А жених-то молодой, эх, вот вырасту и отобью.

Вскоре уже мама с женихом переместились на кухню и долго беседовали, а потом он ушел. Мама выглядела расстроенной. На мой недоуменный вопрос, почему она его выставила, ведь он ей нравится, и она сама это не скрывала, в ответ мама отрезала, чтобы я не лезла в ее дела, а потом, спустя время, добавился аргумент о том, что жених слишком молод, еще позже началось: активные воспитательные беседы проводилась со мной с месяц. Жених после того, как его выставили, перестал с мамой общаться. Мама переживала свой отказ, а виновной в этом опять считалась я. Впоследствии я стала называться «основной причиной», почему мама не стала с ним жить. Вспоминалось мне это долгие-долгие годы. Мама заявила, что именно я лишила ее женского счастья. Сейчас я сама мать, но не уверена, что одну мою глупую фразу стоило расценить настолько серьезно. Не смотря на юный возраст, уже тогда я видела противоречие между маминими словами и поступками, и, что мама очень хочет выйти замуж. Я не понимала этого.

Через год мама привела к нам в дом знакомиться еще одного мужчину. Нам с сестрой внешне он ужасно не понравился. А так как я взрослая, а уж после двенадцати лет я решила, что имею полное право на то, чтобы и заявлять об этом открыто, и отстаивать права на собственную жизнь, я ему поставила условие, сказав примерно так, что если он маме нравится, то она

может с ним жить, а вот ко мне и в мои дела, чтобы он не лез и не вздумал меня воспитывать.

— Остальное меня не касается, — сказала я маме. У меня свой «козел» — папаша есть.

Договоренность была достигнута. И второй отчим переехал к нам.

Сейчас я очень признательна ему, что он появился в нашей жизни. Оказался он физиком-ядерщиком, философом, очень умным и образованным человеком, свободно владел английским, рисовал картины. Он и я очень любили болтать друг с другом о проблемах мироздания с вечера и до самого утра. Сестра в этих беседах участия не принимала. Он, конечно, тоже назывался «козлом», но единственным «козлом» из всех маминых знакомых и не только маминых, разведенных мужчин, кто по выходным каждую неделю ездил с полными сумками навещать своих детей от первого брака, вопреки и несмотря на запрет их матери на эти встречи. Благодаря занятиям с ним мне удалось закончить восьмой класс и даже сдать экзамены на четверки. Именно он открыл мне глаза за две недели до экзамена за восьмой класс средней школы, что теоремы, оказывается, надо учить и доказывать. Мало того, он мне объяснил весь курс геометрии и подготовил к сдаче экзамена.

Еще этот отчим, видимо, желая поддерживать со мной хорошие отношения, всячески помогал мне покрывать мои школьные загулы, он доставал мне медицинские справки, расписывался в дневнике за маму и прочее. Поэтому, по моему мнению, взрослого человека, мама, ну, никак не могла об этих загулах не знать, как бы она не прикрывала свое равнодушие доверием.

В десятом классе я опять выкручивалась сама, так как мама со вторым отчимом на тот момент уже практически вместе не жили. Это произошло, несмотря на взаимную тягу к Гессе, Гете и прочим философам. С мамой стало тяжело поддерживать ровные отношения, начались ссоры. Она так еще и не бросила курить, а вкупе с разводом была постоянно на взводе, и скандалы уверенно и настойчиво начали входить в нашу повседневную жизнь.

Как оказалось, святых отчимов не бывает, и вот наш самый-самый… А, впрочем, расскажу поподробнее. Не помню, где находилась в ту ночь мама, со вторым отчимом они уже не жили, но еще встречались. Так вот мама куда-то уехала, оставив его одного с моей младшей пятнадцатилетней сестрой. Отчим с горя или с радости выпил коньку и стал ломиться к сестре в комнату. Я на тот момент жила у мужа недалеко от маминого дома. Мы

легли спать, вдруг раздается звонок, я удивлено снимаю трубку, кто это звонит в пол-одиннадцатого? Звонила сестра и, плача, тихо шептала в трубку, что она сейчас от страха упадет в обморок из-за того, что пьяный отчим того и гляди выдавит закрытую на шпингалет дверь в ее комнату. Муж отправился за ней, а я все это время разговаривала с сестрой по телефону. Все обошлось, мы забрали сестру ночевать к себе. Отчим, протрезвев, извинился. Объясняя свой поступок, алкогольным опьянением и тем, что просто очень хотел с кем-то поговорить. Возможно, что это так и есть, но неприятный осадок остался на всю жизнь.

Это все более или менее значимые люди, которые как-то вольно или невольно, но повлияли на мое мировоззрение.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Про собак я писала выше. Помимо них и вместо оставленной на улице собаки нам были куплены хомячки. Они жили в клетке. Но как-то умудрились из клетки выбраться и погрызли в квартире и так уже не новую мебель и провода. После этого мама куда-то их отнесла. Я расстроилась, но мама объяснила мне, что у нас нет денег на покупку новой мебели и ремонт. Мы просто не можем себе этого позволить. Я понимала мамины доводы. Но все равно периодически просила купить какую-нибудь зверюшку.

И вот как-то мы заходим в подъезд, а из лифта выходит женщина с корзинкой полной малюсеньких пищащих цыплят. Я взвизгнула от счастья и попросила их посмотреть. Женщина так растрогалась моим восторгом, что подарила мне одного из них, предварительно спросив согласия у мамы.

Я пищала не хуже цыплят, умоляя маму согласиться:

— Мамочка, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — повторяла я без перерыва.

Мама спросила, как за ним ухаживать и, услышав, что цыпленку надо только подсыпать зерен и наливать воды, неожиданно для меня согласилась. Сначала он жил в коробке, но потом мама переселила его на балкон. И вот, подрастая, Петька, так мы назвали нашего цыпленка, начал кукарекать с восходом солнца. Соседи, конечно, высказывали свое возмущение. Я плакала и ни в какую не соглашалась с Петькой расстаться. Мама довольно долго меня уговаривала, и вот когда наступили холода, Петька стал совсем взрослым петушком. Мама сказала, что в квартире его держать не может, а на балконе он просто замерзнет, и предложила, чтобы спасти его от замерзания, отдать Петьку в живой уголок в мой детский садик. Но в садике не было живого уголка, я это знала и говорила маме об этом. Мама уверяла меня, что для Петьки уголок сделают. Но я слышала, как мама разговаривала о том, что не знает, куда деть Петьку с моей воспитательницей и та предложила отнести его в садик на кухню. Я рассказала об этом подслушанном разговоре маме и не соглашалась отдать Петьку на кухню. Но на улице все холодало. Наконец, мама поставила меня перед фактом, что или Петька замерзнет на балконе, или мы его отнесем в садик, где ему будет несомненно лучше.

— Неужели ты мне не веришь? — спрашивала меня мама.

Я очень переживала, но Петьку жалко, а маме надо верить, и я согласилась. Мы отнесли Петьку в садик и передали какой-то женщине. Мне сказали, чтобы я не волновалась, за ним

присмотрят. Сейчас не помню, но на следующий день или через день в группе подали на обед куриный суп. Сердце мое упало, суп есть я не стала. Не спрашивая разрешения, я пошла искать Петьку по садику самостоятельно и пришла на кухню, там я потребовала показать мне моего петуха. И какая-то женщина на вопрос, а где же живет петушок, ответила, что из него давно суп сварили. Боже, как я плакала.

Это был, наверное, первый раз, когда я ругалась на маму, а она подшучивала надо мной и говорила:

— Ленка, ну ты же уже большая, ну кто знал, что эта дура тебе все расскажет! Ну перестань! Ты же ешь мясо из магазина?!

Мамины аргументы закончились вопросом:

— Кто тебе дороже? Мама или петух?!

— Конечно же, мама, — что же я, маленький ребенок, могла ответить.

После этого случая мама сказала, что больше никого в нашем доме не будет. Но они были.

Следующим домашним животным стал рыжий котенок, которого я подобрала на помойке во время отдыха на море, гуляя по деревне одна с сестрой. Он казался таким несчастным и малюсеньким, мяукал так пронзительно, словно кричит чайка, и на шатающихся ногах шел мне навстречу. Я спрятала его в рукав кофты, и так, в рукаве, провезла в поезде домой. Я просто не слушала никаких маминых возражений, маму поразило мое упорство. Я принесла его и категорично объявила, что котенок мой и без него я никуда не поеду… и точка. Мама, как ни странно, сдалась. Котенка мы холили и лелеяли, он стал нашим любимцем. Но неожиданно для нас возникла другая проблема, так как наш котенок оказался котом, то, когда он вырос, а мы не знали или не хотели знать, что котов нужно кастрировать, чтобы они не орали, наш котик стал призывно и очень громко мяукать, намекая не естественные кошачьи потребности. Мама выпускала его на улицу. Довольно продолжительное время, нагулявшись, он возвращался. Кот просился домой, скреб лапой входную дверь и мяукал так громко, что если мы не слышали, то слышали какие-нибудь соседи и звонили нам в дверь, говоря, что ваш кот вернулся. И вот как-то он ушел и больше не пришел. Я бегала по району, кричала, плакала, искала его везде, но, увы. Для меня это стало еще одним страшным горем.

Потом я попробовала заменить его другим котенком, первые владельцы приучили его к лотку и ел он у них все подряд. Но, пожив с месяц у меня, начал время от времени гадить, а есть предпочитал только чистое мясо и копченую колбасу. А когда вырос во взрослого кота, то совсем обнаглел, и гадил уже

на кровать… и ежедневно. Мама, не выдержав этого, отнесла его к себе в магазин, в котором тогда работала, в мясной отдел. Там, надо сказать, коту жилось замечательно, я приходила его навещать, он стал толстый и довольный. Этому коту повезло.

Дальше я расскажу уже непосредственно о своих взаимоотношениях с мамой.

МАМА МОИМИ ДЕТСКИМИ ГЛАЗАМИ

Мама моими детскими глазами эффектная, молодая, умная и очень смелая, лучшая женщина на земле, живущая для детей и близких и во всем себе ради этого отказывающая, и почему-то незаслуженно обижаемая со всех сторон. Эдакий борец за счастье и справедливость, красивый, как фея, и умный, как диктор на телевидении. Женщина, способная свернуть горы в одиночку и достигнуть любых высот.

Для меня, во всех ее положительных качествах было только одно «но»: мама курила, но страшно этого стеснялась. Она никогда не курила при нас. Мама боролась с курением всеми возможными способами. Мы непроизвольно становились постоянными активными участниками этого процесса. Мы вместе занимались аутотренингом, мы сидели тихо, мы уходили гулять в любую погоду, только чтобы не раздражать маму пока она борется с этим злом. В дни, когда мама полностью отказывалась от курения, домой приходить становилось просто страшно, потому что она срывалась и кричала на нас по любому пустяку. Во всем остальном мама казалась мне безупречной.

Мама не баловала нас излишними нежностями. Правда, перед сном, буквально лет до одиннадцати, мама целовала нас в щеку, это был ритуал, которого я ждала с замиранием сердца, и это единственный ритуал, почему-то других нежностей, кроме, еще может, посиделок на коленках в совсем детском возрасте, я не помню.

Мама никогда не плакала. На любые советы или выпады в ее сторону она отвечала резко и четко, и нас учила тому же. Всем следовало отвечать, чтобы не лезли в чужую жизнь, а разбирались в своей.

Мне кажется, за все детство я видела только один раз, как мама плачет. Это случилось во взрослой поликлинике, куда мама пришла на прием, взяв нас с собой. Перед кабинетом сидела приличная очередь. Так как она с детьми, то мама настаивала на приеме без очереди, не без скандала, конечно. Кто-то из медперсонала сказал о ней, что «какая-то оборванка пришла», мамины одежда и белье выглядели довольно заношенными.

Выйдя из кабинета и зайдя под лестницу, мама заплакала, а мы вместе с ней.

— Вот, — сказала она, — я вам все покупаю, а у самой на трусы денег нет.

За маму было ужасно больно, и опять мы выходили виноватыми. Но мама быстро взяла себя в руки, сказала, чтобы

шли они все «куда подальше», и мы весело пошли домой. У моей мамы очень сильный характер, и я всегда этим гордилась и хотела быть во всем на нее похожей.

МАМА И НАШЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Мама много читала сама и часто на ночь в раннем детстве читала нам. Читала она не какую-то желтую прессу или детективы с любовными романами, нет, она читала книги философов или «около того».

Мама, по-видимому, желая поскорее ввести нас во взрослую жизнь, а может, нас негде было оставить, брала нас с сестрой в театры на спектакли для взрослых, на такие же «взрослые» выставки и балет. Ей постоянно делали замечания, спрашивая, зачем она привела с собой на мероприятие для взрослых таких маленьких детей. Кроме нас, детей на этих мероприятиях я не видела ни разу. Продолжались наши семейные посещения недолго, класса до второго школы, пока не настало время, что нас без опасения можно оставить дома одних. Сестра на мероприятиях регулярно спала, а я, как ни странно, смотрела. Тяжело мне далась только опера, которая длилась четыре с половиной часа. Спектаклей для детей почему-то я не помню вообще. Но в цирк мы ходили. И даже пару раз мы ходили на престижное предновогоднее представление. Хорошо помню и один курьезный случай, который произошел, в моем возрасте около четырех лет. Мама пошла с нами на модную выставку, и там меня удивили скульптуры древнегреческих божеств без одежды, я остановилась перед одной такой скульптурой и спросила звонким детским голосом на весь выставочный зал:

— Мама, а почему этот дяденька голый?

Посетители обернулись в нашу сторону, прислушиваясь.

Мама смущенно отвечала:

— Лена, он не голый, а обнаженный. Это — искусство, показывается красота человеческого тела. Так было принято в Древнем мире. Поняла, дочка? — объясняла мне мама.

— Да, — уверенно ответила я, — только почему же этот обнаженный дяденька голый? — также звонко повторила я свой вопрос.

Люди смеялись от души.

Для нашего развития, мама в кредит, на свои небольшие заработки купила фортепиано и отдала нас в музыкальную школу. Наше время должно быть чем-то занято, как справедливо считала она.

Занятия музыкой нам нравились, а мама очень хотела, чтобы мы выросли образованными людьми и оправдали ее надежды.

Но возить нас в музыкальную школу, расположенную очень далеко от дома, возможности она не имела, и мама ограничивалась беседами о должной бдительности. Поэтому чаще всего мы ездили в эту школу одни, дорога занимала по полтора часа в каждую сторону. Не так важно, что три часа в день тратилось на дорогу, образование ставилось выше безопасности, или временных затрат. А неужели музыкальную школу нельзя найти где-то ближе в районе? Ведь мы жили в крупном городе. Можно! Но за эти школы нужно платить, а денег в семье не хватало. Выйдя с автобуса, идти нам, двум маленьким девочкам, предстояло через железную дорогу и небольшой лесок. Часто, от страха мы пробегали их бегом и не оглядываясь, так как на пути в музыкальную школу нам неоднократно встречались подвыпившие и неадекватные личности. Я помню, как брала сестру за руку и на раз-два-три мы бежали. Очень страшно бывало по дороге домой, так как становилось темно, и особенно зимой. Выходили со школы мы около восьми вечера, и, если этот день у мамы был рабочий, а работала она посменно, мы ехали к маме на работу в магазин, который находился рядом с нашим домом. Приезжали туда в половине десятого. Мама сдавала смену фасовщицы фруктов и овощей, мы брали целый пакет обрезанных битых яблок и счастливые шли домой их есть.

Одним из зимних вечеров, возвращаясь из музыкалки домой, мы с сестренкой попали в страшную пургу. Автобусы или не ходили, или шли битком, так что люди висели на подножках, и мы, два маленьких ребенка, просто не могли в них влезть. Мы страшно замерзли, сестра плакала, а я помню, как очень боялась, что мама будет меня ругать за сестру. Я до сих пор благодарна молодой паре, которая, поймав машину, позвала с собой и нас, пообещав отвезти до дома. Я знала, что с чужими людьми нам ехать нельзя, и сказала им об этом, а еще, что у меня нет денег, но они не бросили нас, а каким-то образом все-таки уговорили поехать с ними. Пара вышла из машины метров за пятьсот от маминого магазина, заручившись обещанием водителя, что он доставит нас в целости и сохранности. Когда мы подъехали, мама стояла и ждала нас на улице, на остановке автобуса, на которую мы должны были бы приехать. Мы вылезли с заднего сиденья подъехавшей машины, и мама сразу начала на меня кричать, что где мы шляемся, она вся на нервах, и почему мы с чужими людьми, когда она меня столько раз учила, что этого делать нельзя, и я подвергла опасности не только свою жизнь, но и жизнь сестры, а я плакала и оправдывалась. Водитель вышел из машины. Он стал тоже объяснять маме ситуацию, на что мама, крича, ответила ему, чтоб он не лез в ее отношения

с собственными детьми, и что денег нет, если он на них рассчитывает.

— Да, — сказал мужчина, — и это вместо «спасибо».

И уехал.

В дополнение к музыкальным занятиям мама всячески развивала мою устную речь, она заставляла меня каждый день смотреть вечерние новости и пересказывать их, но только меня, сестры это не касалось.

В доме были детские музыкальные пластинки, книги и игрушки. В общем, все, как положено.

СПОРТ И ВРАЧИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Мама занималась с нами зарядкой и закаливанием. Ежедневно и упорно на протяжении многих лет. За что ей безмерная благодарность.

Мы с сестрой росли хилыми детьми и лет до десяти постоянно болели. Я кашляла без остановки с осени до начала лета. По рассказам мамы, в три года после продолжительного периода кашля я упала в обморок, и меня увезли на «скорой» с тяжелейшим первым для меня воспалением легких, которое проглядели врачи и в саду, и в поликлинике, без гарантии выживания, взяв с мамы расписку, что ее об этом уведомили. Мама всегда утверждала, что слушать врачей не имеет смысла — никто ничего не знает, и лечила нас всевозможными народными средствами и только так, как сама считала нужным. Уже к семнадцати годам у меня развилась бронхиальная астма, во многом благодаря тому, что по признанию самой мамы только воспаления легких в итоге у меня было более пяти. Выводы о некомпетентности врачей мама резонно делала в том числе на том основании, что врачи не сразу смогли определить болезнь, которую наш папа передал нам по наследству — заболевание свертываемости крови. Кстати, именно это обстоятельство окончательно убедило нас с сестрой в том, что мы полностью родные. У нас выявили одинаковое нарушение в крови. Мама, выходя замуж, об этой болезни не знала, так она утверждает, и не знала до тех пор, пока у сестры не начались кровотечения, а ей на тот момент не было еще и года. Когда я достигла трехлетнего возраста, кровотечения начались и у меня. Мама все мое детство ставила эту болезнь нам в вину, говоря, что из-за нее она к нам привязана как веревками и во многом вынуждена себе отказывать. Из-за этой болезни и из-за нас мама, в том числе не смогла окончить институт, вынуждена менять места работы и профессии, и много всего другого, чего она так хотела и не смогла добиться, или, наоборот, вынужденно делала в своей жизни. В эти моменты мама ругала отца, бабушку-маму отца, проклиная их за обман и виня во всех неудачах и бедах нашей семьи.

Я помню, что одно из сильных носовых кровотечений произошло со мной во втором классе, на школьной «продленке». Класс вышел на улицу гулять, и у меня неожиданно из носа хлынула кровь. Я знала, что надо засекать время кровотечения, и поэтому помню, время — половина второго. Мама находилась на работе, в магазине, который расположен сразу через дорогу

от дома в котором мы жили и в десяти минутах ходьбы от школы. Меня отвели к соседке, у которой с мамой была договоренность, и я просидела там до пол-одиннадцатого вечера, пока мама меня не забрала. Кровь так и не остановилась, а начинала капать вновь и вновь, если я начинала двигаться. Смысла ехать в больницу мама не видела, что они там сделают? С работы мама каждый раз уйти тоже не могла. Я должна справляться с этой ситуацией сама.

Если все же нас забирали в больницы с кровотечениями, то первая помощь обычно сводилась к требованию запрокинуть голову, и кровь, не сворачиваясь, шла в желудок, провоцируя рвоту. В результате забивались все дыхательные пути, и я захлебывалась собственной кровью. Мама учила меня сопротивляться врачам, что я и делала с самого раннего детства. Взрослых дипломированных специалистов это очень раздражало, и на меня орали со всех сторон, а я плакала и повторяла: «Мама не разрешает», хоть мне и было страшно, ведь я почти всегда была одна.

Я очень болезненно переживала расставания с мамой. В одной из больниц, когда меня собирались выписать, и мама уже за мной приехала, вдруг выяснилось, что потерялись результаты моих анализов. Я упала в обморок из-за того, что еще неделю должна буду там оставаться.

Но вопреки запретам врачей, мама отдала нас сначала на фигурное катание, потом на танцы, а потом на акробатику. Мы стали спортивными и развитыми детьми, ничем внешне не отличающиеся от сверстников. Единственно, что у меня страшно болели и периодически подкашивались ноги. Я клала портфель под попу и садилась там, где меня настигла эта проблема. По этому поводу к врачам меня не водили. И я хорошо помню, как прохожие с удивлением смотрели на сидящего посреди улицы ребенка, но помочь мне не могли.

Видимо, кто-то пожаловался на маму или просто из-за того, что она обращалась за всеми полагающимися ей пособиями и выплатами, с которыми наше государство столь неохотно расставалось, и чиновники подобные обращения страсть как не любили, я помню, что ко мне в школу и к нам домой приходили с проверками. Как-то маме позвонили и сказали, что снова придут. Мама отправила нас на улицу, она хотела успеть прибраться в квартире, и, чтобы беседа прошла без нас. Но проверяющие не приходили достаточно долго, и мы с сестрой, устав гулять, крутились у нашего подъезда. Наконец, в подъезд вошли две женщины, из их разговора мы поняли, что это к нам. Мы ждали на улице, когда они уйдут, чтобы можно было вернуться домой, спрятавшись за стенкой подъезда,

отгораживающей мусоропровод. Через какое-то время, бурно и в негативном свете обсуждая нашу маму, женщины вышли из подъезда. Я услышала, что они обсуждали, в том числе и наши занятия акробатикой, и говорили, что только за это маму надо лишить родительских прав. Внутри у меня все похолодело, мы затаились. А они подошли к гуляющим детям и спросили, не знают ли дети, где могут быть такие-то девочки, дружат ли они с нами, ходим ли мы вообще гулять и что дети про нас думают. В ответ им сказали, что вроде бы мы нормальные дети, нас все знают и… показали за стенку. Я как раз выглядывала из-за стены, прислушиваясь к их разговору, когда одна из женщин обернулась в указываемую ей сторону. Нас обнаружили, и нам пришлось отвечать на вопросы. Сестра в основном кивала, а я рассказывала, как нам нравится заниматься, что у нас дома всегда чисто, что мы сыты, обуты, одеты и всем довольны, я даже продемонстрировала, как я делаю колесо. Наверное, это все же удовлетворило проверяющих, потому что больше я подобных посещений не помню.

Отдельно в череде спортивных занятий хочется отметить лыжные прогулки. Мама ходила с нами на эти многочасовые прогулки, так как она это очень любила и до сих пор любит. Я всегда катастрофически сильно замерзала, у меня болели и руки, и ноги, я плакала.

— Мамочка, пожалуйста, у меня болят руки. Мама, я не могу, ну можно я пойду домой, пожалуйста?! — плакала я навзрыд и почти подвывала.

— Двигайся и согреешься, — строго и непреклонно отвечала мама.

— Хватит себя жалеть, нытик! Распустила сопли! Вперед!

Я плакала и ехала… Пока лежал снег, это мучение происходило через день. И так продолжалось до двенадцати лет, пока я не попала в очередную больницу с высоким внутричерепным давлением. Отлежав там два с половиной месяца, я насмотрелась на детей со всех концов страны. с разными, по моему мнению, гораздо более тяжелыми заболеваниями и на отношение к ним их мам, которые либо лежали вместе с детьми, либо приезжали к ним каждый день, когда я чувствовала себя брошенной. Моя мама одна, помочь ей некому, ко мне мама приходила существенно реже. В ее приходы я все время просилась домой. Таблетки, которые мне прописывали врачи, мама учила меня потихоньку выплевывать, что я и делала; и я до сих пор не пойму смысл моего нахождения в этой больнице столь длительный период. Я, конечно, слушала мамины объяснения о сестре, про работу, но уже не то, чтобы

не верила им, а их уже не хватало, успокоить мои переживания. Я видела, как равнодушно в основной своей массе относились ко мне врачи, и как совсем по-другому они относились к тем детям, кого часто посещали или с кем лежали мамы, это высшая каста, защищенных и любимых детей, и я в тот момент окончательно повзрослела. Выйдя оттуда, я стала отказывать маме в лыжных поездках, дополнительно ссылаясь и на головную боль. Я ненавижу лыжи до сих пор.

МАМИНЫ МЕТОДЫ НАКАЗАНИЯ

Мама никогда не била нас ремнем и всегда подчеркивала этот момент. Правда, она могла ударить разок ладонью пощечину или стегануть полотенцем, куда попадет, но это не считалось.

Еще до школы произошел случай, когда к нам приехала моя крестная с сыном, моим ровесником, и, играя, не знаю зачем, мы с ним выкинули все игрушки из окна, нам показалось это весело. Наши мамы это увидели, мальчишку отлупили при мне ремнем, а я отделалась выговором. При этом я, испугавшись, что и меня вдруг отлупят, так как крестная настаивала на одинаковом наказании, улеглась на пол и начала рыдать. Мама улыбалась, говоря, что не нужно на меня обращать снимания и истерика сама пройдет, а подруга удивлялась ее терпению. Я всегда ценила тот факт, что меня не лупили. Но порой мне казалось, что лучше бы меня отлупили и простили, чем размазывали как таракана. Именно так я воспринимала мамины внушения.

Если я провинилась, мама начинала разговаривать со мной на «вы» и называть меня по имени-отчеству. Мне надлежало стоять ровно и непременно смотреть в глаза. Внушение могло длиться до часа и потом повторялось неоднократно. Со мной не разговаривали, кроме крайней надобности. Меня тут же отделяли от семьи, говоря, что раз я такая взрослая, то, пожалуй, сама могу за собой ухаживать, готовить, покупать продукты и так далее. Уже в семь лет мне выделялась энная сумма на проживание, которая клалась отдельно. И пока я смиренно не просила прощения, мама не отступала. Это могло длиться неделями. А поскольку я часто не понимала, за что меня ругают, и считала это несправедливым, я замыкалась, а, замкнувшись, не могла, как это делала сестра, улыбнуться и сказать «прости». А мама почему-то требовала с меня, как с равного.

КАК МЫ ПРОВОДИЛИ ЛЕТО

Как я уже упоминала в главе о собаке дедушки, с двух лет и до школы я проводила по два летних месяца в «детском санатории». Там я очень страдала, я помню очень ярко до сих пор счастье возвращения в садик. Я не была общественным ребенком, а этот отдых воспринимала, как заключение. Относились там ко мне без особого тепла и любви, контингент там находился не самый лучший, в основном дети из неблагополучных семей, которых некуда деть или которые никому не нужны, так как не каждый, в принципе, решится отдать чужим людям столь маленького ребенка без крайней необходимости, тем более с проблемами со здоровьем. Но маме тоже нужно отдохнуть, я это действительно понимаю.

Мои проблемы со здоровьем раздражали персонал. На меня часто орали, видимо, считая, что так я быстрее поправлюсь. Заставляли стирать за собой нижнее и постельное белье, ставили перед отрядом и делали выговоры. Я жаловалась маме, но меня все равно отправляли, это бесплатно и меня туда брали, не смотря на слабое здоровье. Перестала мама отправлять меня в «санаторий» только после того, как она приехала и увидела, что в наказание за то, что я ночью описалась, меня, ребенка пяти лет, вывели на прогулку без трусов, чтобы мне стало стыдно за свой отвратительный проступок.

Мама брала нас с собой и в отпуск. Только обязательно поясняла, что обычно родители так не делают, а живут для себя, и мы должны быть очень признательны ей за это. Я очень хорошо помню один случай, как я подвела маму, в возрасте около шести лет. У меня поднялась очень высокая температура, мне диагностировали воспаление легких. Помню я это точно, потому что мама упрекала меня в том, что билеты на поезд куплены, а я всех подвела и заболела. В результате мама сказала:

— Какая разница, где болеть.

И мы все равно поехали на озеро Селигер. Общения или занятий с мамой в отпусках я не помню. Я не помню игр со сверстниками. Но я хорошо помню взрослых людей и походы, сборы грибов, ягод… а вот как мама с нами занимается, рисует или играет, хоть убейте, не помню. Нас мама никогда не спрашивала, хотим мы чего-то или не хотим. Например, я страшно боялась плыть по озеру на лодке, отказывалась и сильно плакала, я не хотела этого делать, но мама все равно поплыла, взяв и нас с собой. А потом на берегу ругала меня за то, что я неоправданно сильно боюсь и своим воем испортила все катание.

В походах маме общалась, шутила, а мы плелись позади, без возможности пожаловаться. Помню, как другие взрослые удивлялись тому, что мы такие маленькие дети, а мама «тащит» нас с собой, и как мама «огрызалась» на них, говоря, что сама знает, как ей воспитывать собственных детей, а я очень переживала и плакала, что из-за нас обижают маму.

Потом еще был дом отдыха где-то в Подмосковье. На тот момент мне исполнилось около восьми лет, а сестре шесть, мы вдвоем от скуки ходили в деревню, через трассу, одни. Я уже понимала время, у прохожих мы спрашивали, который час, так как встретиться с мамой требовалось уже у входа в столовую. Маму, по-видимому, не интересовало, где мы, главное, чтобы вовремя пришли. Вся ответственность возлагалась на меня.

В другой раз две смены мы провели в пионерском лагере от маминого предприятия, где мама работала вожатой. Мама опять же не преминула сказать, что вожатой она работает только из-за нас, чтоб нам было, где отдохнуть. И мы отдыхали, но мама с детьми первого отряда, в котором работала, а мы сестрой в своих отрядах. Обращаться к ней лишний раз нам не разрешалось, так как мама считала, что это непедагогично. В лагере у мамы была веселая компания из вожатых, и как она сама говорила:

— Отдыхаешь, а еще и платят.

Я не умаляю ее заслуг, но, на самом деле, нас с нашей медицинской картой одних отдыхать никуда не брали. И у мамы было два варианта: или работать и смотреть за нами дома, или поехать вместе с нами в пионерский лагерь. И она, что логично, выбрала пионерский лагерь.

Самой запоминающейся стала первая и единственная поездка на море (Азовское) в двенадцать лет. На море врачами нам ездить не рекомендовалось из-за заболевания крови. Но ситуация с кровотечениями наладилась, и мама решила, что можно. От моря остались чудесные впечатления, несмотря на то, что температура поднималась выше тридцати пяти градусов. Жили мы на какой-то турбазе, в картонном домике с кучей комаров, но мы были счастливы. Не знаю, чем занималась мама, мы нечасто вместе проводили время, а мы с сестрой собирали абрикосы с деревьев, которые росли за заборами домов ближайшего к нашей турбазе поселка. Местные жители нас ругали. Но мы упорно делали свое дело, ведь это общественная земля, считали мы. Потом собранные фрукты мы вместе с мамой варили на летней кухне и разливали по трехлитровым банкам. Домой мы привезли два ведра абрикосов, банок десять варенья, рыжего котенка и… мои головные боли. Когда я пошла в седьмой

класс, то учиться не смогла. Голова болела постоянно и невыносимо. Меня положили в больницу, где установили сильное повышение внутричерепного давления. Именно в этой больнице я провела два с половиной месяца.

Летом, в мамины выходные, если мы не отдыхали в «санатории» или в больнице, мы ходили загорать на местное озеро, которое располагалось в получасе ходьбы через лесопарк, сразу за кольцевой автодорогой. Мама на пляже весь день играла в волейбол. Я должна смотреть за сестрой. Называть себя мамой на людях она не разрешала, говоря, что это ее старит. В один из таких походов мы, играя в воде, познакомились еще с двумя девчонками, они были с отцом. Отец их подкидывал, они радостно кувыркались. Я помню, мне тоже очень хотелось так играть. Я оглянулась посмотреть и спросить разрешение у мамы, но она играла в волейбол, плед пустовал. И я решила присоединиться к девчонкам. А затем и моя сестра. Было очень весело. Наплескавшись, мы вышли на берег. Не помню, кто из девчонок куда делся. Пляж полон народу.

— А хочешь ягод? — неожиданно обратился ко мне с вопросом отец девочек.

К тому времени я закончила второй класс.

— Конечно, хочу! А где ягоды? — спросила я обрадованно.

— Там, на полянке растут. Пойдем, покажу? — он показал мне рукой на лесополосу на краю пляжа.

Я пошла. Ягоды действительно там росли. Он мне показывал на ягоду, а я радостно наклонялась и срывала ее. Вдруг сердце мое забилось, я что-то смутно почувствовала, какую-то опасность. В следующую секунду он уже уговаривал меня расслабиться. Я сжалась в комок… Спасло меня то, что в этот момент из-за деревьев вышли парень с девушкой. Они встали как вкопанные, а я, задыхаясь от рыданий, вырвалась и побежала через крапиву на пляж, истерично крича:

— Мама! Там дядя! Там дядя!

Мамы на месте не оказалось, она играла в волейбол. Я захлебывалась и кричала. Потом я помню смутно, как мы собрались домой, но пока шли, мама кричала на меня, что я сама виновата, и сама этого хотела. Дома меня еще раз буквально допросили и осмотрели. Слава богу, я только испугалась. Потом мама водила меня в милицию, где мне пришлось повторять рассказ еще несколько раз со всеми неприятными подробностями. Я просила маму саму все рассказать милиционерам, так как не могла добавить никаких подробностей. Но она не видела напавшего, так как играла в волейбол и рассказывать приходилось мне. Я чувствовала себя ужасно виноватой

за произошедшее со мной. Наверное, года с два после этого мне снились дикие кошмары по ночам, во сне меня душили и мучили. Мама со мной на эту тему почему-то не разговаривала. И я варилась в собственном соку.

Я понимаю, что мама была молода, ей хотелось общаться и отдыхать, заводить новые знакомства и встретить новую любовь, да и просто жить, но для нас, детей, это имело не самые хорошие последствия.

СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Из семейных праздников я помню только одну нашу поездку в парк аттракционов, где мы провели весь день. С нами ездила моя крестная и ее сын, и она подарила мне красные босоножки. Больше я почему-то не помню ни одного подарка и дня рождения, таких праздников, чтобы с друзьями или семейными посиделками. Как в садике вокруг меня водили хоровод — помню, а еще помню, что происходило все не в день рождения, а осенью, когда поздравляли всех летних детей, так как летом я находилась в детском «санатории». Уже совсем во взрослом возрасте, около тринадцати-четырнадцати лет, мы стали сами покупать себе на день рождения торт.

Новый год мы тоже не праздновали. Мама очень рано объяснила нам отсутствие Деда Мороза… и в новогоднюю ночь укладывала нас спать. Ни подарков под елкой, ничего. Сама она при этом могла уехать в гости. Опять же лет в тринадцать, я помню, как к нам в гости зашла с поздравлениями моя подружка из соседнего подъезда, а мы спим. Её удивлению не было предела.

А я повторяла мамины слова:

— Да какой это праздник… обжираловка, и все.

А самой так хотелось этого праздника и этой «обжираловки»!

МАМА И РАБОТА

Мою маму, по ее собственному мнению, постоянно недооценивали на всех ее работах. Она никогда не была такая, как все. Она открыто высказывалась против советского режима, отказывалась выходить на субботники и задерживаться на собраниях, так как она одна растила двух дочерей, двух тяжелобольных дочерей. И за демонстративность этих действий ее лишали премий.

— Ничего, девчонки! Вон как тяжело было мне с вами одной, когда вы совсем маленькие были. На одно пособие жили, тридцать рублей на троих. Я вас покормлю, а сама пустой чай с куском хлеба гоняю. У меня дистрофия началась. Сорок два килограмма при моем-то росте и в двадцать четыре года. И ничего, выжили! И сейчас выживем. Семьдесят рублей — это не тридцать, — гордо говорила она нам.

Мы жалели маму и соглашались с ней, и вместо того, чтобы ходить в платную музыкальную школу в своем районе, мы ездили в бесплатную по полтора часа в каждую сторону.

Так как денег не хватало, то пока мы жили в трехкомнатной квартире, мама пускала в квартиру жильцов. И у нас постоянно проживали чужие люди, в том числе и мужчины, с которыми мы зачастую оставались одни. Но мама говорила, что деньги нужны, и мы боялись, но терпели… или подольше гуляя на улице, или потише сидя в комнате.

А вот странно, почему на субботники мама не могла пойти, а пустить в дом посторонних людей могла? Противопоставление себя всем и вся, даже в ущерб себе, своим детям, жирной чертой идет через всю мамину жизнь.

Свою трудовую книжку мама называла «Война и мир», столько там накопилось записей.

До моего поступления в школу мама работала на заводе, ехать туда следовало к восьми утра. Школьный сторож открывал школу только в половине восьмого утра, а маме ехать до работы около часа. Поэтому по утрам мы сначала отводили сестру в садик, там имелась круглосуточная группа, а потом к семи меня приводили к школе. И я сидела на ступеньках полчаса в любую погоду, ожидая, когда откроют школу. После школы я оставалась в группе продленного дня до половины пятого, а потом я шла в садик — забирать сестру. И мы ждали маму.

Ко второму классу, мама устроилась в торговлю. График удобный, и рядом с домом. Она работала по двенадцать часов, день через два. Первый день после работы она отсыпалась,

а второй делала домашние дела. Зарплата не большая, но:

— Лучше я потрачу это время на вас, девчонки, чем на дядю, — говорила нам мама.

Но мамино свободное время, «потраченное» на нас, зимой уходило на мамины лыжные прогулки, а летом — на походы мамы на пляж, хотим мы того или нет. Она не старалась жить нашими детскими потребностями и интересами, это мы жили ее взрослой жизнью. Рассказывая кому-либо о своей нелегкой судьбе, мама в первую очередь отмечала, что она «пахала» без отдыха и продыху по двенадцать часов в день, и только для того, чтобы иметь возможность прокормить и вылечить нас. При этом упомянуть о том, что эта работа день через два, мама забывала.

А когда мне исполнилось девятнадцать, я начала свою постоянную трудовую деятельность, и стала наполнять продуктами общий холодильник и так далее, мама работала, сменяя работодателей, по два-три месяца у каждого с такими же по времени перерывами на поиски нового места работы. Везде находились какие-то причины для увольнения, везде встречались «козлы».

Было время, когда она устроилась в Дом малютки. Как жалобно она рассказывала нам о младенцах, которые не плачут, когда им меняют памперсы, а лежат по стойке «смирно». О том, что их не выводят на прогулки из-за отсутствия верхней одежды, так как, по ее словам, заведующая продала пальто, закупленные для детей. И при этом приносила в дом куски мыла, туалетной бумаги, детский шампунь, несъеденные завтраки. Мы стыдили ее.

Она говорила в свое оправдание:

— Все равно же остается.

Мы отказывались этим пользоваться. И, проработав там с полгода, мама снова уволилась из-за «непереносимости несправедливостей», которые там творились.

Пару месяцев поработала она в столовой при каком-то театре. Как обычно, в первый месяц у нее был восторг, а потом она стала говорить, что ей стыдно смотреть в глаза людям, такую жидкую похлебку они там варят, и уволилась.

Потом месяц-два работы в одном магазине, в другом, на рынке, на корабле… Эти метания еще продолжались в период примерно с сорока шести до ее пятидесяти трех лет, а потом… нигде. Я не осуждаю маму, просто констатирую факт. Я прекрасно понимаю, как тяжело женщине одной растить двух детей, да еще в то нелегкое время.

МАМА И ДОМАШНИЕ ХЛОПОТЫ

Мама всегда подчеркивала, что не любит домашние дела, и делает их только потому, что у нее дети. То есть исключительно для нас. В доме у нас всегда был бардак под названием «художественный беспорядок» и тараканы.

Готовить мама умела всего несколько блюд. Попробую их перечислить: щи, куриный бульон, запеченную курицу, макароны, пюре, яичница, омлет и каши, да, пожалуй, и все. Остальное — это полуфабрикаты, а именно: сосиски, готовые котлеты, овсянка, залитая молоком, бутерброды, сезонные овощи и фрукты. Этим наш детский рацион исчерпывался.

Вкусности покупались редко. Правда делились на три ровные части. И когда я съедала свою и задавала маме явный вопрос о том, когда же и она съест свое, надо отдать маме должное, она всегда отдавала мне свою часть, предварительно отложив из нее половину для сестры.

В детстве мне все время хотелось есть. Ситуация изменилась, когда мама устроилась заведующей на рынок, мне шел тринадцатый год. Я запомнила этот возраст точно не только потому, что была уже достаточно взрослая, но и потому, что именно в это время я лежала в больнице после «юга», а мама на появившиеся деньги купила в квартиру подержанную мебель, что стало огромным событием. Первый раз в нашей жизни, мы покупали в дом что-то подобное. Мы уже не считали, сколько дней до зарплаты и сколько сосисок осталось в холодильнике. Мама, получив «рыночную» должность, начала нам покупать новую одежду. До этого времени наш основной гардероб состоял из того, что отдадут маме ее знакомые, особенно страдала от этого сестра, так как если что-то отдавали, то эту вещь сначала носила я, а потом за мной донашивала она. Первый собственный новый свитер сестра получила в тринадцать лет.

УГОЛОК СЧАСТЬЯ

Для меня двор нашего первого дома под названием «китайская стена» всегда оставался уголком счастья в моей жизни.

У нас с сестрой по моим воспоминаниям была масса друзей в этом чудесном дворе и практически не было проблем. Все знали нас, и мы знали всех. В садике была отличная воспитательница и в поликлинике чудесный педиатр. Из этого двора я пошла в первый класс, в школу, к которой относился наш дом, и она была с интенсивным изучением английского языка. У нас была великолепная учительница, молодая, умная, красивая. Она играла нам на фортепиано и ходила с нами в театры. Я училась на одни «пятерки». Этот период жизни остался в моих воспоминаниях детства, как самый счастливый, несмотря ни на что.

КАК МЕНЯ ОТДАЛИ В НОВУЮ ШКОЛУ

Я училась в третьем классе — последнем классе младшей школы, когда мы переехали из трехкомнатной квартиры в двухкомнатную, на расстояние в четыре трамвайных остановки. «Козел-папаша» все-таки отсудил себе комнату, а я неожиданно из отличницы превратилась в двоечницу. Меня перевели в школу рядом с новой квартирой, возить четыре остановки меня некому, а мне почему-то ездить не разрешалось, маме так удобней. Новая учительница мои знания считала недостойными даже тройки. Я чувствовала подавленность, и очень часто плакала от того, что как бы я не старалась, мне ставили и ставили двойки. Мама в то время работала в продуктовом магазине. В школу мама не ходила. Она говорила, что знает своих дочерей лучше, чем любой чужой человек. И ходить слушать всякие бредни и рассказы о том, на что в очередной раз собирают деньги, она не собирается. У нее нет на это ни времени, ни желания.

Но произошел один из тех редких случаев, когда она все же в школу пошла. Поговорив с учительницей, мама сказала мне, что ей намекнули на ее место работы и о дефицитных продуктах, которые она могла бы приносить учительнице. Носить кому-то сумки для моей мамы — неприемлемо. Она объяснила это мне, и я с этим согласилась. В районе есть еще одна школа, правда, все дети из нашего дома ходили именно в первую, и учебный год шел к концу.

— Но ничего, — сказала мама, — там ты себе новых друзей найдешь. Больше народу будешь знать. Да и кто такие друзья? Поверь мне, ближе мамы у тебя никого в жизни не будет.

Меня перевели, в третью школу за три школьных года. Учебный год я закончила на «хорошо» и «отлично». Был один неприятный момент: школа в то время называлась между жителями района «тюрьма», и туда со всех окрестных районов переводили детей за плохое поведение. Меня в первый же день прозвали «математичкой», и я так и не прижилась там окончательно. В четвертом классе учеников перемешали. И в наш положительный, по меркам школы, класс «А» добавились дети из «Б», которые считались похуже нас, и ученики из класса «В», которые, по мнению, озвучиваемому учителями, были… дебилами. Чуть ли не на первом уроке я услышала такое количество новых слов, сколько не узнала за всю последующую жизнь. После урока я первый раз подралась. Я скрутила

мальчишку совсем маленького роста, именно того, кто так вызывающе вел себя на уроке. Он пообещал отмщение. И началось…

Я поневоле научилась драться. Дралась я с мальчишками, погодками и на год старше, а после седьмого класса — уже и с девчонками. Основанием для драк с мальчишками становилось мое обостренное самолюбие. Я не позволяла себя обзывать, отнимать у себя что-либо, дергать или задирать юбку и так далее. Примерно через год мальчишки от меня отстали. Мне это обошлось парой трещин в переносице, гематомами и разговорами с инспектором по делам несовершеннолетних о необходимости постановки меня на учет. С девчонками я дралась всего пару раз за все старшие классы, но так, что «насмерть». В классе меня звали «феномен класса от девочек». Расшифровывалось это примерно так: я не курю, не пью, учусь в среднем, ближе к отлично, играю на фортепиано. Но при этом: запросто прогуливаю уроки, дерусь и верховожу в классе, спорю с учителями, подражая поведению мамы, вплоть до того, что мои работы посылают на пересмотр в РОНО (Районный отдел народного образования).

Мама для меня оставалась непререкаемым авторитетом и всегда права. Когда она говорила, что куда-то не пойдет, значит, она принимала правильное решение. Но один раз я на нее все же серьезно обиделась, в день, когда меня принимали в пионеры. Нас собирались отвезти на автобусах в дом пионеров, где в торжественной обстановке произойдет «принятие». В школу все пришли с родителями, бабушками, дедушками и прочими родственниками. Все скинулись и накрыли стол. Моя мама не только не сдала денег на стол, их как обычно нет, но и отказалась, несмотря на выходной, прийти в школу. Мне было сказано, что я сама буду смеяться над этим «торжеством» через пару лет, я просила маму прийти, так как понимала, что одна буду лишь я. Но она оставалась непреклонной. Тогда я пошла на хитрость… и забыла пионерский галстук дома. Уже когда пришло время отъезжать, я из учительской комнаты позвонила маме и попросила его принести. Мама побурчала, но пришла. Я была счастлива, надеясь, что она уже не уйдет. Но она демонстративно ушла, оставив меня отвечать на неприятные вопросы других участников процесса, причем, как детей, так и их родителей. Мне было, мягко говоря, не по себе.

МАМА НЕ ЗАМЕТИЛА

Это еще одни истории из моей жизни, отношение к которым я никак не могу себе объяснить с позиции мамы.

В девятом классе в начале года случилась неприятная история. Мы с подружкой прогуливали школу. Утро, народу на улицах немного. Да еще пошел дождь. Мы спрятались под козырьком парикмахерской у стены, которая выходила на проезжую часть и не имела окон, и оказались как бы в нише. С дороги подъехал автомобиль. В нем играла музыка.

— Эй, молодухи, покатаемся? У нас сухо, — молодые мужчины, сидящие в машине, открыли окно и так пригласили нас покататься.

— А ничего не треснет? — вызывающе отказались мы.

Мужчина вышел из машины и подошел к нам развязной походкой.

— Я что-то не расслышал? — переспросил он.

Поскольку мы вдвоем и… взрослые, как нам казалось, я вместо того, чтоб сгладить ситуацию, памятуя, что все мужики «козлы», ответила:

— Порядочные девушки с незнакомцами не ездят, — с пренебрежением сказала я. — Вы не по адресу!

В следующую секунду я получила наотмашь оплеуху и, отлетев, сильно ударилась головой о стену. Мужики засмеялись, сели в машину и уехали. Мы, запомнив номер, пошли в соседнее отделение милиции. Написали заявление. Потом были и опознания, и встречи с обидчиками на улице. На голове у меня сияла приличная шишка. Родители подруги активно участвовали в этом разбирательстве. Моя мама так и не узнала о случившемся. Я не стала ее расстраивать.

Затем в десятом классе школы со мной произошло следующее пренеприятнейшее событие. В ЖЭКе (Жилищно-эксплуатационная контора) перед домом, в котором жил мой парень, устраивали дискотеки, я страшно любила танцевать, но на подобные мероприятия не ходила.

А тут, не знаю почему, подруга уговорила меня, сказав что-то вроде «так и просидишь дома до старости одна». Это было моей ошибкой. Я встала перед сценой, чтобы не тереться телом с пьяными подростками в глубине зала, и начала танцевать. Местные девочки, проходя мимо, стали как бы задевать меня плечами. Последняя, как мне показалось, двухметровая девица просто смела меня с места. Я спросила, в чем дело. И мне предложили «выйти поговорить». Конечно, как же я, такая гордая,

могла не согласиться.

За зданием, на небольшом пустыре, меня ждало человек пятнадцать. Били меня все… по очереди и вместе. В финале мелькнул нож. Спас меня крик из окна соседнего дома, кто-то кричал, что подъехала милиция. Все бросились врассыпную. На мне не было живого места. Волосы вырвали клоками, вся голова покрыта шишками, ну а тело — просто сплошной синяк, кожа поперек щеки разорвана от глаза до середины щеки. Почти два месяца я не ходила в школу. На следующий день после избиения подруга вызвала мне врача на дом. Пришел молодой мужчина и с сарказмом спросил:

— Что прогуливаем?

Я лежала лицом к стене, когда я медленно повернулась, врач испугался, увидев меня, и сказал, что вынужден сообщить в милицию. Не помню, как мы с подругой его уговорили этого не делать. Еще долгое время я ходила на какие-то примочки и перевязки в поликлинику. Так вот, моя мама, живя со мной в одной квартире, ничего не заметила.

Я сказала ей об этом по прошествии двух месяцев, за что еще получила выговор за оказанное ей недоверие.

РАЗВЕ ВОПРОС В ДОВЕРИИ?

Мама любила повторять, что доверие превыше всего.

Отношение мамы и к этим событиям остается для меня полной загадкой по сию пору. То есть объяснить себе ее поведение в этих ситуациях более или менее логично с позиции любящей мамы я не могу до сих пор.

В нашем доме с раннего детства не убирались лекарства. Мама почему-то считала, что мы должны сами понять, что их трогать нельзя. Они лежали так, что мы с сестрой могли их спокойно достать. И вот пару раз я выпила «Пертусин» по нескольку банок за раз, это сладкая микстура от кашля заменила мне сладости. Несколько раз я съедала по банке витамина С, при том, что я страдала кровотечениями, а аскорбинка разжижает кровь. Слава богу, ничего другого. Таким образом мама проявляла к нам доверие.

Как-то, когда мы были еще обе в детсадовском возрасте, мама достала, а все тогда именно доставали, какое-то импортное средство для чистки ванны с запахом лимона. Мама почистила им ванну и искупала в ней нас. Запах от ванны шел волшебный. А на следующий день, особенно сильно это сказалось на мне, у нас с сестрой раздуло ноги так, что мы не могли ходить. Мама вызвала педиатра, какой диагноз нам поставили, я не знаю, но это оказалось аллергической реакцией. Наши ноги стали слоновьего размера и красно-фиолетового цвета. Болели мы долго. До поликлиники ехать на автобусе три или четыре остановки. Я помню, что в какой-то из дней нам положено было показаться врачу. И мама сказала, чтобы мы с сестрой съездили сами, без нее. Я гордилась оказанным мне доверием, и мы поехали одни. Скорее всего стояло лето, потому что я помню, что было тепло. Ноги у нас с сестрой еще не пришли в нормальное состояние, и мы не могли обуться. Я решила, что ничего страшного, и мы поехали босиком! Обратно мы возвращались с сестрой веселыми, громко дурачились и толкались в автобусе, чем привлекли к себе всеобщее внимание. Люди крайне удивились тому, что маленькие дети едут одни, босиком, с синими ногами, и при этом еще горстями поедают витаминки из пластиковой банки. Я помню это очень хорошо, потому что я огрызалась со взрослыми людьми мамиными словами, говоря им, чтоб не лезли в наше воспитание, а смотрели бы за своими детьми получше. Как и следовало ожидать, градус обсуждения накалился настолько, что кто-то предложил сдать нас в милицию, пусть там выяснят, что у нас за мать. И как только двери

открылись, мы с сестрой, не дожидаясь нашей остановки, выскочили и побежали от автобуса, что-то выкрикивая в свою и мамину защиту. Домой я вернулась победителем и гордо рассказала маме обо всем. В это время мама с отчимом находились дома! И это моя вторая претензия к первому отчиму, помимо ситуации с собакой.

Отдельная история с посещениями школы. Неожиданно для себя я начала ее прогуливать еще в четвертом классе. А произошло это так: я подружилась с девочкой, мы дружим и до сих пор, и как-то в туалете новая подруга спросила меня:

— Чего расстроенная такая?

— Тройку схватила, не знаю, как маме скажу, — ответила я.

— Что сильно ругать будет? — уточнила девочка.

— Да нет… Не хочу ее расстраивать, — ответила я.

Она удивилась.

— Покажи где?

Я показала дневник, через секунду страница с тройкой была у нее в руках. Я страшно испугалась, но вида не подала.

— Ну все в порядке, — смеясь, говорила она.

— Не знаю, — неуверенно ответила я.

— Да ладно, там и не видно, как будто, так и было, — заключила девочка.

— А ты пробовала прогуливать? — задала она мне неожиданный вопрос.

— Нет, — слегка испуганно ответила я.

— Давай дружить, я — Лена, — представилась девочка.

— Давай, — согласилась я. — Я тоже Лена.

— Класс, — заключила она. — Навсегда?

— Навсегда!

Как ни странно, но в подруги я выбрала себе девочку максималистку, с жестким характером и резкими суждениями. В дальнейшем нашу клятву о взаимной дружбе мы подтвердили ритуалом «братания». Мы расцарапали себе запястья до крови на одной руке и «обменялись» кровью друг с другом, прислонив руки и давая клятвы в вечной дружбе. На меньшее мы были не согласны. И мы действительно породнились. Мы ловили настроение друг друга на лету, мы ни разу не поссорились, если одна начинала что-то приукрашивать или привирать, мы тут же поддерживали друг друга, никогда не спрашивая при посторонних «что да откуда». Эта взаимная поддержка очень выручала нас в сложных ситуациях. Так как мы обе яростно поддерживали друг друга, нам верили, даже если история казалась не совсем правдоподобной. Когда мы подросли, несмотря на то, что жизненные интересы у нас разошлись

довольно широко, мы всячески помогали друг другу и морально, и физически, и материально. Мы дружим до сих пор. И, наверное, поэтому она единственный человек, любые резкие суждения которого я спокойно готова выслушивать и по сию пору. В ее любви ко мне и желании самого лучшего для меня я уверена, даже когда я с ней категорически не согласна.

Первый совместный прогул мы весь урок простояли, прячась на унитазах в женском туалете. Это был настоящий адреналин. Когда кто-то входил или заглядывал, мы вжимались в холодную кафельную стену. Зачем? Не знаю. Но после этого нас уже было не остановить.

Мы прогуливали, сидя в кино. Мы прогуливали дома, разводя в трехлитровой банке из-под варенья сахар с водой, надеясь получить домашнее вино и пряча банку в фортепиано. Мы прогуливали на овощном рынке, пробуя все подряд и объедаясь черемшой. По возвращении домой от нас несло за километр. Но моя мама упорно верила, что я хожу в школу, а подруге почему-то сильно доставалось от родителей.

Я могла не ходить в школу неделями. С утра я спокойно выходила из дома без школьной формы, а в то время она была обязательной, но мама только иногда интересовалась, почему я без оной. Я спокойно отвечала, что сегодня дежурю на дверях, а на дверях можно без школьной формы. Мама отвечала что-то вроде того, что «жизнь моя и мне решать» … и я решала. Не прогуливала я только музыкальные занятия, даже по субботам. Я могла часами музицировать, доводя соседей до нервного срыва. Мама гордилась моими успехами. Ну а школа? Что школа? Оценки-то я умудрялась получать приличные. Вот сестра никогда не училась на отлично, и от нее, видимо, в силу ее обаяния, этого и не требовалось.

Другой вариант непонятного мне маминого доверия связан с жившей в центре города бабушкой моей лучшей подруги. Иногда я отпрашивалась у мамы поехать к этой бабушке вместе с подружкой. Мама не горела желанием познакомиться ни с родителями моей лучшей подруги, ни с ее бабушкой и не знала, где и как она живет, ее это не интересовало. Договоренность с мамой у меня была гулять до половины десятого вечера.

Конечно, мы с подружкой шли гулять в центральный парк или еще куда-то в центр, и задерживались там до полуночи, а бывало и больше. Как же мы выкручивались? Мою подругу прикрывала ее бабушка, говоря маме подруги, что та давно спит. А меня? Меня и прикрывать не нужно. Моя мама никогда не звонила. В полдесятого вечера я звонила ей сама из телефонной будки и говорила, что иду спать. Этого было

достаточно. Мама мне доверяла ведь я в восьмом классе, мне четырнадцать лет.

Мне завидовали все друзья-знакомые. Такой классной мамы ни у кого не было. Мне курить возбранялось, да я и не хотела. А вот с моими подружками мама могла выйти на балкон и за сигареткой поговорить по душам. Я спокойно могла оставить в кармане пачку и сказать, что это, например, сигареты моей подружки. Мама всегда верила.

Такое доверие мама оказывала не только мне, но и сестре. В пятнадцать лет сестра с подружкой, две несовершеннолетние девчонки, одни были отпущены мамой на юг. Я возражала категорически, но мама мне сказала примерно так, что по ее мнению, если сестра хочет сотворить что-то нехорошее, то она и у нее под носом это сотворит, и смысла ее не пускать она не видит. Я этого не понимала, я очень переживала, как сестра поедет в плацкартном вагоне без взрослых. Но мама доверяла своим дочерям. А на тот момент сестра меня уже не слушала так как раньше.

ВСЕГО ЛИШЬ ВЕЩЬ

Мама очень лояльно относилась к тому, что в дошкольном возрасте я брала поносить ее вещи. Я любила в них наряжаться. Например, мне очень нравилась мамина голубая кофта с рисунком в мелкий цветочек на бретельках. Она состояла из продольных полосок, сжатых резиночками, а внизу с оборкой, ну очень красивая кофта. Мне она была как сарафан. Я надевала ее и еще туфли на каблуках, красила губы, и такая нарядная шла гулять. Я помню смех бабушек у подъезда и их вопросы ко мне, но меня это не смущало. Вернувшись с прогулки, я вешала одежду обратно в шкаф, как было, но мама каким-то не понятным для меня образом всегда замечала, что я ее брала, но не ругала меня сильно, а только журила. Ругала она меня только за туфли. Она переживала, чтобы я не сломала каблуки. Так как был один случай, что мама куда-то собралась, одела туфли, а каблук шатается. Мне тогда хорошо досталось за срыв вечера.

Мы всегда знали, где и сколько лежит в доме денег, где хранятся единичные мамины украшения. Мама говорила, что ей нечего скрывать от собственных детей.

Вещизмом мама не страдала никогда, потерю или поломку вещей она переносила более-менее спокойно. У нас в доме все было максимально просто, хотя с годами я склонна относить эту простоту на отсутствие достаточных средств. Об этом есть две показательные истории. Первая — это когда, будучи еще в детском садике, я решила поменяться с подружкой на чудесную брошь. Брошь блестела стеклянными камушками. Обменяла я ее на мамино единственное драгоценное кольцо с большим натуральным рубином. Кольцо лежало, что называется, в открытом доступе, мне никогда не объясняли его ценность, и я, пятилетний ребенок, естественно, не могла эту ценность понимать. Мама, конечно, вместе со мной ходила в сад разговаривать с воспитателями, директором, домой к этой девочке. Я подвергалась опросам, с выяснением всех возможных деталей, и плакала. Я очень жалела маму, но кольцо вернуть не удалось. Мама провела со мной не одну разъяснительную беседу, выговаривая мне, как я ее подвела, не оправдав высокое доверие.

— Что ж мне все от вас прятать? — строго спрашивала она.

Теперь мама рассказывала мне сколько стоит это кольцо, сколько ей нужно работать, чтобы его купить и прочее, и прочее. Но не била… и всячески это подчеркивала. Она вообще любила в красках рассказывать, как нам повезло, что она не поступает

с нами так-то и так-то, пугая статьями из газет об издевательствах над детьми или своими воспоминаниями о собственной маме. В финале, вымотав меня до психологического изнеможения, она сделала благородный вывод: «Это всего лишь вещь». Я до сих пор не могу понять, почему она не убирала кольцо туда, откуда его просто нельзя достать, и при чем здесь доверие? Но чувство вины у меня осталось.

Вторая история случилась, когда я, желая сделать маме подарок, вырезала цветочек. из коврового чешского покрывала для дивана, купленного мамой по большому блату. Мама пришла с работы, и я ей его вручила со словами:

— Сюрприз!

Мама перевернула покрывало вырезанным цветком к стене и ограничилась беседой со мной, в которой рассказала мне, как детям отбивают руки палками за гораздо меньшие провинности, а со мной она только беседует. За что я ей искренне благодарна, руки-то не отбила.

Эта история рассказывалась мне неоднократно, как пример ее любви к собственным детям и гордости за собственную сдержанность. Опять-таки я должна была это ценить, вслух говоря маме, как я ей признательна.

Когда мы стали постарше, эта мамина черта нам с сестрой уже была на руку. Мы, узнав, например, что в магазине «выкинули» импортные вещи и, не имея возможности позвонить (мобильной связи тогда не было) маме, а иногда, делая вид, что не дозвонились, пару раз брали деньги из «кубышки» по своему усмотрению. Мы ехали в магазин и покупали нужную нам одежду на свой вкус. Мама нам выговаривала за своевольство, но старалась реагировать спокойно.

А мы отвечали ее же словами:

— Мы же должны научиться распоряжаться деньгами?

Маме приходилось соглашаться. И хоть в то время с деньгами было уже намного свободнее, я ее спокойствие действительно ценю. Но сейчас, сама, будучи мамой, я не считаю правильным давать открытый доступ к деньгам несовершеннолетним детям. Как минимум это может быть опасно, так как узнать о деньгах могут люди, не только желающие добра.

«Я ДАЛ — Я ВЗЯЛ»

Особо стоит описать ситуации с подарками от мамы. Мама к подаркам применяла такой принцип «я дал — я взял» или «хочу — дарю, хочу — забираю». Во взрослом возрасте, около восемнадцати лет, когда я уже вышла замуж, произошли две особо значимые для меня истории. Первая — это история с юбкой.

Мама подарила мне юбку, не новую, но в хорошем состоянии, которую ей привез из Парижа муж. Мне эта юбка оказалась великовата, а рядом на площадке жила девушка постарше меня лет на десять. Дети у нас ровесники, рожденные с разницей в два месяца, и мы подружились. В то время, девяностые годы, купить что-либо было крайне проблематично. Каждая обновка сразу видна. Как-то я зашла в гости к соседке.

— О, новая юбка, — причмокнула соседка.

— Да, новая, — не без удовольствия ответила я.

— Классная, но вроде великовата тебе, будешь ушивать? — поинтересовалась она.

— Нет, ты что, это только портить, да и шью я как курица лапой, а хорошего портного тоже не так просто найти, — ответила я, глядясь в зеркало.

— Ну тогда… может поменяемся? — спросила она, — дай я померю, может на мне будет лучше сидеть.

Я сняла юбку, она надела. Да, на ней смотрелось отлично.

— Слушай, а давай я тебе тот красный костюм, ну, помнишь, да сейчас покажу, — она открыла шкаф. — А ты мне юбку? Давай?

— Давай, — обрадованно согласилась я.

Костюм на мне сидел как влитой. На том мы довольные и расстались.

На следующий день приходит мама. Я ее встречаю в новом костюме. Теперь мамина очередь спросить, откуда у меня костюм.

— О, где это ты такой костюм взяла? Я его у тебя не видела, — спросила заинтересованно она.

— Здорово, да? — заулыбалась я. — Это я с соседкой на твою юбку поменялась, — чистосердечно призналась я.

Мама замерла, лицо сделалось каменное, глаза мечут молнии.

— С какой стати ты раздаешь мои вещи? — ледяным тоном спросили меня.

Я похолодела, у меня засосало под ложечкой в ожидании скандала. При этом дома у меня грудной ребенок.

— Почему твою? — тихо спрашиваю я. — Ты же мне ее подарила? Значит, она моя? — уточняю я заискивающе.

И тут, как взрыв, в полный голос, с нажимом, брызгая мне в лицо слюной и сверкая глазами, мама кричит:

— Вот именно, тебе, а не какой-то там «шалаве». Иди, забери! — как отрезала она.

— Мама… ну ты… это невозможно, — лепечу я, — да и этот костюм же не хуже, — делаю я вялую попытку оправдаться.

— Может и не хуже, — рявкнула мама, — но я дарила тебе, а не какой-то «прошмандовке».

Ребенок напуган и плачет, моей маме наплевать, у меня слезы на глазах.

Я пытаюсь объяснить:

— Мама, ну ты же не говорила мне ничего подобного, я думала, раз моя, то я и распоряжаюсь, это ж не новая вещь и не подарок на день рождения. Как я скажу подруге?! Да она ее, наверное, уже подпорола, чтоб на себя посадить по фигуре, — я оправдываюсь, ребенок продолжает плакать.

— Распоряжайся, когда заработаешь, — бросила она мне. — Короче, я сказала или юбка будет здесь, или… ну ты меня поняла!

— Мама, я не могу этого сделать, мне стыдно, пойми, — опять объясняю я.

— Ах, тебе стыдно, тварь ты неблагодарная, я на тебя всю жизнь положила, — она снова орет и идет к двери моей соседки.

Долбит в дверь. Недоуменная соседка открывает и прямо в этой юбке. Мама с порога орет:

— По какому праву вы решили, что можете распоряжаться моими вещами? — и хватает соседку за юбку.

Та оторопело, пятится назад. Во-первых, она не поймет, кто это. Я в дверях квартиры рыдаю от стыда, ребенок в кроватке, видимо, от испуга, а маме все нипочем, ее заклинило, ей нужна юбка. Соседка пришла в себя. И начала выпроваживать мою маму восвояси, жестко ответив ей:

— Будьте любезны, не повышать на меня голос в моей квартире, — и подталкивая ее к выходу.

На что мама разразилась такими проклятьями:

— Чтоб эта юбка тебе поперек горла встала, и чтоб это была последняя «шмотка» в твоей поганой жизни…

Это был просто кошмар. В итоге мама, ругаясь и проклиная всех и вся, ушла по лестнице вниз. А я еще неделю извинялась перед соседкой, хорошо, что она не перенесла мамин заскок на наши отношения. Но при одном упоминании о моей маме, хотя с того неприятного инцидента прошло уже более двадцати лет, подруга вздрагивает до сих пор. Что на самом деле вызвало

такую агрессивную реакцию мамы, я так и не узнала.

Отдельная история касается фортепиано. Особенно ярко принцип «хочу — дарю, а хочу — забираю» проявился с этим музыкальным инструментом.

После десятого класса школы я вышла замуж, родился ребенок, стало не до фортепиано, а сестра никогда особенно не стремилась играть на инструменте, и он простаивал. Инструмент хороший, немецкий, трофейный. Так вот, мы его в общей сложности перевозили шесть раз.

Сначала мама подарила фортепиано мне. И мы перевезли его в десятиметровую комнатку, где я жила с мужем и ребенком, потратив еще и немалую для нашего семейного бюджета, перевозка пианино не дешевая вещь. Муж стерпел, когда так называемый «гроб на колесиках» занял половину и так небольшой комнаты. Потом мы с мамой поссорились, и меня лишили этой чести. Она потребовала вернуть ей не заслуженный мною столь дорогостоящий подарок. Мы перевезли фортепиано обратно. Потом она решила, что его достойна сестра, и его отвезли к ней. Сестре эта честь откровенно надоела; стоит, место занимает, она его вернула матери. Через какое-то время оно было подарено уже внукам. И его снова вернули к сестре на новую квартиру. В результате через пятнадцать лет мытарств его продали за «сколько дадите».

Я К ПЯТНАДЦАТИ ГОДАМ

К пятнадцати годам мой внутренний мир составляла гремучая смесь из противоречий. Я видела, что я красива, но при этом абсолютно не уверена в себе. Я имела очень высокие требования к будущему избраннику, но при этом считала, как учила меня мама, что «полюби меня черненькую, а беленькой меня любой полюбит». Я была очень начитанна, по примеру мамы разговаривала цитатами философов и писателей, как говорили, талантливо играла на фортепиано и прилично, пела, но при этом малообразованна в классическом понимании, так как большая часть школьной программы была, как говорится, мною прослушана. Я выросла в болезненно независимую и внешне абсолютно уверенную в себе пробивную девушку, готовую отстаивать себя и свои взгляды не только словом, но и силой, и при этом страшного паникера внутри, у которого любой маломальский промах вызывал панику и ощущение конца света, без какого-либо преувеличения. Описать насколько мое мировосприятие отличалось от взглядов на мир той же сестры, можно одним из примеров. В мои семнадцать с чем-то лет, а сестре, соответственно, пятнадцать, у меня произошла какая-то личная трагедия, именно так я это воспринимала. Я стояла и плакала у окна. Сестра подошла ко мне и сделала попытку со мной заговорить. В ответ я только огрызнулась, что, мол, какое ей дело, ей все равно наплевать. А в этот период нашей жизни мы стали не особенно близки из-за того, что я считала ее еще маленькой, фактически, как я сейчас понимаю, я относилась к ней, как к своему ребенку, а она уже активно бунтовала. Тем более, что мама давала ей абсолютную свободу, а я всего лишь старшая сестра, которая пыталась ее контролировать и воспитывать. Поэтому обычно на этом моем ответе все и заканчивалось, но в этот раз сестра сделала еще одну попытку. Она стала говорить мне теплые слова и что действительно хочет мне помочь, но если я ей ничего не расскажу, то как она узнает, чем? Я помню, как мне было приятно услышать такие слова, и начала делиться своими бедами. Я все рассказала, а она стоит и не проявляет никакой реакции. Просто никакой!

Я раздражено спрашиваю:

— Ну и зачем ты говорила, что готова меня поддержать?

Сестра недоуменно и искренне:

— А что, это все? Это вот из-за ЭТОГО! ты так плачешь?

Я истерично:

— А что, мало?

Сестра отвечает растерянным голосом:

— Знаешь, Лена, прости, конечно, но я не то, чтобы плакать, я бы вообще этого не заметила!

У меня от ее слов будто что-то лопнуло в груди. Я должна сказать, что и сейчас восприятие описанных мною событий, в которых она тоже участвовала, отличается от моего более мягким. Но мы понимаем, что ее жизнь и отношение к ней в семье отличались от моей жизни и отношения мамы ко мне. Например, из нашего посещения поликлиники босиком с синими ногами она помнит только, как мы толкались в автобусе и как весело бегали босиком по теплым лужам. То есть она помнит, что мы были босиком и одни, но она не переживала, как мы доедем, что мы объясним в регистратуре, почему мы одни, как оценит нашу поездку мама. Поэтому в ее воспоминаниях осталась только приятная часть этого путешествия.

Так вот, к пятнадцати годам я мечтала о вечной и светлой любви, но непременно приправленной страстями и страданиями, как в книгах, которые я во множестве прочитала.

С подачи мамы моя голова была напичкана философскими и религиозными книгами разной направленности (Гете, Гессе, Блаватская, Платон, Аристотель, Даниил Андреев, Косидовский…) без должного наставления и пояснения их содержания, забита мыслями о смысле жизни и бренности существования. Надо сказать, что сестра начала читать книги только ближе к тридцати годам и читает, не останавливаясь, их до сих пор. А до семнадцати лет я читала ей вслух, и мама к ней не приставала с философией, а сестра от этого не стала хуже.

Я размышляла и была абсолютно готова к самоубийству. Не из-за несчастной любви, не из-за какого-то другого горя, а просто потому, что все равно когда-то умирать, уверенная в том, что я никому не нужна. И не сделала этого только потому, что судьба вовремя послала мне дочь. Именно чувство ответственности перед ней удержало меня от этого страшного поступка. Я всегда хотела, чтобы у дочери жизнь была лучше моей, это служило для меня основным двигающим моментом долгие и долгие годы.

Я не умела выстраивать отношений с противоположным полом, я четко знала одно, что все мужики «козлы».

Подругам я всегда говорила:

— Если мне не понравится замужем, то разведусь, делов-то… Моя мама вырастила нас одна, и ничего, никто не умер!

Это совсем не означало того, что я хотела бы остаться одна, просто я заранее себя к этому готовила. Когда кто-то подходил ко мне познакомиться, я с вызовом начинала разговор с насмешки

или с вежливого хамства. Хорошо, что мне почти никогда не отвечали соответствующим образом, но, естественно, от меня шарахались. Я была уверена, что замуж надо выходить не раньше двадцати пяти лет. У меня были планы на институт, я играла в ансамбле в молодежной группе, занималась музыкой. Но жизнь распорядилась иначе.

Надо сказать, что единственным советом, который давала мне мама относительно отношений с возможными женихами, это не говорить о проблемах с кровью. Иначе, как уверяла она, никто на нас с сестрой не женится. Но я говорила, я не могла скрывать, памятуя о том, какие претензии предъявляла за подобный к родителям отца и к нему самому наша мама.

Вот с такими тараканами в голове я подошла к пятнадцатилетнему возрасту.

МОЙ ПАРЕНЬ

Я познакомилась со своим будущим мужем, когда мне не исполнилось еще и шестнадцати, а ему на тот момент исполнилось двадцать три года. Он из простой семьи, я его не любила. Но мне льстило и придавало уверенности, что за мной ухаживает взрослый парень, «гроза района». Я же чувствовала над ним свое превосходство. Я была уверенна в том, что такой парень меня точно не бросит, потому, что он искренне меня любит, ведь я объективно «лучше» его со всех сторон. А оказаться брошенной, я боялась больше всего на свете, хотя и твердо знала, что переживу, имея перед глазами пример матери.

В этот же период за мной ухаживал двадцатипятилетний красавец из органов. Молодой и подающий надежды офицер. Жили мы друг от друга далеко. Офицер работал (служил). Поэтому встречаться мы могли только по воскресеньям. Он приглашал меня гулять не по району и подъездам, а в кафе и по центру города, в театры. Он мне по-настоящему нравился. Держался он от меня на расстоянии и не брал даже за руку. Он говорил мне, что готов ждать моего совершеннолетия, если я дам ему обещание выйти за него замуж. Казалось бы, что еще нужно? Я поделилась этим с мамой, на что она мне как-то брезгливо сказала, что, мол, держи карман шире, что он будет тебя ждать, днем он с тобой за ручку держится, а вечером по бабам яйца чесать пойдет. Я очень расстроилась. Я и так чувствовала себя с ним не очень уверенно. Я видела, что он, красив, умен и при деньгах, на него заглядываются девушки.

— Зачем я ему? — думала я, — за что он будет меня любить?

Еще был молодой студент, будущий музыкант, который занимался со мной на фортепиано, он являлся студентом моего основного преподавателя по музыке. Ему стукнуло двадцать шесть. Он тоже вел себя крайне корректно. Но про него мама сказала, что зачем тебе нужен лимитчик и педофил, так как жил он в общежитии института.

— Конечно, — сказала она, — ему понравится такая красотка, да еще с маминой квартирой.

И она поговорила с моей учительницей, чтоб его отстранили от занятий со мной. Если убрать вопрос с квартирой, с точки зрения мамы она все-таки поступила верно в данном случае. Уж очень большая разница в возрасте между нами.

Были и другие поклонники, но это не предмет данной книги.

В отличие от сестры я не умела «работать на два или три фронта», я чувствовала себя обязанной отвечать привязанностью,

несмотря на абсолютно платонические отношения со всеми поклонниками, в то время. Мне казалось так романтично, любить портрет женщины годами и падать в обмороки при одном только ее взгляде, как описывалось в моих любимых книгах. Теоретически я понимала, что имею право сделать выбор между кандидатами, но практически я не могла этого реализовать.

Мой будущий муж, в отличие от остальных претендентов, жил близко, и после возвращения из армии учился в ПТУ (профессионально-техническое училище) где-то в нашем же районе. Он мог встретить меня со школы, проводить в школу и так далее, то есть все время был у меня перед глазами, что само по себе являлось немым укором для меня — девушки абсолютно не адекватно воспринимающей отношения между мужчиной и женщиной. Его привязанность ко мне словно накладывала на меня ответственность за его судьбу. В общении с будущим мужем я всячески показывала свое превосходство. Я могла при друзьях назвать его дураком, идиотом, дать пощечину. Он терпел. Замуж я за него не собиралась, и уже тяготилась его вниманием.

Как-то его увидела моя мама. Ее красавица и умница дочка встречается, как она говорила, «с быдлом»?! Уверенная в неотразимости собственных аргументов, она позвала его на балкон «покурить», где провела внушение на предмет последствий возможности близких отношений, с улыбкой пообещав все, вплоть до «посадки» в тюрьму; мама посчитала, что этого будет достаточно, чтобы отвадить его навсегда. Еще, посчитав, что его фамилия похожа на еврейскую, мама настояла, чтобы я проверила паспорт его отца. Что мне и пришлось по-тихому сделать. В то время в паспортах указывали национальность, в паспорте отца моего парня значилось, что он русский. Этот факт немного смягчил мою маму.

Через какое-то время я все-таки решилась его бросить. Я очень переживала, что поступаю не так, как положено возвышенным героиням книг и делаю человеку больно. Обсудить эти проблемы мне было не с кем. Мы расстались, а он тихо начал пить. Слава богу и по сей день мой первый муж так и не спился. А тогда, я невольно вспоминала отца, ведь именно за пьянство я его так ненавидела. Именно за то, что он начал пить (и только из-за этого, как мне тогда казалось), отец бросил нас и маму. Все вокруг говорили, что парень запил из-за меня. И, видимо, сопьется, если так пойдет дальше. Я не выдержала «давления совести и людей», и мы «помирились». Плюс, он не стремился к платоническим отношениям и этим тоже «привязал» меня к себе.

Я почти сразу же забеременела. А еще не закончен и десятый

класс. Я скрываю это и хожу на подготовительные курсы в институт. Денег на аборт нет, да к тому же еще я — несовершеннолетняя. Мы покупаем какие-то уколы, делаем их у него дома, пытаясь вызвать выкидыш. Не выходит. В итоге, когда деньги нашлись, едем к врачу, но уже поздно, почти три месяца истекли. Вывод звучит как приговор. Ну что ж, надо говорить маме.

БЕРЕМЕННОСТЬ, СВАДЬБА, РАЗВОД

О беременности я сначала решилась рассказать сестре. Сестра, как любая девчонка, обрадовалась тайне и пообещала мне всячески помогать.

— А у меня были мысли на этот счет, но я и подумать боялась, так как очень уж ты правильная, — подначивала сестра.

— Почему? С какого перепуга ты могла так подумать? — переспросила я.

— Ну, у тебя появился животик, — начала сестра.

— Нет у меня никакого живота, — огрызнулась я.

— Ну да, вообще нет, но раньше-то он у тебя внутрь проваливался, а сейчас чуть-чуть даже выпирает, — объясняла она.

— Да? — я расстроилась.

И девчонки в классе замучили цеплять:

— Откуда живот, ты что беременная?!

— Как-матери-то сказать? Ужас! Что будет? — и я заплакала.

Сестра меня успокаивала и планировала, куда бы поставить кроватку. Замуж я не хотела.

Утром за завтраком я во всем призналась маме. Начался ад. Мама кричала и плакала, что вполне понятно в данной ситуации, и было мною вполне ожидаемо. Я и сестра, как могли, ее утешали.

Сейчас, сама, будучи матерью взрослой дочери, я прекрасно понимаю ее шок. Шок был, конечно, у всех, кто меня знал. Девчонки мне говорили, что в своих разговорах «о мальчиках» и «поцелуйчиках» меня даже не упоминали, такая незыблемая была у меня репутация. А в тихом омуте, как известно, черти водятся. Но я бы, как мама, увидев, что дочка встречается и тем более, со взрослым парнем, поговорила бы с ней, как минимум, о контрацепции, а не пугала бы влюбленного парня тюрьмой. Что я и сделала, когда подобный период начался в жизни моей дочери. Я с ней разговаривала. Или маме следовало, по выражению бабушки Зины, «ложиться костьми между нами», то есть жестко контролировать ситуацию, разговаривать, объяснять, внушать, наказывать, в конце-то концов! Мама решила, что я смогу все урегулировать сама. Я не смогла. Результат — беременность. Конечно я не виню в этом маму, я рассуждаю.

Мама на мое признание сказала, что ей нужно подумать, а я «от греха подальше» пошла прогуляться, пока все уляжется.

Придя домой к вечеру, я встретила маму в компании двух ее подруг, они выпивали. Мама позвала меня в комнату, где они

сидели, и пьяным голосом вальяжно заявила, показывая на меня пальцем:

— Вот посмотрите на нее, нашлялась. — И следующий вопрос ко мне: И чего ты ноги раздвигала? Проституткам и тем платят, а ты забесплатно? Дешевка!

Я расплакалась и убежала на улицу. Меня нашла сестра и уговорила вернуться домой.

На следующий день мама поставила мне условие, что я должна переехать к отцу ребенка. Я растерялась. Мы еще ничего не обсуждали с его родителями, а они деревенские и старых взглядов, да их и дома сейчас нет, они в отпуске. Может надо с ними сначала поговорить? Мама ни с кем и ни о чем разговаривать не хотела. Велела мне собирать сумку и идти жить туда, где «натрахалась». Я стала звонить отцу ребенка. Спасибо ему, он пришел и забрал меня.

Я ничего не понимала. Если он так не нравится моей матери, зачем она меня к нему отправляет, но выбора не было. Родители жениха меня так и не приняли, в первую очередь из-за того, что я бесцеремонно заселилась в их квартиру, как считали они. Началась подготовка к свадьбе. Я вспоминаю это время как кромешный ад. Я в доме у озлобленных на мое самовольство отца и мачехи моего парня чувствовала себя, мягко говоря, не комфортно. Будущего мужа мои навыки хозяйки вполне устраивали, а вот у его отца оказались совсем иные требования. В доме нуждались в работящей деревенской дивчине, а не в пианистке, постоянно читающей книги. Слава богу, что муж защищал меня со всех сторон, от своих родителей и от моей мамы. Потому что моя мама, отправив меня к нему жить, ежедневно задавала мне вопросы на тему, ну как мне там с этим «быдлом и козлом», нравится, еще не тошнит, о такой ли жизни я мечтала, что сегодня делал твой «козел» и прочее, и прочее…? Родители жениха не могли не чувствовать и не понимать такого отношения моей мамы к ним и к их сыну, и они отвечали мне взаимностью. Была ситуация, когда отец жениха крепко выпил, а выпивал он после получки, после аванса… и каждую пятницу, и высказал мне свое недовольство тем, что я, сидя на кухне, читаю книги, которые мне следовало бы закончить читать в школе, тогда было время для книг, а сейчас мой долг заниматься хозяйством и мужем. Я ответила, что книги всегда уместно читать, а он мне еще что-то сказал уже более резко и с матерком.

За ответом я в карман не полезла и произнесла:

— Не смейте со мной разговаривать в таком тоне!

И тут мой будущий свекр схватил лежащий на столе

кухонный тесак и, обматерив меня, произнес:

— Я еще буду терпеть эту сучку у себя дома?!

И пошел на меня с ножом!.. Я — беременная каким-то чудом увернулась и заперлась в нашей комнате, со страху загородив дверь тяжеленым шкафом. Как я его сдвинула с места, сейчас ума не приложу. Правда, отец мужа, сделав круг по кухоньке, дальше за мной не гнался, но я сильно испугалась. Вот в таких условиях мне предстояло жить, конечно, по собственной дурости, но мама об этом знала и не забрала меня.

Родители жениха — люди не богатые хотели сыграть свадьбу, как тогда было заведено у большинства людей — дома, пригласив максимальное количество родственников. Мама сказала, что в этот «колхоз» не пойдет и кормить всю эту «шоблу» не собирается. Не знаю других подробностей, только в итоге мама сыграла нам хорошую по тем временам свадьбу с ужином в ресторане. Мама подарила мне свое золотое обручальное колечко от последнего брака, платье мне подарила мамина подруга, а туфли дала подружка-одноклассница, машины арендовал муж. Со стороны жениха родственников на свадьбе не было, а жить мне предстояло с ними.

Будучи беременной, я не помню ни одного дня (!), когда бы мама не довела меня до слез. Но я для себя решила, что раз я вышла замуж и собираюсь родить, то останусь жить, с человеком, который меня любит до старости. Но мама решила иначе. И после родов она, опять же, каждый день звонила мне с уговорами уйти от мужа.

— Штамп есть, ребенок законный, — говорила она, — и хватит. Он тебе не пара.

У меня уже с четырех месяцев беременности стояла угроза выкидыша. Где-то в пять месяцев мы расписались, месяц прожили вместе, и я попала на сохранение, где и оставалась до самых родов. Из роддома я каждый день звонила маме и мужу. И каждый день разговор с мамой сводился к моему «козлу», который, как она меня уверяла: пьет, гуляет и нашел себе уже с десяток таких «Ленок». Эти разговоры, да еще нахождение среди чужих людей в общей палате на десять человек доводило меня до полной апатии. Дочка родилась с варусными стопами, нарушением рефлексов, гипертонусом. Районный врач-невропатолог сказала, что гарантий того, что дочка заговорит и пойдет, у нее нет.

Муж помогал мне по дому и с ребенком, старался выполнить все мои прихоти, конечно, по мере финансовой возможности. А финансовые возможности крайне ограниченны. Мы жили впроголодь, тем более что шел девяностый год, а продукты тогда

и вовсе продавали по талонам. Я вспомнила полуголодное детство. Я брала яблоко, срезала шкурку и съедала ее, а ребенку терла пюре, себе яблоко я позволить не могла. Я получала в ЖЭКе гуманитарную помощь, и мы распределяли еду на порции, чтобы дотянуть до зарплаты мужа, устроившегося помощником автослесаря.

Мама же в то время руководила «Столом заказов». Это такое подразделение, откуда распределялись дефицитные продукты. Продукты она нам приносила, но деньги брала все до копейки, мотивируя это тем, что не намерена кормить моего «козла». Но меня поражает не вопрос оплаты, действительно, женился, умей сам содержать свою семью, а то, с каким хамством все это происходило. Муж ездил встречать ее с работы и помогал нести сумки.

Однажды я сняла параллельный телефон и услышала в нем, как мама кроет моего мужа «трехэтажным» матом. Звучало примерно так:

— Ну что, дебил, #мат#, сегодня в шесть, #мат#. И не опаздывай, #мат#.

Я была в шоке. Муж никогда мне ничего об этом не говорил. Потом я спросила у него и оказалось, что это ежедневная процедура. Мама объясняла мне свой поступок тем, что любые способы хороши, лишь бы нас развести.

Мы с мужем и ребенком жили в десятиметровой комнате. Из мебели у нас стояли кроватка, диван, сервант-секретер и шкаф. Маме казалось, что в комнате неуютно. И она распорядилась мебель переставить.

— В следующий раз, когда я приду, чтоб шкаф стоял там, — заявила она.

Я не хотела перестановки. Мы обсудили это с мужем, его тоже все устраивало. И я решила оставить все, как есть. накануне следующего прихода мамы, я не спала всю ночь. Мама входит и с порога задает вопрос:

— Ну что, переставила, ведь так лучше?

На что я первый раз в жизни сказала ей, что у меня другое мнение, и мы решили оставить все, как есть. На мамином лице пронеслась такая гамма чувств, которую я не берусь описать.

Но ответила она спокойно:

— Хорошо.

Скандал она мне устроила к вечеру по телефону. Основанием для скандала стало что-то другое, но разговор как-то сам собой «сполз» к шкафу.

Родился ребенок и встал вопрос прописки. Я и сестра, естественно, были прописаны в двушке у мамы, муж у своих

родителей. Ребенка по закону можно прописать или к матери, или к отцу. Мы решили прописывать дочку к отцу, моему мужу, в их двухкомнатную квартиру, в которой были прописаны двое, отец мужа и сам муж. Сходили в ЖЭК, сдали документы. Раздается звонок:

— Ну что с пропиской? — звучит металлический голос мамы на том конце провода.

— Прописываем к отцу, — отвечаю я.

— Ты что? Он будет с тобой разводиться… и отсудит у тебя ребенка. Ты не работаешь. Ты не знаешь этого «козла», — посыпались заявления мамы.

— Мама, мы только поженились, какой суд, о чем ты? Пусть у ребенка хоть будет надежда на жилплощадь, — говорила я.

— Ты можешь быть идиоткой и распоряжаться своей жизнью, как знаешь, а я не позволю отобрать у тебя дочь. Собирайся, иди в ЖЭК, забирай документы, — орала она.

— Я не пойду, — уперлась я.

— Ну, тогда пойду я, — отрезала мама.

— Пожалуйста, — огрызнулась я в полной уверенности, что документы ей никто не выдаст, не положено. И что вы думаете? Через полтора часа мама кидала мне эти документы в лицо, говоря, что она спасла мне ребенка. Что она там устроила, чтобы ей все же выдали документы, я боюсь и представить. Единственно, сразу за ее приходом мне позвонили из паспортного стола и дрожащим не то от злости, не то от расстройства голосом спросили, донесли ли эти документы до меня.

В девятнадцать лет, когда дочке исполнилось два года и два месяца, я по договоренности с заведующей отдала ее в хороший садик к моей подруге, работавшей воспитателем, в старшую группу к шестилетним детям, а сама пошла на учебу на главного бухгалтера. Так как, открыв газету и посмотрев раздел «Требуются», я увидела, что на тот момент это самая востребованная профессия. В стране начиналась эпоха «дикого предпринимательства». Для меня сбылись, словно пророчество, слова бабушки — мамы моего отца.

Еще до окончания учебы я начала подрабатывать «нулевыми балансами», то есть я заполняла реквизиты в пустых налоговых отчетах для новоявленных бизнесменов. Меня часто обманывали и не платили, но я вновь и вновь искала новые заказы. Где-то через год после того как сделала такой баланс и тем самым проявила свою компетентность, я устроилась к ухажеру подруги моей сестры в небольшую фирму с иностранным капиталом, состоящую из пяти сотрудников. Как только я начала работать, с мужем начались бесконечные ссоры. Самым главным, как я

думаю, стал тот факт, что на первом же постоянном месте работы мой заработок главного бухгалтера, пусть не намного, но был выше, чем у мужа, автослесаря на государственном предприятии. Смешно вспомнить, ровно сто долларов и это было больше, чем у мужа! Ему не нравилось, что водитель подвозит меня домой, не нравилось, что первым по дороге он высаживает шефа, а меня привозит где-то минут на двадцать позже, чем если бы я приехала на метро, но сама. Такова была официальная версия. Довольно быстро отношения стали портится, да я, честно говоря, увидела, что есть и другая жизнь. Мой шеф, например, говорил на пяти языках. А мой муж, к сожалению, на одном русском и то плохо.

Из-за давления матери или сами по себе, но в итоге, прожив около трех лет, мы «разбежались». Ушла я. Вернулась я, конечно же, по месту прописки, к своей маме, потому что зарабатывала я тогда «копейки». Да и кто сдаст жилплощадь сопливой «одиночке» с маленьким ребенком?

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Как я писала выше, постепенно я научилась говорить маме «нет». Дома начались ежедневные скандалы. Мама стала недовольна всем. Она потеряла над нами абсолютную власть, как только мы с сестрой повыходили замуж. В этот кошмарный период моей жизни, наполненный унынием и безысходностью, я часто молча соглашалась со всеми обвинениями в свой адрес, лишь бы лишний раз не травмировать трехлетнюю дочку. Я бралась за любую работу и подработку и придя уставшая с работы, я мечтала об одном, только бы немного тишины… Но мой усталый вид и просьбы редко останавливали маму, и я вместе с ребенком выслушивала рассказ о том, как тяжело я ей досталась и сколько сил на меня угроблено, а вот тогда-то я ей так-то сказала, то-то плохо сделала, так-то на нее посмотрела и даже то-то о ней подумала. Каждый раз, как под копирку, вспоминались все мало-мальски значимые в глазах мамы обиды, когда-либо ей мною, якобы нанесенные.

На мою голову сыпались угрозы:

— Подожди, твоя дочка повзрослеет и покажет тебе!

Я делала попытку молча уйти в комнату, она шла за мной, я в ванную — мама за мной, и пока не добьется от меня реакции, остановиться не может. Очень часто моя маленькая дочь — дошколенок, призывалась в арбитры этих скандалов. Моя мама любила поинтересоваться у испуганной внучки:

— С кем ты, Катенька, согласна? Со мной — любящей тебя бабушкой или с этой «гадиной» — твоей матерью?

Дочке моей досталось особенно, потому что горячо любимый дочерью отец, по словам моей мамы, был исключительно «козлом» и «уродом», а я через день называлась то «гадиной», то «овцой». И ребенку нужно было как-то во всем этом хаосе выживать и со всеми сохранять хорошие отношения.

Несмотря на протесты бабушки — моей мамы, я разрешала дочери видеться с отцом в любое время. Устраивала совместные походы в цирк, театр, чтобы ребенок знал, что отец ее любит. Алименты муж платить отказался, пригрозив, что оторвет голову, если я подам исковое заявление о взыскании. И я не подавала.

Мы с мамой жили в одной квартире, и часто ссорились, а во время ссор она мне принципиально не помогала ухаживать за ребенком.

— Сама нарожала, сама и выкручивайся, — кричала она. — Я вас двоих вырастила… и ничего!

С работы я приходила поздно, и дочка, почти всегда, в садике

оставалась последняя, а то и у воспитательницы дома. Но мама дочку не забирала, хотя часто в это время находилась дома. Как-то я заболела. Температура поднялась до тридцати девяти и девять, на улице — зима, мама знала, что я больна. Чтоб не заразить ребенка, я повела ее в сад, мама помощь не предложила, мы же были в ссоре, я помощь не попросила по той же причине. Как я дошла и как вернулась, до сих пор не пойму, чувствовала я себя как «в космосе». Так мы и жили с мамой, вместе и врозь одновременно.

ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНО ОТ МАМЫ

В двадцать четыре года меня, как трудолюбивого грамотного сотрудника, мой начальник, переходя в крупнейшую коммерческую структуру, позвал с собой. Причиной этому, как я думаю, послужило то, что многие из его обязанностей на самом деле выполняла я, а он тем временем успевал подрабатывать на стороне. Конечно, он не хотел отказываться от такого удобства, везде нужны рабочие лошадки и тем самым мне повезло, стартовала моя карьера. Уже в двадцать шесть лет, получив льготный заем, за профессиональные заслуги перед организацией в которой я работала, я купила себе однокомнатную квартиру. Сестра к тому времени тоже жила отдельно, она вышла замуж. Наконец, мы разъехались. В этот год, я почувствовала, что живу, а не существую от скандала к скандалу.

Я стала нанимать дочке нянь. Няня гуляла с ребенком, кормила его приготовленной едой или разогревала полуфабрикаты, делала уроки и следила, чтобы ребенок был ухожен, наглажен, со всеми пуговицами, без пятен и тому подобное.

Однажды мама сказала:

— Как ты платишь такие деньги посторонним людям, а я горбачусь на дядю? Плати мне, и я буду сидеть с внучкой.

Пришлось согласиться, мама все-таки. И вот мама оставила очередную работу и за оговоренную сумму, которая должна была быть не меньше, чем бы она получала, работая в магазине, стала приходить ко мне. Но она же не няня и не домработница! Она любит покушать и будет кушать то, что она любит. Она не обязана пришивать оторвавшиеся пуговицы или гладить белье, на это у ребенка есть мать. И, как выяснилось, она мало что смыслит в уроках.

— Ничего страшного! — привожу слова моей мамы. — Внучка захочет, сама все сделает. Вот я над вами не сидела, вы все у меня сами делали, — гордо заявляла она.

Так прошел учебный год. Я, конечно, попыталась с ней поговорить, объяснить, что мне нужен профессионал, с которого я смогу спросить. Обиде не было конца. Мама ушла, хлопнув дверью, страшно крича и проклиная нас с дочерью. Но я стала взрослая, руководила коллективом, и меня уже не так сильно, как раньше, расстраивала реакция мамы. В итоге между нами был побит рекорд по длительности ссоры — полгода «молчанки». Мы не общались. При виде меня или даже внучки она переходила

на другую сторону.

С тех пор, на истерики и обвинения матери в свой адрес я стала реагировать не заискивающими извинениями, а более-менее спокойно, как взрослый человек, давая ей и себе право оставаться при своем мнении.

Я предлагала:

— Хорошо, мама, давай договоримся, что ты по-своему права. Но прошу, давай не будем из-за этого спорить, а тем более ругаться, пускай у тебя будет свое мнение, а у меня свое, договорились?

Я считала, что подобная договоренность никак не должна влиять на родственные отношения между нами, а уж тем более на отношения между маленьким ребенком — моей дочерью и ее бабушкой, но мама думала иначе.

И теперь скандалы всегда заканчивались не только проклятиями, но и «отлучением от материнского дома» со сдачей ключей. Длилось это состояние «холодной войны» обычно не больше трех-четырех дней с таким же перерывом на хрупкий мир.

Из-за ссор с мамой нас с сестрой постоянно преследовало чувство вины. Ведь ссоры не заканчивались для нас простой остановкой маминого крика, а мы тратили на них огромную часть нашей жизни. Мы бесконечно обсуждали, кто прав, кто виноват, кто, что, как и кому сказал, проводили анализы ситуаций, обвиняя порой друг друга и пытаясь найти корень зла.

— Ведь у мамы, кроме нас, никого нет, — переживали мы, — и вырастила она нас одна.

После ссоры, дав себе в очередной раз зарок, что все, с меня хватит, день продержишься, не общаешься, ну другой, а потом, как обычно, все равно сдаешься, ведь мы переживали за нее.

— Мама есть мама, — думали мы.

И прощали, робко надеясь, что будет лучше. Но все начиналось сначала — замкнутый круг.

Потом снова было недолгое перемирие, мама нашла новую работу, она плавала на речном кораблике, у нее появилась масса новых знакомых и впечатлений, поднялось настроение, около двух месяцев все шло отлично, пока и на этой работе к ней не отнеслись предвзято. С проклятиями уволилась она и оттуда. Все пошло по-старому.

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПИСЬМА

В череде этих скандалов было письмо про «еврейских ублюдков», о котором я писала выше. Пиком наших взаимоотношений я считаю именно его. Мы решили с сестрой ничего не предпринимать, а дождаться возвращения нашей мамы из поездки.

Вернулась она абсолютно счастливой и… с новой шубой. Нас так обрадовало это обстоятельство, мы так обрадовались ее перемене и… отсутствию скандалов, что трусливо промолчали и в тот раз. Вознаграждены мы были тем, что где-то с месяц стояла тишь и благодать. Потом все вернулось на круги своя.

Мама так и не пошла на постоянную работу. Она работала месяц или два, а потом столько же сидела дома. Мы с сестрой помогали.

В очередной скандал мама потребовала разделить лицевой счет, так как не хотела иметь со мной ничего общего. На тот момент в квартире оставались прописанными она, я и моя дочь. Сестра каким-то чудом одна из последних в нашей стране получила квартиру от работы, предоставив документы о том, что проживает в двухкомнатной квартире впятером, что у нас с ней разнополые дети и что она мать, которая растит ребенка одна и ребенка больного заболеванием крови. Да, к сожалению, наше заболевание крови по наследству передалось нашим старшим детям. Раздел квартиры на две части: большую комнату с балконом — маме, а мне с дочкой — маленькую послужил началом моей полноценной взрослой жизни, так как в итоге привел к приватизации квартиры, а потом и к ее размену на однокомнатную для мамы и денег для меня. Занималась приватизацией полностью я. У мамы неожиданно начало болеть сердце.

Очереди везде огромные. Вот мы приехали в паспортный стол. Конечно, внутри полно народу и душно. Но все стоят. Вдруг мама начинает хвататься за сердце и всячески демонстрировать, что ей плохо. У меня один вариант — вызвать бригаду «Скорой помощи». Приезжает «скорая». Меряет маме давление, делает еще чего-то… и ничего не находит. Возмущенная мама вылетает из машины ругаясь, что она при смерти, а ей ничего не сделали. Я иду к врачу, даю ему денег и прошу помочь маме, на что он отвечает, что может уколоть моей маме только физраствор. Я соглашаюсь. Мама возвращается в «скорую» и, естественно, после укола чувствует себя значительно лучше. Получив справки в паспортном столе, мы едем дальше. Уже не помню, куда я

пошла, но мама сказала, что устала и подождет в машине. Она сидела на переднем сиденье с открытым окном. Я машинально щелкнула замком машины и вышла. Вернулась я через пятнадцать минут и застала маму у машины снаружи. Даже боюсь представить, как это выглядело, оказалось, что она опять почувствовала себя плохо и вылезла наружу через открытое стекло. Дверь машины помята. Мама снова держалась за сердце.

Меня она встретила словами:

— Где ты шляешься? Я чуть не задохнулась, — и прочее, и прочее…

Потом была больница, куда мы все-таки положили маму на обследование сердца. Я после работы, чередуясь с сестрой через день, ездила ее навещать. Приехав, я опять услышала, что ее не лечат, что врачи ужасные и так далее. Я пошла к врачу. Врач — очень ухоженная, приятной внешности женщина средних лет. Я спросила, как дела у мамы и нельзя ли ей сделать то-то и то-то, что делают и другим пациентам из ее палаты.

Врач пристально посмотрела на меня и сказала дословно:

— Ну вот смотрю я на вас, вы-то вроде нормальная. Какие исследования?! Да на ней пахать можно! Вы меня понимаете?

Я поняла, но, протянув деньги, попросила все же исследования провести. Врач сочувственно на меня посмотрела. После больницы мы стали искать варианты размена. Что не так-то просто, так как наша квартира располагалась на окраине города, малогабаритная, в девятиэтажном старом доме с облезлыми подъездами, с продуктовым магазином на первом этаже — рассадником тараканов и мышей, и с окнами на дорогу, по которой, помимо машин и автобусов, с жутким грохотом ездили еще и трамваи. Мама никуда не хотела ездить, ничего не хотела выбирать. Все полностью делали мы с сестрой. Мы ее привозили, отвозили — все. От нее требовалось, только поставить подпись.

— Я дала свое согласие, этого достаточно, — утверждала мама, — дальше сами ковыряйтесь как знаете.

В результате мы выбрали ей «ужасную» квартиру в новом доме, с девятиметровой кухней, приличных размеров комнатой, раздельным санузлом, в чистом подъезде, украшенном живыми цветами, с балконом и с хорошим на тот момент ремонтом, рядом с церковью и лесопарком, и в двух автобусных остановках от сестры, так как понимали, что за мамой когда-никогда, а ухаживать придется. А я при продаже двушки забрала под страшные мамины проклятия половину рыночной стоимости нашей с дочкой комнаты, остальная часть осталась маме в цене однокомнатной квартиры. Мама считала, что доставшаяся нам

троим от государства и родителей нашего отца-«еврея» квартира, принадлежит только ей, и эти деньги собиралась «проесть», я не согласилась. На тот момент мне не хватало денег, для обмена своей однокомнатной квартиры на двухкомнатную, а я собиралась замуж и хотела, чтобы у моего ребенка была своя отдельная комната.

Этот переезд поставил точку в моей детской болезненной зависимости от мамы, сведя общение с ней к минимуму.

ВТОРОЕ ЗАМУЖЕСТВО

Второе развернутое письмо мама написала мне, когда я уже жила со вторым мужем и родила второго ребенка. Письмо она бросила в наш почтовый ящик. Я отказывалась его брать. Второй мой муж, как и муж сестры, также абсолютно не нравился моей маме. Она позволяла себе резко высказываться на этот счет при моей дочери. Я, надо сказать, тоже вела себя неправильно. Под давлением воспитания и постоянных негативных высказываний моей матери я считала, что меня и моего ребенка любить просто обязаны, и очень жестко регламентировала взаимоотношения между вторым мужем и дочерью от первого брака. Я требовала, именно требовала, чтобы мой гражданский муж любил моего ребенка, но при этом никоим образом не влезал в воспитательный процесс и, помогал в образовательном. Поэтому муж, по моему настоянию, но вопреки желанию моей дочери, часами занимался с ней уроками. Ребенок естественно противился тому, что какой-то дядя, за которого мама, в том числе по настоянию ее бабушки, даже официально не вышла замуж, требует с нее похлеще родной матери. А почему бы мне самой не заняться с ребенком? А я по секрету от дочери в школьной программе по многим предметам абсолютный профан, о чем несложно догадаться по моим нечастым посещениям собственной школы.

— Это мой ребенок, — резко заявляла я, — и я буду решать, как его воспитывать. Точка! Я безапелляционно заявляла это при дочери, что никак не поднимало авторитет моего второго мужа в ее глазах. И, как следствие, не способствовало выстраиванию отношений между ними. О чем я сейчас очень сожалею. Конечно, и со стороны мужа были промахи, но сейчас, когда мы вместе воспитываем общего сына, я понимаю, что от родного отца ребенок многое воспринимает как должное, а от чужого человека, тем более появившегося внезапно, да еще и противоположного пола, и практически в переходном подростковом возрасте — все то же самое воспринимается гораздо острее. К тому же у моей дочери всегда был ее собственный любимый папа, который с нее ничего не требовал, абсолютно ничего. Но в то время я не умела этого понять. Я вспоминаю, как много и жестко я ставила ультиматумов моему гражданскому мужу, и считала именно эту модель поведения нормальной.

Да, а что же мама написала в письме? Письмо мне удалось сохранить. Речь в нем идет о моем втором муже, он иногородний, к тому времени у нас уже родился сын. Хочу добавить, что мой

муж никогда не говорил ничего плохого ни о ком из моих родственников.

Надпись на конверте гласит «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (мат. 12:25)»

Привожу письмо в оригинале (пунктуация моей мамы):

«Лена! Поскольку ты не даешь мне возможности открыть рот и поговорить с тобой, я вынуждена объясняться с тобой письменно. Начистоту. А ситуация складывается непростая. Логически, он [мой муж — прим. автора] поступает правильно и упорно, и терпеливо идет к своей цели. Не зря говорят — дьявол скрывается в деталях. «Но твои (Лена) глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти» (Иер.22:17) и потому ты не видишь явного. А он идет от ума, холодно и расчетливо. Он бьет тебя твоим же оружием. У тебя плохая мама? Мы найдем ей замену, хорошую, свою, с огурчиками [мама моего мужа иногда привозила нам соления — прим. автора]! Она сторицей их окупила. Все время, представляя в черных тонах твою собственную дочь (ты позволила это), сделал ее падчерицей твоей. Когда он начинал, он понял, что тебя можно доить и сделать своим якорем, а теперь и то, что все можно прибрать к своим рукам. Он никогда не питал к тебе нежных чувств, не говоря о любви, он приспосабливался. Ему нужен был наш город, квартира, работа. Все это ты ему дала. Но это еще не совсем его. И это его не устраивает, он же не молодеет. Итак, дочь почти в стороне, подруги тоже. Дальше он забросил пробный камень по отношению к Ирине и меня на крестинах. Прошло. И на дне рождения сына он пошел ва-банк. Расчет прост: мы оскорбимся, остальное дело техники. Теперь ты, Слава Богу, одна. На наше место придут его родственники. Своих он не отметает, даже альбом с дедами и прадедами хранит. Чтит. Маме звонит каждый день, и она, как более опытный человек, (теперь она знает все твои слабые стороны) дает ему советы, как лучше загнать тебя в угол. Я ведь видела ее смс, и когда она заметила, что я ее читаю, покраснев, тут же сбросила ее, сказав, что линия перегружена, потом отправит. Так что обработка станет более интенсивной. Главное соблюдать осторожность, чтоб не спугнуть. «Они умны на зло, но доброго делать не умеют» (Иер.4:22). Он потратил столько лет на тебя не для того, чтоб отступать. Тебе кажется, что ты используешь его, нет, ты обессиливаешь себя. Он ищет способ, а может даже и знает, как избавить тебя от непосильной ноши (движимой и недвижимой). И в этом ему поможет сын, он понял это позднее. Ты можешь уверять кого угодно и сколько угодно, как он хорош. Себе не лги. И не считай

себя самой умной. Помни: «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самим собою. И падет величие человека, и высокое людское унизится». (Ис. 5:21). Будь настороже. С твоей астмой, болячками, отрезанностью от всех, ты очень уязвима, от тебя легко избавиться. Можно и в дурдом отправить, депрессию полечить. Да мало ли что, главное доказать (а лучше и не доказывать) твою неадекватность и недееспособность. Он официальный отец ребенка, имеет право оформить себя его опекуном и его имущество тоже. А там… будет видно. Воспитывать сына в любви к тебе не будут, ты тетя, которую, пока выгодно, терпят. Твои неприятности на работе начались тоже с его приходом туда. Жопу, когда нужно, он лижет хорошо. Это я заметила. Сам по себе он глубоко мне безразличен. Меня волнует судьба моих внуков и твоя. Так что твой «первый» [муж — прим. автора] был ангел супротив него. Взвесь все. Открой глаза. Отрезвись. Он проглотит тебя, проглотит и не поморщится. Я не предлагаю тебе никаких решений. Но думаю, что боязнь одиночества и его вылизывания для тебя время от времени не такой уже мощный фактор, чтобы платить за него дорогой ценой.

Помни, что лучших друзей, чем мама, сестра, дочь у тебя не будет. Не отрезай себе пути к отходу. Не укорачивай мне жизнь, ты достаточно сделала для этого. Лучше любить меня живую, чем мертвую, и здоровую, чем больную.

Очнись. И да поможет тебе Бог. Молись.

С искренним беспокойством о тебе, мама».

К этому письму я прислушиваться не стала. На тот момент мне исполнилось тридцать пять лет.

Я почувствовала себя взрослой не только для того, чтобы нести ответственность, но и совершать ошибки, делая собственный выбор. Я почти освободилась от чувства вины перед матерью.

Удивительно, что сейчас мама нахваливает моего второго мужа при каждом звонке и называет его исключительно уменьшительно-ласкательными именами.

МАМИНА ИСТОРИЯ ЕЕ СЛОВАМИ

Мама родилась в первые послевоенные годы. Она была вторым ребенком в семье, старший брат на пять лет ее старше. До шести лет мама жила в детском доме. Как мама рассказывает сама о себе, она всегда была принципиальным ребенком. Про детдом мама отзывается крайне тепло. Особенно с любовью вспоминает она няню, которая, единственная, кто могла найти к ней подход и справиться с ее самовольным характером.

Недавно я вновь спросила ее, что она думает про свое детство, про свои отношения с мамой.

И вот, как мама рассказывает мне свою историю:

«Я родилась в детдоме и до шести лет была там. Какая мама? О чем и о ком ты говоришь? В детдоме у меня была няня, и когда не могли со мной договориться, то посылали к ней.

Я к ней приходила, и она всегда так тихонько просила меня:

— Возьми свою лавочку и садись.

Я садилась на лавочку, клала голову няне на колени, и она начинала гладить меня по голове.

— Что случилось, Верочка, — спрашивала меня няня, — я тебя слушаю, рассказывай.

И я ей рассказывала ситуацию, с чем и почему я была не согласна. Няня меня внимательно слушала и никогда не перебивала.

А потом спокойно и ласково говорила мне:

— Верочка, а ты не думала, что может быть еще так-то или так-то можно поступить?

Иногда я с ней соглашалась, но чаще нет.

И вот, когда я соглашалась, то вопрос решался сам собой, а когда нет, то няня говорила всегда одну и ту же фразу:

— Верочка, ну я прошу тебя, ангел мой, ну ради меня сделай это.

И тогда я вставала в обиженную позу, вскидывала руку с указательным пальцем и, грозя ей этим пальцем, говорила:

— Хорошо, но учти, что только ради тебя.

И конфликт был исчерпан. Я ее очень любила. Нас в детдоме не обижали, никаких матов или тем более издевательств я не помню. Жрать все время хотелось — это да, а так все нормально было.

И вот, помню, подзывает она меня, а я сразу неладное заподозрила, ведь обычно я к ней ходила, а в этот раз она меня подзывает и говорит:

— Знаешь, Вера, все дети ждут свою маму, мечтают, чтобы

мама нашлась, чтобы их забрали, а у тебя вот нашлась. И она такая умная, красивая. Она тебе очень понравится.

Но я не хотела никакую маму.

— Я тебя люблю, ты моя мама! Не отдавай меня, — ответила я.

— Верочка, ну что ты, успокойся. Это же мама, ты должна радоваться, она тебя родила, — говорила няня.

Я поняла, что выбора у меня нет и обиженно спросила у нее:

— А провожать-то хоть придешь?

— Конечно, Верочка! О чем ты говоришь?

Прошло еще какое-то время. Она позвала меня снова. На столе лежала целая горка из конфет, яблок, даже апельсинов, я была голодная, а тогда это были огромные богатства. Няня сказала, что это мне от мамы. Она так пристально на меня смотрела, подошла и погладила по голове.

— Возьми, Верочка, — сказала она.

— Мне ничего от нее не надо, — ответила я резко, и не притронулась ни к одной конфетке.

— Пожалуйста, возьми хоть что-то, — с мольбой, заглядывая мне в глаза, сказала мне няня.

Но я была непреклонна.

— Раз я сказала, что не возьму, значит, не возьму. Я своих решений не меняю, — ответила я ей в своей манере.

Сейчас я уверенна, что это няня мне те фрукты с конфетами купила, потому что я спрашивала у братьев про то, что приносила ли им в детдом мама что-нибудь, и они сказали, что ничего не приносила. Да и не похоже это на нее.

А провожать меня няня не пришла. Я за это на нее в большой обиде долго была. Это я сейчас понимаю, что правильно она сделала».

— Ну, конечно, мама, ты и няня, которая тебе заменила мать, расплакались бы, — заметила я.

— Что ты! Какие слезы, я сроду не плакала. Нет, просто вызывать ревность родной матери зачем? — опровергла мама мою догадку.

Маме было шесть лет, а она бы не плакала? Я не могу этого понять.

Мама продолжала рассказывать:

«До сих пор не пойму, зачем мать меня взяла из детдома, и ведь еще на чужую фамилию с отчеством записала. Конечно, Витькин отец (биологический отец брата моей мамы — прим. автора) — летчик-герой, он погиб, ей нужно было пособие получать, квартиру вернуть… «Лупила» она меня страшно. Сдала в интернат, и «лупила». Мальчишки дома жили, а меня девочку

забрала из детдома и в интернат сдала. Зачем из детдома-то забирала? Потом заберет меня из интерната на выходные и «лупит», пока руки не устанут. А я упертая, зубы стисну и молчу. Мать злится, орет, что «я тебя переломлю». Брат меня за молчанку Зойкой Космодемьянской звал. До сих пор не пойму, за что она меня так «лупила». Когда я стала постарше, причешусь там или подкрашусь, так мать налетит, как коршун, все взъерошит.

Говорит мне:

— Нечего прихорашиваться, и так хороша.

Я еще совсем маленькая от нее уже раза три или четыре убегала.

Помню, как она меня заперла, а я встала на подоконник, смотрю, идет какой-то мужик, и ору ему:

— Дяденька, снимите меня.

А дяденька:

— Ты что, девочка? Там же высоко, выйди по-нормальному.

А я говорю:

— Снимай или выпрыгну!

Мужик видит, что у меня глаза бешеные, я же сказала сделаю — значит, сделаю, и он снял, а я и рванула. Я вообще ни детства, ни юности не помню, не было их. Какое там детство?! Мать же меня еще в смерти брата обвиняла. Я ж из двойни.

Мать мне так всегда и говорила:

— Сучка упертая, ты ж еще в утробе брата своего удавила.

Я же первая родилась три кило с чем-то весом. Нормальный же ребенок по весу, врачи ей укол и сделали — матка сократилась. А у бабки второй ребенок пошел весом около двух с небольшим килограммов. Это мальчик был. Его так маткой и удушило. Так я всю жизнь у матери виновата, что брата в утробе обожрала. Ну, был у меня грех, могла я пачку майонеза выпить или, знаешь, гематоген жидкий был тогда, он у бабки под кроватью стоял. Так вот я залезу да пару ложек стащу, сладенький ведь. Или карманы хлебом набью, а вечером, когда ляжем спать, я и лежу, балдею и хлеб потихоньку сосу. Поэтому я его так и люблю.

А вы мне все, — обратилась ко мне мама: «Мать, кончай хлеб есть, кончай хлеб есть».

А она, бабка твоя, меня «лупить» за это. Чего она хотела добиться-то? Упрекала меня, что даже в тюрьме, где она сидела, на меня персонал плюнул. Все были дети как дети, к распорядку дня быстро привыкали, все по часам делали: тогда кормиться, тогда спать.

А про меня так говорила Зина (моя бабушка — прим. автора):

— А тебя, сучку, принесут мне кормить, а ты дрыхнешь. Я бывало положу тебя на пеленальник, и давай пеленкой лупить — будить, и нос тебе заткну, а тебе, скотине, хоть бы что!

«Так она обо мне отзывалась, обо мне, младенце» — возмущалась мама, пересказывая мне слова бабушки Зины.

А когда мне исполнилось где-то лет пятнадцать, Зина на меня с ремнем пошла, а я нож схватила со стола на кухне, прижала ручкой к животу, а лезвием наружу, чтоб вырвать нельзя было и подойти тоже, и говорю Зине:

— Еще раз тронешь, прирежу или тебя, или себя.

Хорошо, что старший брат вошел.

А вот кого бабушка любила, так это младшего брата. Помню, что-то мы у нее выпрашивали купить, а она нам со старшим братом и говорит:

— Можем купить, конечно, а можем братика из детдома забрать.

Ну мы, конечно, «братика забрать» сказали. Потом его отец приезжал к бабке, звал ее замуж, с тремя-то детьми, так не пошла. Вообще у нее от мужиков отбоя не было. Уж не знаю, что они в ней находили.

Потом, уже когда я в вагоне-ресторане работала, бабка Зина у меня все забирала:

— Я это у тебя возьму, это возьму.

Эх, Зойка ей тогда разгон дала. Стоим, Зойка мне и говорит:

— Смотри, девчонка какая красивая по перрону идет.

А я ей:

— Какая девчонка, это ж мать моя — Зина.

Ну Зойка ей и устроила:

— Ты чего ж, — говорит Зойка бабе Зине, — я только девку отмою, одену, а ты у нее все забираешь? Я ее одеваю, а ты раздеваешь! Совесть есть, мамаша?

Ну, в общем, мать в этот раз так до меня и не дошла. А потом Зина мне заявляет:

— Я с тобой жить буду!

— Нет, мамаша, вы со мной жить не будете — мой естественный ответ Зине.

Едет бабка к старшему брату, а к нему ей ехать далеко, и к нам «приперается» — передохнуть посреди дороги. Для нее у нас перевалочный пункт был. Ляжет на диван и лежит, молчит часами. А меня, прям, всю трясет. Чего приперлась?!

А как-то приехала, руки ко мне тянет:

— Давай, доченька, поцелуемся…

А на хрен она мне нужна? Я ее и за мать-то не считаю. Не то, что жить с ней!

Так она давай по двору за вами бегать: «Внученьки мои, внученьки!» — показушница.

— Знаешь, а она мне тут перед болезнью приснилась. Никогда не снится, а тут приснилась, скачет вокруг меня, в бубен какой-то бьет, причитает что-то. Вот и набила, видать! — заключила мама.

А когда вы подросли, бабка стала просить меня, чтобы я внучек ее любимых к ней отправила, прямо упрашивала меня. Ну, думаю, вам же нужен свежий воздух, и отправила. Да у вас с ней тоже контакта не получилось. А потом к старшему брату вас отправляла, помнишь? Я двенадцать часов отпашу и еду к нему с полными сумками, а он, скотина, собаку этими сосисками кормит. Я как увидела, меня аж затрясло.

А он:

— Работать надо.

— Кому-надо-то? Ты кого в работники записал? Сопливых больных девчонок?

— Тут как-то звонил мне братец, так я его послала. Ведь у него денег всегда много было, хоть бы, когда мне «копейкой» помог. Мне то с вами одной, ой, как тяжело.

Вон младшую сестру твою, когда в больницу положили, чего мне делать? В больнице мне говорят:

— Мамаша, оставайтесь, у нас все с детьми лежат.

А я одна с вами с двумя. А тебя мне куда деть? А кормить вас я чем буду? Дай бог здоровья Кузьмичу, до сих пор его добрым словом вспоминаю.

Он мне говорит:

— Ты, мол, до обеда в больнице будь, а в обед приходи, так как будто ты только с обеда, а я тебя прикрою.

И прикрывал, и долго, Ирина тогда ведь в больнице долго лежала. Хорошо со мной в палате еще одна женщина была. Я ей предложила, чтобы до обеда я за своей дочкой и за ее ребенком приглядывала, а потом она за двумя. Вот отсижу в больнице до обеда, потом на работу, потом за тобой в сад, ты вечно у меня последняя оставалась, помнишь? А ты по утрам бедная сидишь в любую погоду перед дверьми, ждешь, пока откроют… и вечером до темноты ждешь меня. А домой придем — еще дел куча, покормить, постирать, короче, ужас, и вспомнить страшно.

Напахалась я «В-о-о-о-о», — рукой показывает под горло, — так что, когда мне пятьдесят четыре стукнуло, я еле этот год до пенсии дождалась. Дали мне эти «копейки», вы меня спрашивали, как я на них жить-то буду. Да легко, я и не на такие деньги жила! Меня от людей тошнит, я тишины хочу и покоя. И отец ваш-«козел» не сказал мне, что у него заболевание крови,

я б тогда и рожать не стала, и бабка-сучка, мамашка его, промолчала. Ей собака дороже тебя была. Собака же на тебя бросилась, помнишь? А я ей, твари, говорила, что закрывай собаку в комнате.

— Так вроде же бабушка меня любила? — вставила я. — Говорила, что во мне две капли голубой крови, разве нет, ты вроде сама мне это не раз рассказывала. Из садика бабушка меня забирала, я это помню.

Пауза.

— Ну это когда было-то, когда еще сестра твоя не родилась, а так ей одно нужно было, — ушла мама от темы, — она в жизнь нашу с отцом лезла, ее только это интересовало. А я всегда могла резко ответить. А по молодости так тем более в карман за словом не лезла. У нее глаза на лоб лезли, когда я папашку вашего в магазин, например, отправляла. Как же, сыночек ее развалится.

— Меня попроси, если не справляешься. Это женские обязанности, — поучала меня свекровь.

А я ей как отрезала:

— Может ты еще и спать со мной будешь?

Ты бы видела ее лицо!

Еще раздражало ее, видите ли, что у меня деньги открыто лежат. Она мне все говорила, что я зарплату у мужа должна взять и в карманах посмотреть, не осталось ли? Да на кой же он мне такой нужен? Я у вас-то сроду карманы не проверяла! А это я за взрослым мужиком следить буду?! Зачем мне мужик, которому доверять нельзя? А из сада тебя соседка забирала, ты путаешь, — вдруг уверенно заключила она.

— Нет, мам, не путаю, я даже помню, как ты меня ругала, — настаиваю я. И сестра помнит, как я ей через забор кричала: — А меня бабушка забирает! — и как ей обидно было.

— Ну может и было пару раз, — брезгливо сказала мне мама. — Да ну ее, и говорить тут нечего, стерва и стерва еврейская.

— Мам, почему-еврейская-то? Нет же подтверждения, — говорю я.

— Да все равно, что есть, что нет, в те времена все скрывали, так что еще неизвестно, — объяснила свою позицию мама и продолжила рассказывать про Зину. — А наша бабка только младшего любила, «сю-сю» да «сю-сю». Избаловала его, все ему, всю пенсию готова была на него спустить, помнишь? Вот и вырастила кого? Избалованного хлюпика! Сама и виновата, сгубила мужика. Так что вот так, доча, мне и вспомнить-то нечего, — заключила она.

— Мам, а почему я никаких праздников не помню? Ну один

был день рождения, когда мне босоножки красные крестная подарила, и ты говорила, что в тот раз мы все вместе чуть ли не сто рублей в парке аттракционов прогуляли за день; и один Новый год еще на старой квартире у каких-то друзей, когда мне года четыре было, не больше. А потом я ни одного праздника не помню. Почему?

— Лена, какие праздники, я ж из детдома! Меня сроду никто с днем рождения не поздравлял, я никогда его не праздновала! Что ты, день рождения какой-то!

— Но ты же видела, что все празднуют, — уточнила я свой вопрос.

Но она ответила мне с той же уверенностью:

— Перестань! «Чему Ваня не научился, тому Иван не научится». Не научили меня праздновать. Я вот вас и на музыку, и на акробатику, везде таскала, вот вы у меня нормальными и выросли, — видимо, как оправдание, привела мама этот стопроцентный аргумент. — А то если бы я слушала этих врачей, что бы было? — добавила она. — Да пылинки бы с вас сдувала? А так из вас нормальные девки выросли. Сколько работ из-за вас поменяла! Мне ж, бывало, звонят на работу: «Приезжайте, кровотечение!». А какому работодателю это понравится? Вот меня везде и гнали. Нигде не могла удержаться. А потом с мужиками, «козлами этими», одни проблемы были. Уж не знаю, что они во мне находили. А мне ж отец нужен для вас.

Я им:

— Женись!

А они:

— Нет, у тебя две девки.

А сам позовет меня в кабинет и стоит на коленях, в коленки мне «люблю» рыдает! А я сижу и думаю: «Господи, опять работу искать».

Одному говорю:

— Что ты так переживаешь насчет дочек, до тебя ведь выросли?

Он:

— Ну да.

— Ну и после тебя вырастут.

Задумался…

Вот так мама видела причину своих неудач и проблем в ее жизни, их как я поняла было две: это мы с сестрой и «мужики-козлы».

А мама продолжала:

— Я уж вот на этой квартире (после размена), помню, только устроилась, а мне ведь уже пятьдесят два, что ли, было, а он

вьется вокруг меня, вьется, а ему, мальчику, лет тридцать. Ну куда? Пришлось уволиться. Пошла в другой магазин устроилась, и там через два месяца такая же ерунда, ну, думаю, я так устала, столько я напахалась, что уже ничего не хочу. Мне бы уйти в лес, и рожи эти противные людишек этих мерзких не видеть.

— Мам, а что с первым ребенком твоим произошло? — сменила теперь я тему разговора. — Бабушка, помнится, говорила, был мальчик? — спросила я аккуратно.

— Ой, не знаю, тоже на бабку грешу. Мне же лет-то было всего (а маме было лет шестнадцать-семнадцать, как и мне, когда я родила). Написали в справке «криминальный аборт». Я что понимала тогда чего? Ну написали и написали. А со мной женщина лежала, у нее детей не получалось, все скидывала. Так я грешу на бабку, что она ей и отдала. Потому что какой аборт, я ж рожала, а мне сказали, что он умер.

— Ты не искала его? — поинтересовалась я.

— Нет. Сказали же, умер, — коротко и жестко оборвала меня мама. — Я за них за всех молюсь сейчас. Кто его знает. А вот в библии единственная заповедь с обещанием ты знаешь? — спросила она меня неожиданно.

— Нет, не знаю, — ответила я.

— Все заповеди просто запрещают, а в этой продление жизни обещается: «Почитай своих отца с матерью, да продляться дни твои», — процитировала она мне.

И из всего ею сказанного она заключила:

— Ведь родителей не выбирают, каких Бог дал, тех и терпи, и люби».

БАБУШКА ЗИНА О МАМЕ

Теперь я поделюсь той небольшой информацией, которую я получила от бабушки. Это все, что я помню и знаю. Бабушка Зина специально никогда нам ничего плохого про маму не рассказывала, она вообще почему-то старалась ничего не рассказывать о своей жизни. Но как-то в ответ на наши обвинения в ее жестокости по отношению к нашей маме у нее вырвалось:

— Мать ваша всегда была «оторвой» … и пожрать любила. Я ей говорю: «Не таскай варенье», а они с братом полведра могли съесть. А в шестнадцать лет убежала с каким-то бандитом, и вместе или как, а он нашу квартиру хотел ограбить. Да потом забеременела от него. Та еще «лярва» была.

Немаловажным будет сказать, что незадолго до смерти бабушка раскрыла семейную тайну о том, что отцом ее дочери не был тот русский офицер, фамилию и отчество которого она носила и который, как мы узнали, был отцом-то только для ее старшего брата. Мамин же отец оказался со звучной фамилией на еврейский лад. Подробностей бабушка раскрыть не захотела. На прямой вопрос о национальности сказала что-то невнятное. А самое странное для нас то, что мамины взгляды на нас и на мировые проблемы это известие не поколебало. И все, что мы услышали в свой адрес, подняв эту ему, была фраза, брошенная вскользь, из серии «Ну кто не ошибается? Все мы грешны» … И все!

«Любите меня такую, какая я есть!» — девиз нашей мамы, все, что она нам говорит в подобных случаях.

Бабушкино полуоткровение запутало нас еще больше. Получалось, что вполне возможно наша мама «полукровка». А кто же все-таки мы? Сначала у нас было жуткое желание поднять архивы, но домашние заботы и работа не позволяли нам уделять этому достаточно времени. Да и информации о предках у нас практически не было.

И мы решили:

— Да какая разница, в конце концов. Мы — это мы. А кровей у всех, кого не копни, намешано. И что? Ничего. Кому не нравится, отойдите в сторонку.

ОТНОШЕНИЯ С ВНУКАМИ

Вот уже и наши с сестрой дети подрастают или выросли. Бабушек со стороны отцов они обожают, хотя, понятное дело, отношения со вторыми свекровями у нас тоже складывались не без проблем, но на отношение между внуками и бабушками это никак не повлияло. А бабушку с нашей стороны, нашу маму, все внуки не любят и боятся, хотя и видят, что мы с ней общаемся и помогаем, несмотря ни на что. И уже даже младшие задаются вопросом — зачем?!

Ответ один:

— Она наша мама.

Бабушка не меняется и ведет себя по отношению к младшим внукам абсолютно так же, как вела себя со старшими, казалось бы, разница между ними не малая, десять-пятнадцать лет, но на модель поведения мамы время никак не повлияло. Более лояльно она относится к моему сыну, ее младшему внуку, ему она прощает гораздо больше детских шалостей, чем его двоюродной сестре. Конечно, и возможностей относиться к младшему внуку иначе у нее просто нет, в этом ему повезло больше, чем остальным, он практически всегда, если и оставался с ней, то под родительским надзором. С девочками бабушка вела и ведет себя безапелляционно. Поясню примером. Племяннице купили модных кукол из серии «Барби», о которых она долго мечтала. Бабушка пришла к сестре домой навестить внучку, пока родители на работе, а няня уже ушла. Счастливая внучка принесла кукол бабушке чтобы похвастаться. Бабушка увидела этих кукол и разразилась гневной тирадой на тему бесов и бесовских игрушек. Она потребовала от семилетнего ребенка вслух и четко подтвердить согласие с ее мнением. Ребенок, напуганный такой реакцией, естественно закивал. После этого бабушка взяла кукол и пошла к мусоропроводу, в который их благополучно и выкинула, пригрозив племяшке, чтобы она «этой мерзости» в доме больше не видела. Племянница пребывала в шоке от такого поступка и со слезами рассказывала о произошедшем. Когда сестра поинтересовалась у мамы, какое она имела право так поступить, не спросив согласия родителей, ведь как минимум кукол можно было бы продать, бабушка устроила скандал на тему, что с ее мнением никто не считается и не ценит добро, которое она пытается из последних сил нести в наши забытые богом семьи, не преминув пройтись по неблагонадежности няни. С игрушками сына мама себе такого

не позволяет, с моим сыном она ведет беседы о вреде трансформеров и супергероев, и всякой другой мальчиковой братии; и стойко терпит их присутствие и хвастовство ребенка новыми приобретениями. Второй пример. Гуляя с внучкой по лесу, в случае особой внучкиной непонятливости, бабушка полушутя может отвесить ребенку «пендаль» прилюдно, это за оскорбление не считается, с младшим внуком подобного она себе не позволяет.

Мама опять же по собственной инициативе и вопреки желанию родителей всячески пыталась воцерквить внучку. Отношение к религии у сестры стало очень сложным после трагической смерти ее старшего сына, не успевшего отпраздновать десятилетний юбилей, и всей той грязи, которую нам пришлось пережить, ища правды и возмездия в судах и после них. Сестра просила маму, без ее согласия и присутствия, с ребенком о религии не говорить. Мама не слушала. Она приносила в дом сестры иконы и книги, требовала от ребенка заучить их названия, читала ей эти церковные книги, заставляла учить молитвы и молиться. Памятуя о том, как жестко и категорично мама все это делала, ничего, кроме отторжения у сестры и ее мужа, а также страха у внучки такое агрессивное поведение не вызывало, а только множило скандалы и отталкивало семью сестры от церкви.

Я в свое время оказалась более податливой. По настоянию мамы, дабы избежать предрекаемых мамой страшных проблем, итогом которых должна была стать полная потеря старшей дочери и для общества в целом, и для меня, как для матери, моя дочка весь четвертый класс посещала платную, совсем не дешевую общеобразовательную православную школу. Я не вижу в самом выборе школы ничего предосудительного, но только когда он сделан от души, а не под давлением. Именно из-за психологического давления моя дочь попросила ее оттуда забрать, никакого положительного результата эта школа в итоге нам не принесла.

Как результат — уже подрастают младшие внуки и не могут простить бабушке пинков и затрещин, а также оскорбления их родителей. Обе внучки говорят, что для них не было ужаснее и хуже дней, чем, когда они оставались с бабушкой или она, приходила за ними в садик или школу. Так же, как и я в свое время не смогла простить бабушку Зину, они не могут простить свою бабушку. Мы не подогреваем их негатив, но если честно, то и на любви уже не настаиваем.

МАМА И ЦЕРКОВЬ

Нас с сестрой мама растила в атеизме. Мы были некрещеные. Свою убежденность она подтверждала набором атеистических книг как философских, так и по истории Библии, которые мне надлежало прочитать. Я покрестилась по собственной воле, уже родив первого ребенка, и одновременно с ним. Мама тогда встретила этот мой шаг насмешкой.

Но вот уже лет пятнадцать, как мама сама активно посещает церковь. И в церкви она очень быстро продвинулась в круг «избранных». Она классический пример тех бабушек, которые встречают «шипением» и «порицанием» еще невоцерквленных прихожан, поучая и назидая, как им встать, что одеть и куда смотреть. О чем нам неоднократно рассказывали наши знакомые и родители, пытавшиеся показать детям, что такое храм божий. Надо отметить, что резюмировали они свое посещение церкви, благодаря «радушному» приему нашей мамы одинаково, что «и захочешь зайти, а, вспомнив ее, не пойдешь». Больше всего меня удивляет в маминых взаимоотношениях с церковью, что выбор ею всегда будет сделан в пользу церкви. Даже когда у ее внучки, восьмилетней дочери моей сестры, температура за тридцать девять, а родителям надо «кровь из носу» выйти на работу, наша мама откажет в помощи близким, но при этом, например, в тот же день пойдет в церковь, где самоотверженно под проливным дождем станет раздавать «святую» воду посторонним людям.

— Непросто раздавать воду в течение четырех с половиной часов, — сама потом и рассказывает она нам, не видя в этой ситуации ничего противоестественного.

И это при том, что сестра крайне болезненно переживает все проблемы со здоровьем дочки, так как в нашей жизни была трагедия.

Большой проблемой для нас оказалась и мамина манера одеваться. Последние лет семь-десять мама почти всегда принципиально надевает самые старые и заношенные, бывает, и с не зашитыми дырками вещи, называя их любимыми. Нам такой выбор преподносится, как поддержка христианской морали и отказ от излишеств.

— Мне ничего не надо, — любит повторять мама.

Сначала нам стоит огромного труда выслушать претензии о том, что она не нуждается в вещах, которые у нее уже есть, и самим придумать, как ей намекнуть, чтоб не обидеть, что

пора бы купить новую вещь. Потом огромного труда стоит уговорить ее пойти в магазин. Там бабушка будет задыхаться без кислорода, ругаться с продавцами, поясняя свои высказывания огромным опытом в торговле, давая понять, что ее не проведешь, фыркать и называть все кругом г..ном. Потом нам худо-бедно удается ей что-нибудь выбрать и, сто раз спросив, нравится ли ей эта вещь, за свои деньги купить, обязательно взяв обещание, что раз она выбрала, то и носить будет. Но… в девяноста процентах случаев через неделю окажется, что эта вещь абсолютно ей не подходит, что она, пожалев нас, пошла с нами в магазин, и мы навязали ей это го..но, в котором ей тесно, нечем дышать, жарко, холодно… а ей надо совсем другое. И в результате вещь относится в церковь или отдается кому-либо из знакомых. Действует в таких случаях только жесткий ультиматум, что-такую-то и такую-то старую вещь она не должна надевать, когда идет куда-либо с нами. Мы знаем, что она любит наряжаться и даже прихвастнуть перед приятельницами, а перед поездкой на отдых с удовольствием обновляет свой гардероб, естественно, за наш счет. Почему она так поступает?! У нас один ответ, а именно: для того чтобы выглядеть максимально несчастной. Маму не волнует, какие временные и финансовые затраты мы понесли для нее в магазинах, ей нужно что-то другое, и все. Ну а как чувствует себя ребенок, когда бабушка приходит к ней в школу в таком виде или же идет с ней гулять, а еще хуже — приходит на семейное торжество с приглашенными гостями, я думаю, пояснять не нужно, ребенок стесняется. И прочее, и прочее…

МАМА И МОЙ СЫН

Моему младшему ребенку почти одиннадцать, он незапланированный ребенок, но с первых минут очень желанный, и рожденный, вопреки всему. В уходе за сыном мама предлагала мне помощь, выраженную в прогулках с коляской в один из моих выходных дней на ее «законные два часа». Ей нужно гулять, она без прогулки не может, она «должна и привыкла гулять». Другой помощи не предлагалось. Поэтому мне после собственной нелегкой трудовой недели нужно встретить ее полным столом и холодильником. А если погода стояла плохая, то я должна развлекать ее разговорами и вниманием все время, пока она находилась у нас дома. Я так уставала за этот день, выходной был потерян, дела не сделаны, что придумывала любые отговорки, чтоб отсрочить ее приезд на возможно более долгое время. Мама, конечно, не обязана помогать мне в моих проблемах, но, когда дело касается ее проблем, она предъявляет ко мне совсем другие требования.

Пять из своих одиннадцати лет сын провел в инвалидном кресле. Благодарю Бога, что сыну не передалось заболевание крови. Но Бог дал нам другое испытание.

Вы думаете, что в ситуации с больным сыном мама предложила мне другую помощь? Да, боже упаси, помощь нужна всегда только ей. А я, как обычно, сильная и выносливая, как говорит моя мама, значит, и в помощи не нуждаюсь, ведь «кому больше дано, с того больше и спросится».

Работу пришлось оставить моему мужу, так мы решили на семейном совете, так как уход за ребенком инвалидом — тяжелый ежедневный труд. Ребёнок — не «пушинка». Его надо одеть, обуть, в туалет, в машину посадить, достать… Няня? Ну, дома возможно. А кто будет возить КАЖДЫЙ день в реабилитационный центр? И в поликлинику на физиопроцедуры? В бассейн?! Все это жизненно необходимо, чтобы мышцы на обездвиженной ноге не атрофировались. Кто его в этот бассейн опустит и достанет? Кто с ним будет лежать на операции в больнице и месяцы после, в реабилитационном центре? А травма психики для ребёнка? Кто будет этим заниматься? Или никто, или кто-то из близких ему людей, кому он доверяет. Вот и весь ответ.

За пять лет, которые мы лечили ребенка, как мы потом посчитали, мы жили семьей всего полгода. Все остальное время муж с сыном мотался по разным странам в надежде на положительный результат. А я, конечно, абсолютно забросив

себя, пахала, по-другому и не скажешь, растила дочь и копила на лечение сына. На словах мама конечно переживала за нас, но и только.

В итоге муж уехал с сыном на лечение за границу, где мы потом и остались.

Жизнь в эмиграции нельзя отнести к категории легкой жизни, особенно без знания местного языка и, переехав туда, после сорока лет жизни совсем в другом типе общества. Но мы с мужем стараемся, хотя нам это удается с большим трудом.

ИСТОРИЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ

Первые полтора года муж с сыном жили заграницей одни.

В свой первый поход в магазин, он очень долго пытался определить по этикеткам на местном языке, где масло, а где маргарин, а где сыр, и какой он, пытался отличить молоко от кефира, сосиски острые от сосисок с сыром и прочее, и прочее. Это было нелегко. Наконец, по списку муж дошел до куриных яиц. Казалось бы, чего уже проще, бери упаковку и все тут. Но он никак не мог найти прилавок, где они находятся. Сделав несколько кругов по магазину, он увидел скучающего охранника и решил обратиться к нему за помощью. Так как на местном языке он не говорил, он спросил, где искать яйца по-английски. Охранник что-то ответил и замотал головой. Муж подумал, что, видимо, английский язык охранник не совсем хорошо понимает. Но не растерялся и решил прибегнуть к «наглядным средствам агитации». Он повторил свой вопрос, сопроводив его звуковым эффектом, произнеся несколько раз что-то похожее на «кукареку». Охранник помотал головой и пожал плечами. Тогда муж прокукарекал и помахал руками, изображая крылья. Результат отрицательный. Муж решил еще более усилить эффект. Он прокукарекал, взмахнул руками, изображая крылья, и затем, соединив кончик указательного пальца с кончиком большого пальца на обеих руках так, чтобы получились круги, показал эти символы яиц охраннику. Результата не было. Уже почти отчаявшись объяснить, что ему нужно, он проделал все описанные действия и поднес округленные пальцы к отличительным признакам мужского пола, расположенным ниже линии живота, и внятно произнес еще раз слово яйца на английском языке. Тут он увидел, что вокруг них собралось довольно много публики, и все с интересом смотрят, как один взрослый мужчина что-то изображает перед другим, издавая странные звуки, взмахивая руками и показывая не совсем приличные жесты в общественном месте. Муж немного смутился, но был вознагражден тем, что охранник счастливо заулыбался и повел его вглубь магазина. Наконец-то подумал он, беру яйца и домой. За ними проследовало несколько любопытных. Подошли к прилавку. И вот тут муж понял, что яиц сегодня уже точно не будет, так как их «победное шествие» завершилось у полки с… презервативами. Ко второй попытке объяснить, что ему нужны куриные яйца, муж не был готов.

Ну это, конечно, все юмор. Жизнь, как все понимают, намного сложнее.

МАМА И МОЕ ЗДОРОВЬЕ

В тридцать семь, с расстоянием в два месяца от заболевания сына, мне официально диагностировали ранний Паркинсон. Врачи относят это на стрессы, помноженные на мозговое кровотечение после отдыха на море в двенадцать лет, потому что следы его в виде огромных кальцинатов до сих пор хорошо видны на снимках моего мозга (после КТ и МРТ), и халатное отношение к своему здоровью. Моя болезнь маму вообще никак не тронула. Вот просто никак — я слишком мнительная! Все!

Совет был один:

— Поменьше обращать внимания! И пройдет.

Да, мама не замечала моих проблем со здоровьем и раньше.

Еще в двадцать четыре года меня первый раз увезла скорая с приступом астмы. Но через пару часов, как только меня откачали, я сбежала, так как дома меня ждал ребенок. Мама была дома, а, значит, я, чтобы избежать скандала, отправилась на улицу, прихватив с собой радиотелефон, что позволяло, находясь на улице, разговаривать по городскому номеру (мобильных телефонов тогда у населения не имелось). Из скорой помощи позвонили с проверкой. Я не успела, и трубку сняла мама. Ей представились и задали вопрос про меня. Мама в крайней степени удивления позвонила мне на улицу по радиотелефону и передала, что был такой-то звонок. Не знаю, что уж там подумали об этой ситуации врачи, а мама спросила:

— Ты что в больнице была?

— Да, — ответила я.

— А то врачи в таком недоумении и недовольстве, что ты на улице, и почему я тебя отпустила, а я только удивилась, я-то здесь при чем? Ну ладно, гуляешь, значит, все нормально.

— Да, нормально, — отвечала ей я.

А что еще, собственно, здесь можно сказать?! Что можно сказать, если ты, живя со мной в одной квартире, не видишь, что я не отрываюсь от противоастматического баллончика, что я кашляю как иерихонская труба; сплю сидя, если сплю, и еле двигаюсь от страха вызвать полное удушье. И при этом ухаживаю за дочерью и хожу на работу. Но в двадцать пять я уже не отвертелась. Меня с приступом, при котором я уже не смогла даже на вопросы отвечать, так как от напряжения челюстных мышц бронхоспазм усиливался, увезли в реанимацию, дочку пришлось забрать ее отцу, дай бог ему здоровья.

Когда я из больницы позвонила матери, она мне сказала:

— Ну я к тебе не поеду, чего таскаться-то, ведь не ближний

свет? Новости мы с тобой уже обсудили, поэтому не обижайся, а я не приеду.

С тех пор эту фразу я слышала всегда. А в больницу я раз в год, да попадала хоть на несколько дней. Я уже не говорю, что моя жизнь протекала от кровотечения до кровотечения. На работе у меня всегда лежал сменный комплект одежды на случай проблем. Бывали разные ситуации: от… просто, когда кресло под тобой промокает от крови, до… конфузов в общественных местах, когда кровь течет по ногам, наполняя обувь. Испачкано кровью все. Вся верхняя одежда, сапоги, диваны, кресла. Все это постоянно замывалось, застирывалось и отчищалось. И почти никак не лечилось. Не было на лечение ни сил, ни времени, ни других возможностей. Ведь на врачей нужно время. А я работаю и одна воспитываю дочь, и кто как ни мама могла бы это понять. Врачи, конечно, когда я к ним попадала, предупреждали меня, что организм сломается. Что это все только энергия молодости, и ужасались, глядя в мои анализы, а я только и успевала писать отказы от госпитализации. Мама учила меня не жаловаться и не ныть. Я не считала свое здоровье какой-то ценностью, главное для меня, было обеспечить достойную жизнь моей дочери. А вспоминая собственное детство, я страшно боялась нищеты и тех страхов, и унижений, через которые, благодаря этой нищете, мне пришлось пройти, и не хотела повторения для своих детей. Через что пришлось пройти, чтобы в принципе родить детей, имея эти заболевания, я здесь и рассказывать не буду. Организм сломался, ответив мне ранним Паркинсоном. На работе, понятное дело, я все старалась скрывать, держа на лице мину успешной и счастливой женщины — руководителя, инвалид в нашей стране таковым стать не мог, это не было понятно нашему обществу. Как-то я сама стала свидетелем одного разговора между моими подчиненными.

Москва. 2013 год. Офис. Коллеги, с двумя высшими образованиями, отличные сотрудницы, приятные во всех отношениях дамы, пьют утренний кофе и что-то активно обсуждают. Слышны слова возмущения. Я захожу на кухню и интересуюсь:

— По какому поводу собрание в рабочее время?

— Да вот, делюсь впечатлениями о посещении бассейна, — говорит одна из них.

— О! Ты пошла в бассейн? Молодец, — поддерживаю я ее решение.

— Вот и рассказываю о том, что больше, наверное, не пойду. Надо будет посмотреть, можно — ли вернуть деньги.

— Почему? — искренне недоумеваю я.

— Да представляете, мы плаваем, а две дорожки закрыты. Ну, в смысле в них не пускают. Закрыли с 19.00 до 20.00 часов. А там всего их шесть. Оказывается, они для инвалидов зарезервированы! Привозят их человек десять — просто кошмар!

— Инвалидов, и что? — заинтересованно спрашиваю я о больной для меня теме.

— Да там, каких только нет! На берегу то они в протезах и на колясках, а в воду полезли, так всё поснимали. Представляете? Ужас! Хорошо хоть им дорожки выделили. Нет, я понимаю, что они не заразные и абсолютно такие же люди, как и мы. Им надо лечиться… Но мы же деньги заплатили! Это ведь неприятно на все эти культи смотреть! Вместо эстетического удовольствия…

Я закашлялась.

— Ой, Вы, что приболели? Не бережете себя. Как Вы себя чувствуете? Водички? Аптечку? Помочь? — сочувственно защебетали все вокруг, как по команде…

Но близкие ко мне сотрудники все равно все знали. Это невозможно скрыть! И я откровенно удивляюсь до сих пор, как маме удавалось ничего не видеть, ни моих болезней, ни моих проблем, никогда в юности меня избили? Успехи, это — да, мама замечала, ей приятно было ими гордиться и прихвастнуть, а вот проблемы, это — нет, разбирайтесь, что называется, сами.

ЛЮБОВЬ НА РАССТОЯНИИ

Сейчас мы с мамой живем очень далеко друг от друга. Расстояние и время, отчасти, сделали свое дело. Обычно мы вполне хорошо и доброжелательно общаемся «по скайпу». Столько слов любви, как через «скайп», я не слышала за всю свою жизнь, и меня даже спрашивают, как я себя чувствую, после восьми лет болезни, но этот позитив длится только до того момента, пока я не скажу что-то против ее мнения.

А, в последнее время, мама постоянно жалуется на отсутствие теплой и нежной любви к ней. Не участия, помощи или внимания, а именно тепла так не хватает ей. Но это снова не просьбы и разговоры по душам с целью найти точки соприкосновения, а ультимативное требование.

Недавно, поссорившись в очередной раз с сестрой, мама заявила мне в резкой приказной форме, подтверждая свои слова грозными взглядами, криком и стуком руки по столу, что я просто обязана ее содержать и выполнять все ее пожелания; не так часто она болеет, ведь она, как известно, положила на меня всю свою жизнь.

Я по-прежнему общаюсь с ней, когда она этого желает, выслушиваю ее жалобы и мнения, поддерживаю морально, помогаю финансово, но, если быть абсолютно искренней, я действительно не испытываю потребности прижаться к ней, обнять или поцеловать ее, не вырабатывается у меня тепло.

Вроде бы мама хочет со мной общаться, но при этом, я могу дозваниваться до нее неделю, и она не подойдет к компьютеру, хотя я ее об этом регулярно прошу. Потом она напишет мне короткую фразу «Я жду!» или «Можно, звони!». И все. Ни слов «доченька», ни имени, ни «скучаю». Но, я звоню и вижу, что она ждет моего звонка.

Возможно, Вы сочтете меня черствой, но чувства вины или угрызений совести по поводу отсутствия нежных чувств к собственной маме, я сейчас осмысленно не испытываю, хотя все, что привело к этому выбору, далось мне очень и очень нелегко. Это внутреннее отчуждение помогает мне скинуть с себя бремя вины за собственное существование.

Мама приезжала ко мне в гости, и я всячески угождала ей на протяжении тех двух недель, которые она здесь жила.

Но мама была недовольна, прохаживаясь по садику вокруг моей квартиры, держась за сердце, громко вздыхая и охая, она приговаривала:

— Тоска! Ох, тоска!

Тогда я подумала:

— Какое счастье, что соседи не говорят по-русски.

Конечно я стараюсь относиться к маме спокойно и даже с юмором, принимать ее такой какая она есть, понимая, что ее уже не исправить, но это совсем не легко.

Когда мама приехала, я устроила ей культурную программу. Сама я на местном языке говорю хуже, чем «со словарем», поэтому с населением общаюсь в основном на английском языке. Мама уверенно заявила, что английский она и сама знает и что в общении с людьми ей помощники не нужны, ей и самой полезно попрактиковаться. От меня, следовательно, требуются только услуги сопровождения, остальное она все сама будет регулировать. Поехали мы посмотреть достопримечательности. Идем. Вдруг видим, впереди какое-то мероприятие с одетыми в парадные мундиры конными военными и духовым оркестром. Мама проявляет интерес и предлагает задержаться посмотреть, что здесь такое. Я соглашаюсь. Сыграв марш, оркестр затих, конница приняла по стойке смирно и на трибуне стали по очереди выступать какие-то местные официальные лица. Люди вокруг со вниманием и в тишине слушали. Мы тоже стоим и слушаем, проходит десять минут, пятнадцать… Мама нервно задает мне вопросы: «О чем это они все рассказывают? И как долго все это будет продолжаться? И что будет дальше?». И так далее и тому подобное. Я шепотом отвечаю, что не в курсе событий, а с местным языком у меня беда. Поэтому, если она устала, то мы пойдем дальше, впереди еще много интересного. Ответ получаю отрицательный, с комментарием, мол, что мы зря столько ждали, и она сейчас пойдет и сама все узнает, раз я такая некомпетентная. И не успела я и ахнуть, как моя мама, практикуясь в английском, но почему-то на чистом русском, и почти в полный голос, стремительно наклонившись к уху сосредоточенно слушающей дамы спрашивает: «Извините, не подскажете это все здесь надолго?». Та аж подскочила от неожиданности, да и окружавшие ее люди слегка вздрогнули. Сказав что-то на своем языке, она отошла от моей мамы. Подождав немного, мама обратилась с тем же вопросом на прекрасном русском языке к пожилой паре, стоявшей рядом. Реакция не заставила себя ждать: люди от нас шарахались в стороны. Я поспешила сгладить ситуацию и, мягко взяв маму под локоть, предложила все-таки пойти дальше. На моем лице была улыбка, мама поинтересовалась, что это так меня насмешило, и вдобавок прокомментировала ситуацию словами, что, мол, странные здесь люди, не могут ответить на простой вопрос. На что я ответила, почему же она спросила

не на английском, а на русском языке? «Ну, — ответила она, ничего страшного, могли бы и по-русски понять». Мы пошли в собор. Мне было сказано, чтобы я не лезла поперек батьки в пекло, и не думала, что она ничего сама не может раз ей за 60. На что я предоставила маме возможность самостоятельного осмотра, давая комментарии только, если она ко мне обращалась. В соборе она долго ходила туда-сюда под внутренними балконами, как я потом догадалась, пытаясь понять, как и откуда следует подниматься наверх. Видимо, отчаявшись разобраться самостоятельно, она обратилась ко мне, еще раз сказав о том, что английский она знает и поэтому намерена обратиться к сидящей у спуска с балкона смотрительнице сама. Уж работники музеев, тем более молодые, должны знать английский язык, категорично заявила она. И вот я слышу, как моя мама спрашивает: «Ду ю спик инглиш?». И получив в ответ «Yes», она наклоняется вперед, свешивая свободно руки перед собой, и начинает ими покачивать из стороны в сторону, произнося при этом слова «колокола» и «бум-бум», периодически показывая рукой в сторону балкона. Работница музея от такой прыткости пожилой дамы растерялась, и, с опаской глядя на нее, спрашивает: «What do you want?». Я не вмешиваюсь. Мама, активно продолжая делать все эти телодвижения и постепенно поднимая интонацию вверх до возмущенной, тем самым выражая недоумение по поводу тупости сотрудницы музея, добавляет опять же на чистейшем русском: «Мол, колокола знаешь? Лестницу? Понимаешь? Наверх мне надо подняться?» Взмах руками: «Колокола… Понимаешь ты или нет? Бум-бум…» Музейная сотрудница смотрит уже испуганно и говорит: «If you have any problems with your feet, you can go this way», и показывает на лестницу, предназначенную для спуска с верхней галереи храма. Моя мама, владеющая английским, никак не реагирует на эту фразу, и продолжает раскачивать руками, произнося: «Бум-бум, колокола…» и взмахивает рукой вверх… Принимаю решение вмешаться. И говорю ей, что служительница музея сказала, если у вас проблемы с ногами, то вы можете подняться с этой стороны. Не прерываясь, мама отвечает мне: «Какие ноги? Что ты несешь? Все у меня в порядке, мне наверх надо… Колокола, бум-бум…» И тут, видимо, смысл сказанного дошел до ее сознания, и как ни в чем не бывало, остановив бой в колокола и победно глядя то на меня, то на музейную служащую она заявила: «Ну вот, я же говорила, что знаю английский язык и сама могу со всем разобраться». И гордо вскинув голову, уверенно пошла против потока людей, не отклоняясь и не отворачивая, наверх по лестнице.

БОЛЕЗНЬ

И вот, мама по-настоящему заболела. Не побоюсь сказать, что так «долгожданная» ею болезнь пришла. Несмотря на то, что три года назад она серьезно проверялась поэтому же профилю, с этими же исследованиями, теперь, на основании таких же, ей поставили страшный диагноз. Уже тогда, три года (!) назад, ей, почему-то, упорно казалось, что сделать операцию ей просто обязаны. Ей отказали в пяти (!) профильных столичных платных и бесплатных больницах (отделениях), сказав, что ничего не находят, о чем есть выписки с полными обследованиями. Но мама упорно настаивала… хотя бы на лапароскопии. И мы, чтобы как-то ее успокоить и оправдать действия «бездарных», по мнению нашей мамы, врачей, привели ей как аргумент, что лапароскопию с больным сердцем не делают.

На что мама искренне заявила:

— Ну, на сердце-то я никогда не жаловалась!

— Разве? — тут уже удивились мы.

Видимо, мама считает, что только она может заболеть серьезной болезнью, а то, что сестра начала падать в обмороки от перенапряжения, это ее не трогает. Помимо всех проблем, с этим связанных, у сестры развилась фобия боли. Но она все равно ухаживает за мамой.

Мы с сестрой помогаем ей деньгами, продуктами, оплачиваем такси до врача и обратно, сестра готовит, а иногда убирается у нее, ходит по магазинам… Но, чтобы мы не делали, это все плохо.

Я на море не ездила шесть лет. Маму же последние пять лет мы отправляем к морю каждый год на тридцать дней, так как меньший срок, по ее мнению, ей вреден. Но это помощью так же не считается.

Мама очень хотела, чтобы я бросила в другой стране мужа с сыном десяти лет, из которых четыре с половиной года он и так прожил без матери, и с букетом своих болезней в охапку примчалась за ней ухаживать. Я предложила ей приехать ко мне. Она отказалась, сославшись на родные березки. И вот, выслушивая от нее очередные претензии о недостатке рвения с моей стороны по ее лечению, я задала ей простой вопрос:

— А почему ты не предложила приехать, чтобы ухаживать за мной? Я-то заболела на восемь лет раньше тебя и не насморком. А ты еще год назад была абсолютно здорова?

Лицо мамы вытянулось.

— Ты считаешь, что я должна была приехать? — в голосе искреннее удивление.

— А что, разве есть что-то противоестественное в том, что матери ухаживают за больными детьми?

Я видела по выражению ее лица и растерянности, что эта мысль никогда даже тенью не проскользнула в ее материнском мозгу.

Через минуту она мне ответила:

— У тебя есть муж, пусть он за тобой и ухаживает.

— Действительно, — подумала я, — и как я тебя не послушала? Слава Богу!

«НЕ СУДИ И НЕ СУДИМ, БУДЕШЬ»

В глубине души, я уверена, что мама все же любила и любит нас, но только через призму своего «я», призму своего максимализма, что очень искажает восприятие действительности.

Мама часто задает нам с сестрой один и тот же вопрос, на который у меня нет точного ответа, а именно: «Если она (мама) так нехороша, то как же мы выросли у нее такими хорошими?».

Но я думаю, что мы действительно хорошие, и именно потому, что мы с сестрой осмысленно стараемся искоренить в себе те негативные качества и модели поведения, которые, хоть отдалено, напоминают нам реакцию в схожих ситуациях либо бабушки Зины, либо мамы. Ведь как сказано в одном из фильмов советского периода: «Из максималистов вырастают либо сволочи, либо люди с перебитым хребтом».

Для своих детей нам не хочется ни того, ни другого.

Я, в отличие от мамы, никогда не запрещала своей дочери посещать отца. Но у меня внутри тлела обида от того, что очень длительный период дочь намного более тепло относилась к отцу, считая только меня виновницей развала семьи. Но когда в возрасте шестнадцати лет она, после ссоры с отцом, задала мне такой, казалось бы, долгожданный вопрос, выводящий меня-женщину в возрасте тридцати трёх лет на первую ступень пьедестала ее любви:

— Мама, как ты могла меня родить от такого «урода»?

Я не испытала ничего, кроме боли, что моя дочь разочаровалась в близком ей человеке. Я вижу, что дочка ценит это и прощает меня.

«Не суди и не судим, будешь», — говорится в мудром писании. И я стараюсь не судить, понимая, что и у моих детей ко мне есть претензии, и я сама догадываюсь, какие. Я стараюсь объяснять своей уже взрослой дочери мотивы своего поведения в той или иной ситуации, и если понимаю, что где-то когда-то ошиблась, то прошу у нее прощения. И она, как мне кажется, понимает меня, потому что видит мое искреннее желание исправить положение. Мне и в голову не придет сказать дочке или сыну, что я чего-то не добилась из-за них.

Дописав эту книгу, я хочу сказать тебе, мама, что не принимаю на себя твои ошибки и ошибки по отношению к тебе твоей мамы — моей бабушки. Они ваши и отвечайте за них сами! Я готова к диалогу, но не к требованиям с твоей стороны.

Ты вырастила нас, тебе было тяжело нас растить, я это

понимаю и очень за многое я искренне тебе благодарна.

Но одновременно я хочу тебя спросить:

— А ты не задумывалась, как тяжело было нам расти в тех условиях, которые ты для нас смогла или захотела создать? Ты «вырастила» нас до семнадцати и пятнадцати лет и сочла это достаточным, тебе нужно отдыхать, ты устала, о своей маме ты не заботилась, она этого не заслужила. Вместо тебя твоей маме помогали мы. Мы так же, как и ты вырастили и продолжаем растить по двое детей, при этом старшую дочь я растила одна. Тебя никогда не волновало, на какие деньги и какими силами мы растили и лечили наших детей. Каждая из нас не обладает и половиной твоего богатырского здоровья, как и наши дети, и это благодаря твоему выбору, пусть и неосознанному. Мы столкнулись с горем потери ребенка у сестры и тяжелой инвалидностью моего сына. Мы, в отличие от тебя, поддерживали и боролись за своих детей в случаях несправедливостей и обид, нанесенных им в школе, во дворе, да где бы то ни было. Мы работали и учились, мы самостоятельно обеспечили свое будущее и будущее своих детей. И несмотря на все жизненные сложности и проблемы, мы находили и находим силы и возможности помогать тебе и раньше, и сейчас, когда ты по-настоящему заболела. А ты утверждаешь на каждом углу, что ты одинока и у тебя никого нет? Так о каких требованиях ты говоришь, мама? Я очень хочу, чтобы ты выздоровела и жила еще долги долгие годы, чтобы мы могли все это исправить!

А пока я все чаще и чаще думаю о том, что не продлит Господь мои дни. И плачу, мама. Плачу, как в детстве. Я человек, переживший достаточно бед, предательств и потерь. Слезы на моих глазах высохли очень давно, а сейчас, думая о тебе, я вновь не могу их сдержать.

Как же отчаянно мы все хотим быть любимыми, но при этом ни дарить, ни получать любовь не умеем!

Повесть основана на документальных событиях, но не является документальным изложением, имена героев изменены, все совпадения случайны.